

Деятели книги

Е. А. Динерштейн

«Фабрикант» читателей А. Ф. Маркс

Деятели книги



Е. А. Динерштейн

«Фабрикант» читателей: А. Ф. Маркс

Москва «Книга» 1986

ББК 76.17
Д 46

Рецензенты:
З. А. Покровская, канд. пед. наук (ГБЛ),
Л. Н. Пушкарев, доктор ист. наук (Ин-т истории АН СССР)

Содержание

Д $\frac{4504000000-108}{002(01)-86}$ 51-86

Время и место

Письменность во всяком случае для развития литературы представляет слишком тонкую почву и оригинальную сферу, и без книгопечатания новейшая литература навсегда могла бы остаться слабым растением, поддерживающимся искусственными средствами.

В. Г. Белинский

Адольф Федорович Маркс по праву считается одним из крупнейших издателей России. Выходец из Германии, он начинал свое дело, как говорят, не имея рубля в кармане, а умер, оставив миллионное состояние. Многое в его карьере объяснялось удачным стечением обстоятельств. Время как нельзя лучше сопутствовало его начинаниям: пореформенная Россия переживала годы промышленного подъема, кардинальные изменения происходили в деревне; не было области социально-экономической жизни страны, которой в той или иной степени не коснулись преобразования. Особенно заметные сдвиги произошли в развитии культуры и просвещения. Если в 1856 г. насчитывалось всего 8227 низших и начальных училищ, в которых обучалось 450 тыс. детей, то к концу века их число возросло до 35660, а число учащихся превысило 1 млн. человек. К началу 80-х годов в стране имелось 1377 книжных магазинов и 525 публичных библиотек. Правда, напуганное начинавшимися волнениями, правительство еще в июне 1862 г. повелело немедленно и повсеместно закрыть все воскресные школы и читальни при них. Но воскресные школы находились преимущественно в больших городах и предназначались, как правило, для взрослых, а училища открывались в провинции и сельской местности, где попрежнему проживало четыре пятых населения страны.

Вкупе все эти обстоятельства способствовали повышению спроса на определенные виды изданий: учебники, практические руководства, художественную литературу и т. п., не говоря уж о так называемых книгах для народного чтения и лубочных изданиях. Русская интеллигенция пыталась удовлетворить возникшие потребности «низших» классов. Сразу же после провозглашения манифеста об освобождении крестьян, 3 марта 1861 г., в Москве было создано «Общество распространения полезных книг». Через месяц —8 апреля — при Вольном экономи-

ческом обществе в Петербурге открылся «Комитет грамотности», по образцу которого возникли аналогичные комитеты в ряде других мест, в том числе и на национальных окраинах империи. Эти организации заметно расширили ассортимент так называемой народной литературы, но их экономические возможности были крайне ограничены, и повлиять на объем и структуру национального репертуара они не могли.

Возрастающая потребность в книжной продукции проявилась не только в создании новых издательств, но и в росте числа полиграфических предприятий, особенно типографий. Так, если в 1861 г. по всей России насчитывалось 164 типографии, то в год, предшествующий началу издательской деятельности А. Ф. Маркса (1868), их число возросло до 506. Подавляющее число типографий находилось в столицах, Европейской России и Сибири, около 30— на Кавказе, около ста — в Царстве Польском и Финляндии. «Если бы составить карту,— писал историк и писатель Д. Л. Мордовцев,— с нанесением на нее красками или какими-либо особыми цветными знаками мест провинциальных типографий, то это наглядно показало бы, каким путем от наших интеллигентных центров разветвляется и растекается, так сказать, мировой нерв цивилизации по русской земле. Мы заметили бы, что типографский станок продвигается по направлению к Вятке, на Котельнич, Слободской, Глазов, оттуда — на Нолинск, Сарапул, Елабугу, затем подходит к Уральску, перекидывается, словно Пугачев, после Оренбурга в Сибирь, в Ирбит, Камышлов, Шадрин и т. д.»[1].

В расширении книгоиздания либеральные круги русского общества видели одно из важнейших средств распространения просвещения и, следовательно, преобразования страны. Однако в российских масштабах упомянутые факты выглядели не столь значительными, чтобы можно было говорить о каком-то серьезном прогрессе в книжном деле. Через три века после возникновения отечественного книгопечатания на карте страны оставалось несметное число мест, где практически не существовало книготорговли. Причем находились они не где-нибудь в тьмутаракани, а в самом центре страны! Их легко можно было отыскать даже на полпути между столицами. «Книжных лавок или магазинов в Твери нет, ибо нельзя считать за книжные магазины те лавки в гостином дворе, где вместе с лубочными картинками, посреди сахара, чая и дегтя, продаются буквари и часословы...»— говорится в одном из

писем 1865 г., процитированном историком русской книги М. Н. Куфаевым[2].

К счастью, в Твери имелась публичная библиотека, в которой нерегулярно, но продавались книги. Там, где не было библиотек, еще пользовались рукописной книгой. И соседствовала она с печатной не из-за особой приверженности местных жителей к старине или каким-то особым традициям. Только культурной отсталостью страны и политическими ограничениями можно объяснить сосуществование этих, казалось бы, взаимоисключающих друг друга, как бы мы сейчас сказали, источников информации. Тот же Д. Л. Мордовцев с грустью отмечал, что «есть много земств, довольствующихся пока писаною литературой и не смеющих мечтать о типографском станке»[3].

Медленно, очень медленно увеличивался выпуск книг в России: 1773 издания в 1861 г., 3102— в 1869 г., 5451— в 1877 г. (Даты эти отмечены не случайно. О значении первой уже говорилось. В 1869 г. вышел пробный номер издаваемого Марксом журнала «Нива». Последний же год предшествовал началу его широкой издательской деятельности.)

Параллельно хотя и медленному, но неуклонному развитию книгоиздания шел другой, не менее важный процесс изменения количественного и качественного состава читателей. Если еще в 50-е годы в общей массе потребителей «словесности» превалировали дворяне, то в пореформенный период они уступают ведущее место разночинной интеллигенции, а к концу века резко обозначается новый слой читателей из крестьянской и рабочей среды.

В дореформенной России число грамотных составляло около 6% общей численности населения. Н. Г. Чернышевский, один из первых связавший уровень грамотности населения с объемом книгоиздания, считал, что в абсолютных цифрах их число не превышало четырех миллионов человек; другими словами, грамотных во всей стране насчитывалось столько же, сколько в одной провинции Прусского королевства (при том, что население империи равнялось трети всего населения Европы). За чуть ли не полувековой период, с середины 60-х годов XIX в. по 1913 г., грамотность сельского населения повысилась до 24—25%. Удельный вес грамотных среди городского населения был значительно выше: уже в 70-е годы он превышал его треть, а к концу века (в 1897 г.) достиг 45,3%[4].

Весьма скептически оценивая систему высшего образования в дореформенной России, Чернышевский писал,

что о его уровне можно судить по числу изданий Гоголя, Пушкина, Тургенева и числу «экземпляров, в каком издаются наши газеты и журналы»[5].

Рамки отечественного книжного рынка в дореформенный период сужались жесткими цензурными ограничениями и ярко выраженным сословным характером потребителей литературы, ориентирующихся в своей подавляющей части на зарубежные издания. Так, в 1847 г., когда тираж всех вышедших в России книг в лучшем случае составил несколько десятков тыс. экз., в страну было ввезено свыше 826 тыс. томов зарубежных изданий, не считая около 37 тыс. томов, ввезенных в Царство Польское. Через десять лет эта цифра значительно увеличилась. В 1857 и 1858 гг. в Россию было доставлено соответственно около 1,3 и 1,6 млн. томов[6]. С течением времени соотношение импортируемых книг и отечественных изданий заметно изменилось в пользу последних. Экспорт изданий еще долгое время оставался на крайне низком уровне. Так, в 1868 г. из России вывозилось книг на 128 649 руб., тогда как из ведущей книжной державы, Франции,— на 18 335 999 франков (т. е., в эквивалентном пересчете, в 35,2 раза меньше)[7].

Анализируя в следующем году содержание очередного списка вышедших книг, помещенного в «Правительственном вестнике», обозреватель одного из столичных журналов с горечью замечал, что «процент читающих в нашем обществе есть величина микроскопическая». Из чего делал вывод об ограниченных возможностях отечественного книгоиздания, с одной стороны, и с другой — о нецелесообразности последовавших вскоре после каракозовского выстрела цензурных ожесточений. «Незначительное число экземпляров, в каком печатается и покупается русская книга серьезного содержания,— писал обозреватель,— лишает опасного характера и самую „вредную“ книгу; о книгах же лишь „немножко“ вредных, т. е. возбуждающих только „сомнения“ относительно своего содержания,— и говорить нечего»[8].

Возникшие после крестьянской реформы новые социально-экономические условия, ломавшие вековые устои общественной жизни России, заставили царское правительство несколько изменить тактику борьбы с демократической и либеральной печатью и попытаться опереться не только на откровенно реакционные и рептильные журналы и газеты, но и поощрять те издания, которые никогда и ни в чем не противостояли его политике.

Вряд ли А. Ф. Маркс глубоко и тщательно анализировал общественно-политическую обстановку в стране, прежде чем приступить к изданию своего журнала, но в конечном счете его позиция по кардинальному для того времени вопросу о путях создания литературы для народа оказалась гораздо ближе к той, которую занимали «Отечественные записки», чем можно было ожидать от «Нивы» первых лет ее издания[9]. Как это случилось, нам предстоит выяснить. Здесь стоит лишь сказать, что возникшая ситуация была как бы продиктована логикой истории. Это хорошо понимал Ф. М. Достоевский, полагавший, что «в обществе постиглась, наконец, полная необходимость всенародного образования». И хотя он считал, что вся современная ему и «прежняя литература» не годилась для народного чтения, тем не менее верил в ее исключительную значимость для судеб своей страны. «Чуть только развитие коснется народа,— писал он,— Пушкин тотчас же получит и для этой массы свое народное значение. Мало того, будет иметь для нее историческое значение и будет для нее одним из главнейших провозвестников *общечеловеческих* начал, так гуманно и широко развившихся в Пушкине». Реально оценивая ситуацию, он, говоря о роли издателя в этом процессе, замечал: «...всего бы лучше было бы, если б этот друг человечества и *вправду* был спекулятор. В этом, по-нашему, и дурного не очень много. Трудящийся достоин платы: это давно сказано»[10].

Одним из таких издателей и представляется А. Ф. Маркс, выпустивший в свет наряду с полными собраниями сочинений многих русских писателей и первое массовое издание сочинений самого Достоевского.

Среди многочисленных некрологов и статей, посвященных его кончине и подводивших как бы итоги его многолетней издательской деятельности, заслуживают внимания три публикации: две из них принадлежат популярным в прошлом писателям — И. Н. Потапенко и А. В. Амфитеатрову, третья — анонимная*.

Потапенко, отдавая должное неукротимой энергии и замечательному организаторскому таланту издателя, между тем считал, что у него «не было никаких данных для того, чтобы взять на себя роль просветителя русского народа», которую он нежданно-негаданно сыграл. Отдав все силы и энергию созданному им журналу, А. Ф. Маркс

---

*По стилю и характеру статьи можно предположить, что ее автором был один из ведущих сотрудников «Исторического вестника» Б. Б. Глинский.

невольно для себя в один прекрасный день «перестал быть издателем „Нивы" с бесплатными приложениями» и «сделался издателем *приложений*, а бесплатной премией при них была „Нива". Да, она казалась жалкой и ни на что не нужной перед такими колоссами, как полное собрание сочинений Достоевского, полный Гоголь, полный Тургенев, полный Чехов и т. д.». Что же касается русского читателя, то ему было глубоко «безразлично, как надо считать, приложения при „Ниве", или „Ниву" при приложениях». «А. Ф. Маркс делал свое личное дело,— писал Потапенко,— но делал его с удивительной энергией, выдержкой, тактом, умом и честностью. Вот почему он его развил до гомерических размеров и вот почему из него сама собой получилась общественная польза»[11].

Амфитеатров также считал, что «Нива» «всегда была изданием коммерческим», но «такт Маркса» провел ее «незапятнанною» в общественном плане. По его мнению, «строго литературная оценка» созданного А. Ф. Марксом журнала не имеет особого значения, поскольку главная заслуга издателя лежит в другой плоскости — он «явился творцом той „средней публики", что теперь так важна и в русской печати, и в русской жизни: он привлек к литературному интересу мелкую буржуазию и полуинтеллигенцию». Именно поэтому столь образной и точной представляется данная Амфитеатровым аттестация А. Ф. Маркса как одного «из первых и успешнейших русских „фабрикантов читателей"»[12].

В отличие от своих предшественников, анонимный автор рассматривал деятельность А. Ф. Маркса как «одно из ярких проявлений процесса капитализации в русском книжном деле». Он объяснял его успех радикальными изменениями, происшедшими в книгоиздании за последние два десятка лет. Подобно другим отраслям промышленности, в книжном деле начался процесс синдицирования, сосредоточения «в руках одного лица не только средств воспроизведения книги, но и средств распространения». Такого рода явления, по мнению анонима, стали возможны потому, что «спрос на книгу возрос в крупной пропорции сравнительно, например, с началом восьмидесятых годов». Названные процессы автор не связывал с попытками монополизации книжного рынка, но справедливо указывал, что происшедшие перемены не следует объяснять только предпринимательской деятельностью Маркса; она в этом плане «сыграла значительную роль», но «конечно, не только его одного».

Особую, лишь А. Ф. Марксу принадлежащую заслугу он видел в другом: «В нашем книгоиздательстве,— писал аноним,— есть одна отрасль, которая своим прогрессом обязана исключительно Марксу. Он, и никто другой, повысил цену авторского права, цену на полное собрание сочинений»[13]. Эту же мысль подчеркивали Потапенко и Амфитеатров. Последний даже называл Маркса «творцом литературных гонораров». Справедливо усмотрев в этом явлении веяние времени, он указывал, что вслед за Марксом заметно увеличили гонорары А. С. Суворин и руководители издательства «Знание».

Если суммировать все сказанное, то можно прийти к выводу, что основной заслугой А. Ф. Маркса перед русской культурой было не многолетнее издание первого массового журнала, а выпуск целой библиотеки собраний сочинений лучших отечественных писателей, распространяемых за невиданную дотоле по своей дешевизне плату, в результате чего значительно расширился круг их читателей. Бесспорно и то, что деятельность А. Ф. Маркса усилила монополистические тенденции в русском книжном деле. В то же время установленные им, пусть из-за соображений конкуренции, высокие гонорары способствовали их повсеместному повышению и, следовательно, экономически содействовали развитию русской литературы. При этом, однако, не следует забывать о различии между демократическим, поистине народным по своей сути выпуском многочисленных сочинений отечественных классиков и, в лучшем случае, буржуазно-либеральным направлением основного издания его фирмы. «„Нива“ была,— по словам современника,— журналом ⟨...⟩ скромным, умеренным, „тише воды, ниже травы“»[14]. И с этим определением следует согласиться. Впрочем, насколько справедливо все сказанное, читатель сможет убедиться из последующего изложения.



А. Ф. Маркс. 1854 г.

Выбор пути

Сведения о родителях Адольфа Маркса крайне скудны. Известно, что отца звали Фридрихом (отсюда и русское «Федорович»), а мать — Марией (урожд. Герс). Жили они в прежней столице Померании, городе Штеттине, где владели фабрикой башенных часов, пользовавшихся исключительно высокой репутацией. И хотя никто в XIX веке не строил ратуш с башнями, спрос на часы непрерывно возрастал. Европа покрывалась сетью железных дорог. В невероятном темпе росло число контор и предприятий, и все они дня не могли просуществовать без продукции штеттинского фабриканта.

Фридрих Маркс был весьма образованным для своего времени человеком, энергичным и волевым. Эти качества позволили ему успешно расширить предприятие. Не менее удачлив был он и в личной жизни. Новый, 1838, год семья встретила в большом, только что отстроенном доме (на чердаке которого ее глава, увлекавшийся астрономией, не довольствуясь великолепно подобранной библиотекой, соорудил маленькую обсерваторию). Вскоре после переезда, 2 февраля, Мария Маркс родила пятого ребенка. Мальчика назвали Адольфом. У Марксов было девять детей. Но вопреки поверью, счастливым оказался не последний, а пятый.

Все складывалось как нельзя лучше, отлично поставленное дело сулило обеспеченную будущность всем членам многочисленного семейства, но, когда Адольфу едва исполнилось десять лет, в Европе разразилась эпидемия азиатской холеры. Не обошла она и Фридриха Маркса.

После смерти главы семьи «дело» пришлось ликвидировать, так как старшие сыновья были еще слишком молоды, чтобы вести его. Средств хватило лишь на то, чтобы дать детям мало-мальски необходимое образование. Сразу же после окончания среднего учебного заведения Адольфу Марксу пришлось подумать о своем буду-

щем. Перепробовав по совету родственников с десяток различных специальностей, он, несмотря на их яростные протесты, избрал наиболее привлекательную для него и наименее перспективную в глазах почтенных бюргеров. Он решил заняться книжной торговлей.

Для начала была выбрана довольно солидная фирма «Придворная книжная торговля Д. К. Гинсторфа»*. Находилась она в Висмаре — третьем по величине городе Великого герцогства Мекленбург-Шверин. То ли герцог и его подданные не отличались особой любовью к книгам, то ли хозяин при всем своем громком титуле был скуповат, но за службу с утра и до ночи юноша получал истинные гроши: «Работать приходилось много, питаться весьма скудно и ютиться в такой мансарде, в которой вода иногда мерзла в умывальнике»[1]. Эта фраза, явно написанная человеком, плохо владеющим русским языком, выдает автора биографии, во всяком случае свидетельствует, что писалась она под диктовку самого владельца «Нивы».

Все невзгоды компенсировались одним — правом пользоваться книгами, благо читать их можно было хоть всю ночь напролет.

После трех лет ученичества Адольф Маркс поступил работать в известную берлинскую фирму Гиршвальда, торговавшую исключительно медицинской литературой[2]. Магазин пользовался славой лучшего в Европе по ассортименту литературы на всех языках. Проработав два года в Берлине, Маркс подумывал уже о возвращении в родной Штеттин, чтобы там заняться «ведением дел одной местной, весьма почтенной книжной торговли», как неожиданно пришло приглашение из далекой и совершенно ему неведомой России.

Приглашал Маркса Фердинанд Августович Битепаж, известный русский книготорговец и комиссионер лейпцигских фирм, связанный через свою жену (урожд. Кулагину) родственными узами с крупными русскими книгопродавцами: Филиппом и Григорием Михиными, Иваном и Николаем Мартыновыми. Все они, наряду с М. О. Вольфом, вышли из «гнезда» известного книгопродавца Я. А. Исакова. По всей видимости, Битепаж обратился в общество немецких книготорговцев с просьбой рекомендовать ему наиболее способного и энергичного молодого человека, хорошо знакомого с постановкой книготоргового дела в

*По другому написанию имя первого хозяина молодого Маркса звучит несколько иначе: Карл Хиншторфф (1811—1882). В 1831 г. в Ростоке им было основано собственное издательство.

Германии, которое в те годы не без оснований считалось образцовым.

Уже сам по себе факт принятия предложения Битепажа во многом характеризует Адольфа Маркса. Не зная ни языка, ни страны, не имея ни малейшего представления о народе, ее населявшем, он покидает родину, решив попытать счастья в далекой России. Поступить так мог только или авантюрист, или человек, твердо верящий в собственные силы и знания, умеющий работать и работать. Правда, достичь положения в Германии было намного труднее, чем в России: ожесточенная конкуренция в книжном деле оставляла мало надежд на успех у человека, не имеющего достаточных средств, даже если он был столь энергичен и самонадеян, как герой нашего повествования. К тому же место управляющего в провинциальном книжном магазине хотя и сулило известную обеспеченность, не открывало перспектив самостоятельной деятельности. Вот почему приглашение Битепажа определило судьбу Маркса.

В сентябре 1859 г. Маркс приезжает в Петербург. За весьма короткое время он организует иностранный отдел книжной торговли Битепажа и Кулагина и берет на себя ведение дел с Германией. Как свидетельствуют современники, он успешно справился с этим, способствовав в «значительной степени расширению фирмы».

Проработав пять лет у Битепажа и Кулагина, Маркс из-за ликвидации иностранного отдела (факт этот, правда, в достаточной степени не выяснен) оказался в полном смысле этого слова на улице. Возвращаться же на родину с пустыми карманами и несбывшимися надеждами он не хотел. Из этого, довольно критического положения его вывел случай. Неожиданно в 1864 г. открылась вакансия приказчика немецкого отделения в книжном магазине Маврикия Осиповича Вольфа.

У Вольфа Маркс работал недолго. И ушел от знаменитого книготорговца и издателя без всякого сожаления, поскольку, как пишет его биограф, «получал чрезвычайно скудное содержание»[3]. Многолетний сотрудник Вольфа, С. Ф. Либрович несколько по-иному объясняет причину ухода: «Несмотря на свою бедность, он был слишком горд, самонадеян и чересчур настойчиво требовал самостоятельной роли в деле, для того чтобы мириться со скромным положением всецело подчиненного своему хозяину приказчика, торговца книгами»[4].

За недолгое пребывание у Вольфа Адольф Маркс

все же кое-что успел сделать: во-первых, он приобрел двух друзей — Германа Дмитриевича Гоппе и Германа Карловича Корнфельда, а во-вторых, составил с первым из них для Вольфа каталог немецкой научной и художественной литературы с начала XIX в. по 60-е годы.

О службе Маркса у Вольфа известно лишь со слов Либровича, приводящего, кстати, весьма любопытный документ-расписку Маркса, свидетельствующую, что, приступая к работе, он получил от хозяина авансом шесть рублей на сапоги.

По бытовавшему у петербургских купцов обычаю приказчики, конторщики и ученики квартировали и столовались у своих хозяев. Остался верен этому правилу и Вольф, снимавший рядом со своей квартирой на Караванной улице комнаты для служащих. Помимо квартиры и стола, Маркс получал ежемесячно 30 руб. жалования. Как говорят, не густо, но и не так чтобы уж совсем ничего. Правда, работать приходилось много.

Не отличаясь особой щедростью, Вольф был чрезвычайно требователен. Инициативы сотрудников не допускал, искренне считая, что лучше его самого никто не знает и не может знать дела.

В начале 60-х годов, когда обороты немецкого отделения книжного магазина сильно увеличились, Вольф вынужден был отказаться от личного руководства немецким отделом и «выписал» из Германии для заведования им Германа Гоппе. Гоппе был старше Маркса всего на два года, но имел значительно бо́льший опыт работы; книжное дело он изучал в Англии, Бельгии, Германии, где служил в ряде крупных фирм. К нему-то поначалу и был определен Адольф Маркс. Третий из друзей — Герман Корнфельд — заведовал отделом подписки на иностранные журналы. В отличие от своих товарищей он был выходцем из Варшавы, но так же, как и его приятели, мечтал со временем стать самостоятельным издателем, свято уверовав, что судьба уготовила ему сделать состояние в России.

Охваченные одной мечтой, они почти всегда появлялись вместе. Невольно создавалось впечатление, что они никогда и не расставались, даже жили в одной комнате. Неразлучных друзей сослуживцы в шутку прозвали «три Аякса».

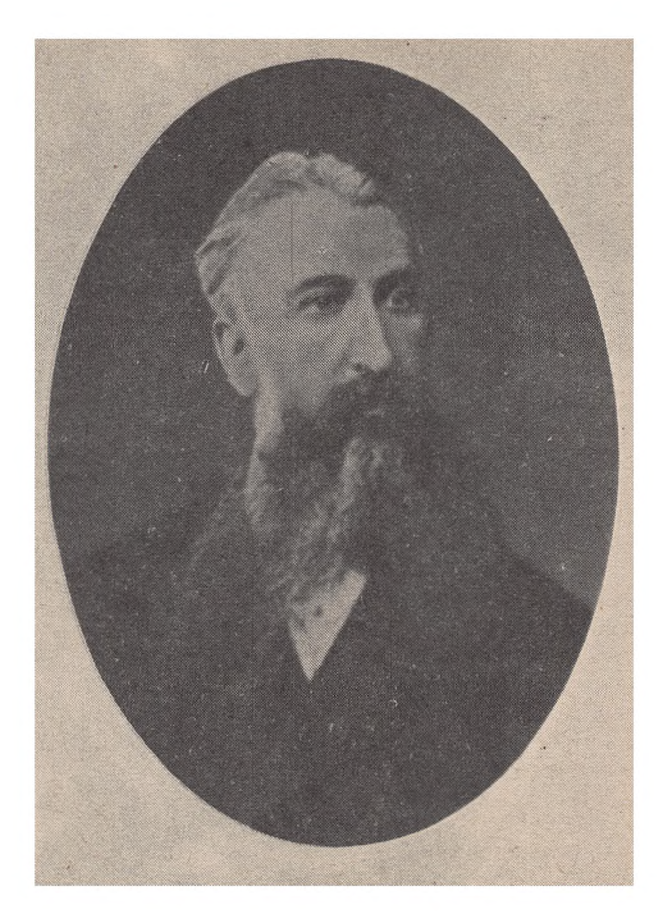
Прослужив у Вольфа до 1867 г., Гоппе совместно с Корнфельдом основал собственное издательское дело. Начали они с издания «Путеводителя по России» Бастена, «Всеобщего календаря на 1867 год» и «Всеобщей адресной

книги С.-Петербурга»*, содержащей обширный справочный отдел. И хотя средства компаньонов, как свидетельствует Либрович, были ничтожны, «глубокая уверенность в успехе затеи и... кредит в типографии Риккера» плюс колоссальный труд издателей-составителей (а работать «петербургские Аяксы» умели) обеспечили успех дела.

Корнфельд вскоре покинул Гоппе, и тот продолжал издательскую деятельность самостоятельно, выпуская в течение ряда лет с неизменным успехом «Всеобщий календарь». Кроме того, Гоппе издал ряд альбомов: «Петр Великий», «Русские народные сказки» и т. п. Но подлинную известность принес ему журнал «Моды и новости» (преобразованный затем в «Модный свет» и «Модный магазин»). Делался журнал по зарубежным образцам и ни в чем не уступал своим предшественникам. Популярность журнала дала возможность Гоппе приступить к новому изданию, которое, собственно, и составило ему имя в истории русской журналистики. В 1869 г. он начал выпускать журнал «Всемирная иллюстрация», замышлявшийся чуть ли не как изобразительная летопись эпохи. Гоппе поставил издание на широкую ногу, умело его организовал и, насколько это было возможно, стремился откликаться на все наиболее интересные события того времени. Однако первоначальный успех журнала закрепить не удалось.

Известно, что Маркс активно помогал своим друзьям в их совместных издательских начинаниях, посвящая работе у Гоппе весь свой досуг. Дружба прекратилась в тот самый день, повествует Либрович, когда Маркс сообщил о намерении выпускать собственный журнал. В новом издателе журнала Гоппе не без основания усмотрел будущего конкурента, хотя Маркс искренне уверял его, что затеянное им издание будет носить иной характер. Вместо того, чтобы приблизить «Всемирную иллюстрацию» к вкусам читателя, сделать журнал более дешевым и интересным, Гоппе решил отбить подписчиков у Маркса, начав выпуск еженедельного журнала «Огонек». Непродуманное решение, принятое из желания наказать конкурента, не привело к ожидаемому результату. «Огонек» не имел успеха и фактически разорил своего издателя. Ускоренная этими событиями смерть Гоппе в 1885 г. еще больше запутала дело. Принявший его долги брат Эдуард, несмотря на свои старания, не мог ничего поправить и,

*Всеобщая адресная книга С.-Петербурга с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтою. В 5-ти отд. Спб.; Гоппе и Корнфельд, 1867—1868. 987 с. разд. паг.



Ф. А. Битепаж

потеряв все имевшиеся у него средства, «сохранил лишь имя честного, но несчастного человека». Как ни эффектна эта версия, она все же вызывает сомнения, так как известно, что в первые годы своего существования журнал «Нива» печатался в типографии Э. Гоппе. Конфликт был, видимо, вызван какими-то другими, неизвестными нам обстоятельствами.

Судьба Корнфельда была более счастливой. Разойдясь с Гоппе, он завел фабрику каучуковых штемпелей и новоизобретенных тогда металлических вывесок. Сколотив некоторый капитал, Корнфельд в 1875 г. решился

наконец осуществить свою давнюю мечту и начал выпускать юмористический журнал «Стрекоза». Работая у Вольфа, он не только познакомился со многими иностранными юмористическими журналами, но и хорошо изучил вкусы и потребности своих будущих подписчиков. Наследуя в какой-то мере традиции «Искры» (отнюдь не в смысле идейности, что хорошо видно хотя бы по названию журнала), он, в отличие от большинства современных ему издателей, стремился к высокой художественности как в содержании, так и в оформлении своего журнала. Грубые шаржи, аляповатые, безвкусные карикатуры, мозолившие глаза в подобных изданиях, не находили места в «Стрекозе». Столь же требователен был издатель и в части литературного материала, привлекая молодых талантливых авторов. Кстати, на страницах именно этого журнала появился рассказ А. П. Чехова, который, по мнению самого автора, положил начало его литературной деятельности. Почти тридцать лет Корнфельд издавал журнал, и только смерть прервала любимое дело. Однако на этом история «Стрекозы» не окончилась. В 1908 г. сын издателя и группа сотрудников кардинально преобразовали журнал. Так был создан знаменитый русский сатирический журнал «Сатирикон». Под этим названием он и завоевал славу, перешагнувшую границы времени.

Уйдя от Вольфа, Адольф Маркс опять остался не у дел, но на этот раз уже без всякой надежды получить место у кого-нибудь из петербургских книгопродавцев. Однако и это обстоятельство не поколебало честолюбивых планов третьего из «петербургских Аяксов». На замечание Вольфа, что из него «ничего не выйдет», Маркс со свойственной ему самонадеянностью ответил: «Ну это мы еще посмотрим»[5]. Некоторое время он перебивался уроками иностранных языков то в качестве домашнего учителя, то преподавателя пансиона для мальчиков. Его положение заметно улучшилось в конце 1864 г., когда по протекции одного из приятелей его приняли в контроль Варшавской железной дороги, в котором он проработал около пяти лет, до марта 1869 г. Плохое знание русского языка не мешало исполнять ему обязанности «письмоводителя по немецкой корреспонденции» и свободно общаться со своим непосредственным начальником А. Б. фон Бранденбургом и даже с самим директором дороги инженер-генерал-майором В. А. Данненштерном.

Дорога шла на Запад и веткой к прусской границе связывала Россию с Германией. Немецкий язык наравне

с русским был официальным языком переписки. Работа письмоводителя не требовала особого напряжения, но была однообразна и безнадежно бесперспективна. Если верить Либровичу, то получал он за нее 40 руб. жалованья в месяц (Либрович, правда, писал, что он работал в отделе претензий Главного общества российских железных дорог, который помещался в здании Варшавского вокзала. Но эти сведения опровергаются изданной Гоппе и Корнфельдом «Всеобщей адресной книгой С.-Петербурга», в составлении которой принимал участие сам Маркс).

Работая в контроле Варшавской железной дороги, Маркс не оставлял надежды, вернее, жил надеждой вернуться к любимому делу. Еще во время службы у Вольфа (а возможно, и ранее) он твердо определил тот род занятий, который, по его мнению, мог принести ему известность и состояние.

Не имея ни имени, ни мало-мальских капиталов, Маркс не мог надеяться даже на минимальный кредит под собственную книжную торговлю. К тому же у него не было и необходимых для такого случая деловых связей, и какого-то определенного круга знакомых, на которых он мог рассчитывать как на потенциальных покупателей. Оставалось одно: заняться издательской деятельностью. Но что издавать? Книги? Однако в конце 60-х годов русский книжный рынок еще не ощущал потребности в широком ассортименте изданий. «До какой степени невелика у нас потребность в чтении и как мало выходит хороших книг,— с грустью писал обозреватель ,,Книжного вестника",— многие тончайшие книжонки выходили вторым изданием; изданий же, заинтересовавших внимание публики, вышло всего ничего вследствие ничтожного на них запроса, и долго, долго еще придется ожидать того благодатного времени, когда в России будет выходить в продолжение года не 1717, а несколько тысяч названий»[6].

Что касается мрачного прогноза, то обозреватель «Книжного вестника» глубоко ошибался. Но было от чего прийти в уныние, тем более что в Германии в то время одно издание приходилось на 3524 человека; во Франции — на 3113, а в Дании и того меньше — на 1712 человек. Оставалось обратиться к изданию журнала. Однако и в этом случае следовало учитывать ряд неблагоприятных обстоятельств. «Периодические издания в России либо не окупали расходов на свое издание, потому что мало читались и раскупались и, пользуясь своей благонадежностью или официозностью, получали субсидии от правительства

(например, за трехлетние 1867—1869 гг. 22 журнала получили 186 тыс. руб.), либо, раскупаемые и оправдывающие расходы издателя, подвергались финансовым ущемлениям и косвенным штрафам (как приходится называть запрещения розничной продажи „неблагонадежных" изданий или запрещения печатать в них объявления частных лиц, за которые платят деньги)»[7].

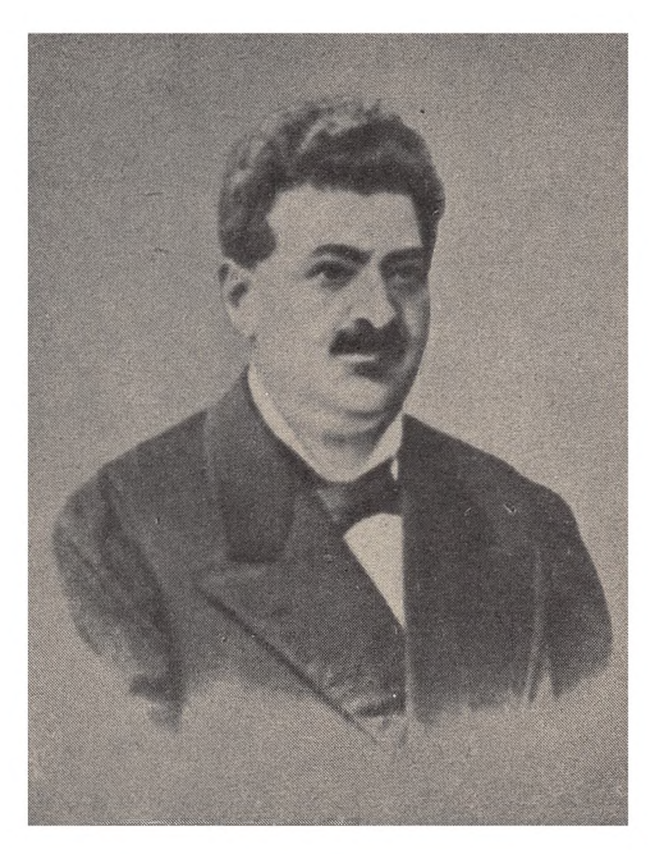
К тому же журналы стоили дорого. Практически широкий (в понятиях того времени) читатель не мог подписаться не то что на два, но и на один журнал. Так, например, годовая подписка на журнал «Дело» стоила 15 руб., «Отечественные записки»—16 руб. 50 коп., «Русский вестник»—15 руб., популярный детский журнал «Семейные вечера»—12 руб. Значительно дешевле стоила подписка на религиозные журналы —4—7 руб., но это, как говорят, иная статья. Из-за дороговизны читатели предпочитали не подписываться, а брать журналы в общественных библиотеках*.

И тем не менее только издание журнала открывало какие-то перспективы. Работая в двух крупных фирмах (относительно предприятия Вольфа можно сказать: крупнейшей), Маркс получил возможность ознакомиться с большим числом как русских, так и иностранных журналов. С. Ф. Либрович свидетельствует, что он тщательно изучал характер выходивших в те годы и даже прекративших свое существование иллюстрированных русских журналов, на последние гроши скупал отдельные их номера, старался сблизиться с самими клиентами магазина Вольфа, узнать их литературные вкусы и потребности, познакомиться с писателями и пр.

Маркс не случайно обратил особое внимание на иллюстрированные журналы. Большинство из них в силу легкости восприятия и образности материала, оперативности выпуска, дешевизны были более доступны широкому читателю, чем так называемые «толстые» журналы, которые при успехе давали большую прибыль. Например, годовая подписка на еженедельный сатирический журнал «Искра» составляла лишь 7 руб. 50 коп. Но «Искра» была

---

*Учитель в училищах системы Министерства народного просвещения получал 330 руб. жалованья в год и квартиру. Минимальный бюджет сельского учителя в 1882 г. при условии питания на 45 коп. в день, платы прислуге 2 руб. в месяц, траты на одежду и обувь — 70 руб. в год, подписки на газету — 9 руб. и 3 руб. на покупку книг, поездки на родину (в пределах 15 руб.) и проч. едва укладывался в 380 руб. (Русская школа, 1892, № 10. С. 113).



М. О. Вольф

острым, сатирическим журналом, жестоко преследуемым цензурой, что безусловно сулило издателю не обогащение, а неприятности. Маркс не намеревался заниматься «политикой». У него была выработана на этот счет своя программа, которой, нужно отдать ему должное, он придерживался всю свою жизнь. Если ее можно кратко охарактеризовать, то лучших слов, чем умеренная добропорядочность, к ней нельзя применить. Ни в одном издании, вышедшем под маркой его фирмы, не нашли места человеконенавистнические идеи, не звучали шовинистические нотки, не печатались произведения, проповедующие зло и насилие, неуважение и презрение к чужим народам

и иным странам (о редчайших исключениях будет сказано ниже). Однако тщетно было бы в них искать и мотивы борьбы за социальную справедливость.

В отличие от своего друга Германа Гоппе, адресовавшего «Всемирную иллюстрацию» состоятельному читателю, Маркс решил ориентироваться на среду более ему близкую в социальном отношении и более перспективную в качестве читательской категории. Российский бюргер — вот кто должен был в первую очередь стать подписчиком его журнала.

Эта среда, замкнутая узкими интересами своего круга, до поры до времени руководствовалась старым девизом: «Мой дом — моя крепость». Но во второй половине XIX века все меньше и меньше оставалось крепостей, способных устоять под натиском убыстряющихся событий. Маленький человек невольно начинал чувствовать свою связь с действительностью, даже если волею судеб он жил не в Санкт-Петербурге или Москве, а в Ельце или Конотопе. Стремление жить во времени неизбежно сопровождалось относительным ростом образованности, желанием лучше познать окружающий мир. При всей своей оперативности газета публиковала лишь очень краткие сообщения о событиях дня, еще не знала иллюстрации, не содержала материала для «легкого чтения», кроме фельетона (в нашем понимании — очерка), и поэтому не могла заполнить досуга. «Тонкий» иллюстрированный журнал лучше всего подходил для этой цели.

Прежде чем приступить к изданию журнала, Маркс решил испытать себя на более легком деле и выпустить одну-две книги, которые могли бы стать его «визитной карточкой» в издательском мире. Изданные им на свой кошт в Петербурге в 1869 г. книги на первый взгляд должны были заинтересовать сравнительно узкий круг читателей. Однако оригинальность тематики и низкая цена способствовали их успеху. За короткий срок «Статистические таблицы государств и владений во всех частях света», составленные О. Гюбнером (пер. с 17-го нем. изд.), и русское издание небольшой книжки д-ра Е. Штальберга «Кумыс. Его физиологическое и терапевтическое действие» оказались распроданными (предпринятое Марксом издание этой книги на немецком языке успеха не имело).

Цена первого из двух изданий была 30 коп., второго — вдвое больше. Уже один этот факт красноречиво свидетельствовал о том, на какого читателя ориентировался Маркс и каким путем намеревался добиться успеха.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Выдано изъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, на основаніи ст. 14 гл. II ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго, 6 Апрѣля 1865 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта, въ удостовѣреніе того, что согласно 4—7 стат. той же главы Прусскому подданному А. Марксу Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшено издавать въ С.Петербургѣ, съ дозволенія предварительною цензурою, еженедѣльный иллюстрированный журналъ, подъ названіемъ «Нива» по представленной программѣ. Августа 21 дня 1869 года.

Правитель Дѣлъ подписалъ/ Ю. Богушевичъ

Помощникъ Правителя Дѣлъ/ скрѣпилъ/ [illegible]

№ 2394

[illegible]

Свидетельство на право издания «Нивы»

«Нива»

Все сведения о ранних годах деятельности Маркса заимствованы фактически из двух источников: анонимной биографии, опубликованной на страницах принадлежавшего ему журнала, и двух очерков малознакомого с ним С. Ф. Либровича, опиравшегося при их написании на записи кратковременных бесед с издателем и легенды, сложившиеся вокруг его имени*. Поэтому достоверность некоторых из сообщаемых им фактов невольно вызывает сомнение. Так, если верить Либровичу, Маркс, приступая к делу, взял за образец известный немецкий журнал для семейного чтения «Gartenlaube» («Беседка в саду») и даже первоначально хотел назвать его «Беседкой»; только по настоянию первого редактора журнала В. П. Клюшникова он изменил своему намерению и наименовал его «Нивой».

С легкой руки Либровича факт этот приводится во всех публикациях, посвященных «Ниве». Однако известный исследователь русско-немецких культурных связей профессор О. Файл (ГДР) не считает «Беседку» аналогом «Нивы». По его мнению, лейпцигский журнал, основанный в 1853 г. Эрнстем Кайлем, носил ярко выраженный либеральный характер, в то время как «Нива» при жизни ее создателя была аполитична и только после его смерти журнал принял либерально-буржуазное направление. Феноменальный успех «Беседки» мог послужить стимулом для Маркса, но не более.

Различий между журналами было не меньше, чем общих черт. По литературному и художественному направлению немецкие иллюстрированные журналы для семейно-

---

*Кроме того, в книге широко использован биографический материал, содержащийся в номере «Нивы», посвященном его кончине (Нива. 1904. № 50). Автор отдает себе отчет о свойственной журналу гиперболизации заслуг издателя, привлекая лишь факты, не вызывающие сомнения в их достоверности.

го чтения «Westernmans illustrierte deutsche Monatshefte» (Брауншвейг, 1856), «Daheim» (Лейпциг, 1864) и «Über Land und Meer» (Штутгарт, 1857) более близки «Ниве». Впрочем, и О. Файл считает, что для окончательного суждения требуется тщательное сравнение перечисленных журналов[1]. (Кстати, Маркс в годы своей службы в Правлении Варшавской железной дороги сотрудничал и в «Беседке» и в штутгартском журнале «Вокруг света». Но журналистика как таковая не была его призванием. Если судить по нескольким заметкам, опубликованным им в «Ниве», бойкостью его перо не отличалось).

Остался непроясненным и вопрос о том, кто же субсидировал начинание Маркса. Какой-то оставшийся нам неизвестным его знакомый, как сообщается в биографии, или же прав С. Ф. Либрович, живописующий эту историю таким образом: «Существовал в то время в Зимином переулке маленький не то ресторанчик, не то пивная, в которой собирались по вечерам немецкие приказчики, конторщики, мелкие коммерсанты — немцы и т. п. В числе усердных посетителей ресторанчика, его постоянных гостей,—«штаммгастов», как говорят немцы,— находился и молодой Маркс. Товарищи Маркса были все люди небогатые: у одного было накоплено рублей двести, у другого — триста, у третьего — сто. Но Маркс сумел их убедить, что можно начать дело и с небольшими средствами, и они, составив «капитал» в тысячу с чем-то рублей, передали его Марксу для основания журнала».

Так ли все точно было, как рассказывает Либрович, сейчас установить трудно[2]. По всей вероятности, первоначальный капитал, действительно, был составлен из мелких паев, выплаченных впоследствии Марксом своим сотоварищам в деле. Однако названная Либровичем сумма вызывает явное недоверие.

Получить разрешение на открытие нового журнала в то время было чрезвычайно сложно. «Временные положения» 1865 г. отменяли предварительную цензуру, что, бесспорно, облегчало ведение журнала или газеты, не касающихся «политики», но это ни в коей мере не свидетельствовало о намерении царского правительства содействовать увеличению их числа. Человек без имени и состояния, каким был Маркс, мог рассчитывать на благоприятное отношение властей лишь в случае приобретения им права на издание одного из существующих уже журналов. Это был самый простой и реальный путь к намеченной цели.

Свой выбор Маркс остановил на издании, носившем весьма причудливое название, но за почти двадцатилетнее существование так и не порадовавшем своих подписчиков регулярным выходом. Речь идет о «Живописном сборнике замечательных предметов из наук, искусств, промышленности и общежития», затеянном известным издателем Адольфом Александровичем Плюшаром еще в 1850 г.

Фирма Плюшара прославилась целым рядом замечательных иллюстрированных изданий, а также первой в XIX в., но неудачной попыткой выпуска в России «Энциклопедического словаря». Выходец из Франции, Адольф Плюшар сыграл видную роль в развитии русского книгоиздания, особенно типографского искусства и оформления книги. Его дом с магазином, находившийся на Морской улице, почти полвека «служил средоточием для всей интеллигенции Петербурга и его художественных классов»[3].

Еще при жизни Плюшара соиздателем по «Живописному сборнику» стал В. Е. Генкель, который в 1869 г. после десятилетнего перерыва (но уже один) попытался возобновить издание. Однако успеха эта попытка не имела, поэтому Генкель охотно уступил свои права Адольфу Марксу. Сумма «отступного», уплаченная Генкелю, неизвестна, но трудно поверить в то, что «тысячи с чем-то рублей» хватило не только на приобретение «Живописного сборника», но и на выпуск первого номера «Нивы».

По прошествии четверти века издатель «Нивы» заявлял, что, определяя программу журнала, он сознательно отказался от «отстаивания тех или других политических идей и полемики», поставив своей целью «проведение в общество чисто семейных здравых начал». Он считал выбранное «направление» «одинаково достойным, как и задачу просвещения тех или других начал политических». По его словам, «Нива» всегда стремилась поместить «на своих страницах по возможности то, что может сплотить, соединить семью и оказать ей посильную помощь»[4].

Справедливости ради следует отметить, что провозглашенная издателем программа в чистом виде в существовавших условиях не могла быть реализована. Монархические чувства воспитывались у читателя не только лицезрением многочисленных портретов особ царствующего дома (правда, помещаемых в «Ниве» в значительно меньшем количестве, чем в «Живописном обозрении» его бывшего друга Гоппе, получавшего за то правительст-

венную субсидию), но и соответствующим отбором информации, литературного и художественного материала. Однако при всей консервативности «Нивы» первых лет издания многое ее отличало от откровенно охранительных изданий. Речь идет не о камуфляже, а о сущности журнала. Но именно такая позиция и устраивала больше всего наиболее дальновидных деятелей царского правительства.

Вряд ли Маркс был знаком с мнением на этот счет министра внутренних дел П. А. Валуева, писавшего во всеподданнейшем докладе «О положении дел в печати» (8 февраля 1868 г.), что в России нельзя надеяться ни на правительственную, ни просто на продажную печать: ни та, ни другая не будут пользоваться доверием читателя. Поэтому он призывал всемерно «поддерживать или поощрять льготами те частные издания, которые в сравнении с другими оказывались более покорными правительственным внушениям, или более сдержанными, или, так сказать, вообще менее противоправительственными»[5]. «Нива» представлялась именно одним из таких изданий. Забегая вперед, следует сказать, что «Нива» полностью оправдала возлагавшиеся на нее надежды. В отчете Петербургского цензурного комитета за 1872 г. указывалось, что журнал «в цензурном отношении следует причислить к самым благонадежным»[6]. По прошествии десяти лет это мнение подтвердил и другой министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов, ходатайствовавший за Маркса перед царем «по семейному делу». По его аттестации, направление журнала отличалось «полною благонамеренностью». За «все десятилетнее существование редакция не подавала повода ни к каким замечаниям в цензурном отношении»[7].

Благорасположение властей во многом объяснялось тем, что в сложной обстановке подъема, а затем спада общественного движения 60— начала 70-х годов, революционных событий во Франции «Нива» представлялась изданием, способным отвлечь внимание обывателя от наиболее острых проблем современности. Программа журнала не оставляла на этот счет никаких сомнений. «Нива» мыслилась как еженедельный литературный, иллюстрированный двухлистный журнал, в котором основное место отводилось беллетристическим произведениям, меньше — познавательному материалу (биографии знаменитых людей, путешествия, описания городов, стран и т. п.), популярным статьям о науке, технике, искусствах, этнографии народов России, санитарно-гигиеническим вопросам. Ни

один из пунктов программы журнала не насторожил начальника Главного управления по делам печати М. В. Похвиснева, и 21 августа 1869 г. он ее утвердил[8].

Сомнения вызвала лишь кандидатура редактора журнала — Виктора Петровича Клюшникова. В истории русской литературы Клюшников известен как автор ныне прочно забытого антинигилистического романа «Марево». В описываемые годы он являлся ведущим сотрудником ежемесячного «учено-литературного и политического» реакционного журнала «Заря», только что начавшего выходить в Петербурге. В недолгий период своего существования (1869—1872) «Заря» проповедовала панславистские идеи, активно боролась с революционно-демократической идеологией и материалистической философией. Тем не менее в глазах III отделения Клюшников как писатель, касавшийся острых социальных проблем, представлялся «такою личностью, которой не может быть разрешено редактирование какого бы то ни было периодического издания», что и было отмечено в заключении. Причиной столь поспешного вывода послужила справка III отделения. В ней Клюшников аттестовался как автор романов и повестей в «новом, либеральном вкусе», стремящийся «доказать, что он человек передовой». Мнение это сложилось из явно неправильного прочтения романа «Марево», если он читался чиновником, составившим справку. Впрочем, последний честно признавался, что он писал ее со слов некоего сотрудника «Голоса», относившего Клюшникова «к плеяде либералов, которые, не уяснив себе цели своих стремлений», хотят «только удовлетворить мелкое свое тщеславие». В заключение автор справки отметил, что «в нравственном отношении Клюшников просто пьяница».

Вероятно, узнав причину отказа, Маркс легко смог доказать ошибочность сложившегося о Клюшникове мнения как о либерале; что же касается его излишней приверженности Бахусу, то оно явно не могло служить отягчающим обстоятельством. Поэтому III отделение передало окончательное решение вопроса на усмотрение министра внутренних дел, который 4 сентября 1869 г. разрешил издание журнала, а неделей позднее — 10 сентября — утвердил Клюшникова редактором «Нивы»[9].

Маркс приступил к делу без всякой раскачки. 18 декабря вышел первый номер «Нивы» на 1870 г., что дало возможность собрать в первый же год издания 9 тысяч подписчиков (тираж «Всемирной иллюстрации» Гоппе не

превышал 11 тысяч экземпляров!). Это было неплохое начало, ведь многие популярные в то время петербургские газеты и журналы имели значительно меньше подписчиков, чем «Нива» (например, «Новое время»—2828, «Голос»—8801, «Отечественные записки»—5787). Массовый тираж являлся основным условием существования «Нивы», так как подписная плата составляла всего 4 руб.

Программа журнала почти не менялась на протяжении жизни его издателя. В октябре 1871 г. он получил разрешение ввести в журнал отдел мод[10]. Так появляется первое еженедельное приложение к журналу —«Парижские моды», содержащее чертежи выкроек, узоры для рукоделия и рисунки. В сентябре 1873 г. Маркс получает дозволение прилагать к журналу «бесплатные премии, заключающиеся в книгах, картинках, фотографиях, портретах, географических и прочих картах, планах, общественных играх, календарях и т. п. изданиях». А еще через год выпускает в качестве приложений рисунки с выкроек и самые выкройки[11].

Демократические круги встретили появление «Нивы» настороженно. Да и как иначе они могли отнестись к журналу, редактором которого был автор «Марева», представивший идеи революционной демократии чуждыми русскому народу, результатом происков «польской партии». Неудивительно, что «Искра» в одном из первых же своих номеров посвятила «Ниве» эпиграмму Д. Д. Минаева. Несмотря на откровенно саркастический характер, эпиграмма предопределила многолетний путь журнала:

Пусть твой зоил тебя не признает,
Мы верим в твой успех блистательный и
скорый:
Лишь «Нива» та дает хороший плод,
Навоза не жалеют для которой[12].

Увы! Действительно, потребовалось немалое количество «навоза», прежде чем на книжные полки читателей встали сочинения, их украсившие.

Подобно другим массовым журналам, «Нива» подвергалась жесткой опеке цензурного ведомства, внимательно следившего не только за политической направленностью журнала, но и за тем, чтобы на его страницах не появились материалы, способные хотя бы в малейшей степени поколебать установившиеся догматы; любые попытки в этом роде решительно пресекались.

В самом начале своей редакторской деятельности Клюшников, выпускник Московского университета по

естественному факультету, попытался познакомить читателей «Нивы» с одним из наиболее примечательных открытий XIX в.— эволюционным учением Ч. Дарвина, которое в 60-е годы получило довольно широкое распространение и в России: в 1864 г. двумя изданиями вышла книга Дарвина «О происхождении видов путем естественного отбора родителей»; в 1868 г.—«Приручение животных и возделывание растений»; в 1871 г. дважды выходит «Происхождение человека и половой отбор». Последней из названных книг Клюшников решил посвятить специальную статью, которая состояла как бы из двух частей: введения, им написанного, и скомпонованных извлечений из книги (предназначалась для журнала «Нива», 1871, № 17).

Названная статья стала предметом особого рассмотрения цензурного ведомства. Член совета Главного управления по делам печати Д. И. Каменский отмечал, что в ней пропагандировались основные положения книги Дарвина, а доводы его критиков лишь упоминались. Уверения ее автора в том, что он не разделяет крайних взглядов Дарвина, оставались только уверениями. Уже сама постановка вопроса, по мнению цензора, заключала как бы предрешенный в пользу выдвинутых Дарвином положений ответ, «а сделанный с предвзятой целью подбор фактов — наглядное доказательство» сказанному. Поэтому комитет «счел неудобным позволить к печати в означенном журнале популяризацию гипотезы Дарвина, еще не разработанной строгою наукой, без достаточно серьезных опровержений». Уверения Маркса, что он как издатель руководствовался лишь целью «подорвать, насколько возможно, авторитет хотя признанного, но не всегда честного мыслителя и предостеречь от увлечения тех из читателей, которые не имеют возможности критически относиться к признанным авторитетам мысли», не возымели действия, и статья, «находящаяся в прямом противоречии с библейским преданием», была запрещена[13].

В следующем году цензура попыталась запретить воспроизведение в «Ниве» рисунка, изображающего схематический разрез земной коры. На этот раз Каменский не поддержал коллег и принял иное решение. Справедливо ссылаясь на отсутствие в Библии упоминаний о периодах «формирования земных пластов», он утверждал, что рисунок никак нельзя было связывать с рассказом «священной истории о сотворении мира». А раз так, то он и не мог ей противоречить[14].

В цензурных делах сохранилась корректура предназ-

начавшейся к публикации в «Ниве» (май 1873 г.) статьи «Парижская швея», в которой полностью была приведена, правда в несовершенном переводе, «Песнь о рубашке» Томаса Гуда. Статья, проникнутая, по мнению цензуры, «социалистической тенденцией», не была разрешена к печати, так как рисовала безысходно тяжелое положение женщины-труженицы[15]. В том же году не была дозволена к печати статья «Медицинские советы», поскольку в ней утверждалось, что некоторые болезни носят социальный характер, а в следующем году была запрещена статья «Елка», в которой приводилась «переписка» богатой барыни по поводу устройства собачьей елки и вся эта затея сопоставлялась с положением бедных и голодных «двуногих»[16]. В начале 900-х годов цензура задержала номер журнала, в котором были помещены портреты А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Л. Н. Толстого. После настоятельных просьб редакции портрет Герцена был разрешен к воспроизведению; вычеркнутые из статьи упоминания о романе Чернышевского «Что делать?» восстановить не удалось, но кусок текста с характеристикой творчества Толстого, первоначально изъятый, был оставлен «в первозданном виде»[17].

Никаких особо криминальных мыслей ни в одной из перечисленных статей не высказывалось; тем не менее для журнала, предназначенного широкому читателю, они представлялись цензуре неподходящими. Исключалось все, что мало-мальски противоречило официальной точке зрения или воспринималось как призыв к противоправительственным действиям. Например, из декабрьского номера 1877 г. было изъято стихотворение Р. С-кого «На новый год», заключавшееся такими строками:

В этот миг должна заря свободы
Заблестеть над вольною страной...
Но быть может, ждать придется годы,
Чтоб тот миг увидеть золотой[18].

«О силе гнета, тяготеющего над журналистикой, нельзя судить ни по числу предостережений, ни по числу журналов, приостановленных или вовсе запрещенных,— писал известный юрист академик К. К. Арсеньев.— Ни та, ни другая цифра не дает даже приблизительного понятия о числе статей, оставшихся ненапечатанными, о массе труда, потраченного понапрасну, о всем том, что могла бы сделать журналистика на пользу общества и что она не сделала из опасения навлечь на себя гнев административной власти»[19]. В известной мере сказанное относится

и к «Ниве», хотя не следует и преувеличивать степень радикальности этого журнала. Тем более, что на ее страницах встречались случаи открытых выпадов против демократической журналистики. Так, например, в 1872 г. (№ 27) был помещен фельетон неизвестного автора, скрывшегося под псевдонимом «l'homme qui rit» (Человек, который смеется), направленный против «Отечественных записок». Любопытно отметить, что его автор использовал псевдоним Д. Минаева, которым тот подписывал свои произведения в другом журнале демократического направления — «Дело», частенько полемизировавшем с «Отечественными записками». Однако приписать этот фельетон перу Минаева нельзя, поскольку в тексте содержатся резко негативные оценки творчества Глеба Успенского, с которым поэт в те годы был дружен[20].

Нашли отражение на страницах «Нивы» и антипольские и антисемитские взгляды ее редактора. Причем в пределах, которые даже для царской цензуры представлялись чрезмерными[21]. За год до этого в «Ниве» была опубликована антипольская повесть Вс. Крестовского «Пан Пшепендовский».

Подобного рода произведения не характерны даже для начального периода издания журнала. На протяжении многих лет существования «Нива» выпускалась в рамках «благонамеренности и аккуратности», не касаясь острых проблем общественно-политической жизни страны, постепенно все же склоняясь в своих симпатиях к идеям относительной либерализации государственного порядка.

Во многом такая позиция журнала объяснялась взаимоотношениями, сложившимися между издателем и редакторами журнала. Первоначально, занятый чисто административными делами, Маркс вряд ли мог оказывать какое-то влияние на литературно-художественное направление «Нивы». Но с упрочением экономических позиций журнала он все активнее стал вмешиваться в дела редакции. То и дело возникавшие конфликты привели к тому, что 5 сентября 1875 г. Маркс вынужден был подать в Главное управление по делам печати прошение такого содержания: «По случаю разных неприятностей и неаккуратности в исполнении своих обязанностей, я решил отказать редактора моего журнала „Нива" господина Клюшникова от дальнейшего редактирования издаваемого мною журнала». За день до этого сам Клюшников, обратившись в эту же инстанцию, заявил о сложении с себя «звания редактора журнала „Нива"»[22].



НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНIЯ
№ 44. 1870
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2–3 РИСУНКАМИ.
Годъ I.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНIЕ.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.

ССЫЛКА.
(Продолженiе).

Обложка журнала «Нива» № 44 за 1870 год

Преемником Клюшникова стал Федор Николаевич фон Берг, утвержденный в декабре 1875 г. в должности редактора «Нивы»[23]. В начале своей литературной деятельности Берг принадлежал к либеральному лагерю. Его роман «Закоулок» был помещен в той же книжке «Современника», что и роман Чернышевского. Известен он был и как поэт, и как переводчик Г. Гейне. В конце жизни, став деятельным участником московской монархической организации, редактировал субсидировавшуюся В. К. Плеве газету «День». Скатившись к откровенному черносотенству, умер душевнобольным в 1909 г.

Что толкнуло Маркса на союз с Бергом, сказать трудно. Скорее всего, желание расширить круг авторов журнала, несколько переориентировать его направление. Но ровно через полгода, 3 мая 1876 г., Маркс вновь обращается в Главное управление по делам печати, сообщая, что Берг снимает с себя «по занятости» обязанности редактора, поэтому он просит назначить таковым Дмитрия Ивановича Стахеева. Поскольку кандидатура эта не вызывала у цензуры никаких опасений, 5 июня 1876 г. Стахеев был утвержден в должности редактора[24].

Совершенно ныне забытый, Стахеев в свое время был известным писателем, правда, и тогда он отличался не столько силой художественного таланта, сколько своей религиозностью, что, однако, не отразилось на журнале. Будучи человеком от природы жизнерадостным, он вел знакомство со многими литераторами и художниками, в частности привлек в журнал своего земляка и близкого друга художника И. И. Шишкина.

Проработав два года редактором журнала, Стахеев в октябре 1878 г. был вынужден покинуть Петербург, и редактором «Нивы» вновь стал Ф. Н. Берг. Последовавшее затем десятилетнее сотрудничество Маркса и Берга отмечено, по свидетельству современников, неоднократными конфликтами, вынудившими издателя в конце концов обратиться в сентябре 1887 г. в Главное управление по делам печати с прошением «покончить ⟨...⟩ отношения к Федору Николаевичу Бергу как редактору ⟨...⟩ журнала»[25]. Просьба Маркса тут же была удовлетворена. Никаких кандидатур на вакантную должность у Маркса не имелось, и он не нашел ничего лучшего, как просить Клюшникова вернуться на свой прежний пост[26].

Пять лет, до самой смерти в 1892 г., проработал Клюшников редактором «Нивы», но на сей раз ему отводилась лишь роль технического исполнителя воли издателя, сосредоточившего в своих руках бразды правления. С его смертью начался новый период в истории журнала. Именно с этого момента «Нива» обрела свое подлинное лицо. Облик журнала, определивший его место в истории журналистики, фактически сложился в последнее десятилетие перед кончиной Маркса. Таким он и остался в памяти потомков.

В самом конце 1892 г. редактором «Нивы» утверждается кн. Михаил Николаевич Волконский, автор многочисленных исторических романов, написанных в духе произведений Вс. Соловьева и Е. А. Салиаса. Роль «лите-

ратурного правщика», которая ему отводилась Марксом, его явно не устраивала, и по прошествии двух лет он сложил с себя обязанности редактора[27]. Его место занял в мае 1895 г. Алексей Алексеевич Тихонов (псевдоним Луговой), который редактировал «Ниву» в течение последующих двух лет[28].

О физиономии нового редактора журнала можно судить по весьма едкой характеристике, данной ему известным журналистом А. Р. Кугелем: «Луговой, подобно Надсону, был болен чахоткой, вел жизнь трезвую, аккуратную, считался поэтому, так сказать, в „лагере передового движения", и его глухому голосу, глухому черному сюртуку и глухому воображению вполне соответствовала осанка „либеральной укоризны". А между тем настоящего свободомыслия у Лугового не было ни на грош, как, впрочем, у значительного большинства так называемых либералов»[29]. Несмотря на полный контакт с издателем, содружество это из-за болезни Лугового оказалось непродолжительным.

После полугодовых поисков Маркс, наконец, останавливается на кандидатуре известного в те годы литератора Ростислава Ивановича Сементковского, которого 12 августа 1897 г. Главное управление по делам печати утверждает редактором журнала. (На этот раз цензурному ведомству понадобилось три месяца для одобрения назначаемой кандидатуры.) Сементковский работал в «Ниве» с 1895 г., руководя в течение десяти лет отделом критики и библиографии «Что нового в литературе?». По словам современника, он, «отметая резкую полемику, рисовал перед читателем в обстоятельной и нелицеприятной форме поступательное движение и развитие нашей новой литературы... По мнению Р. Сементковского, правительство и его деятельность создаются обществом и народом, следовательно, и источник окружающего нас зла коренится в нас самих».

Осенью 1904 г. болезнь заставляет Сементковского надолго уехать за границу, и на его место заступает Валерий Яковлевич Ивченко (псевдоним Светлов), известный своими публикациями более в области балета, чем литературы. Он был последним при жизни создателя журнала редактором «Нивы»[30].

Каковы бы, однако, ни были общественные симпатии редакторов, издатель не давал ни одному из них возможности превратить журнал в групповой орган и публиковал произведения писателей различных направлений:

либералов, консерваторов, писателей народнического толка (Н. В. Успенского) и так называемых декадентов (Д. С. Мережковского, К. Д. Бальмонта, Ф. К. Сологуба) и т. д.— всех, кроме откровенных реакционеров и шовинистов. Единичные отступления были сделаны лишь в самые первые годы существования журнала.

Первые три-четыре года истории «Нивы»— это годы борьбы за читателя, стремления прельстить его разнообразными бесплатными приложениями и премиями.

Гратификация, т. е. придание тому или иному органу печати бесплатных приложений, не имела до этого времени широкого распространения в русской практике. Маркс был первым, кто начал применять ее в столь высокой степени, рассматривая как важный стимул, содействующий экономическому успеху журнала. Примеру «Нивы» вскоре последовали многие издатели. Тогда Маркс решил усложнить характер приложений, включив в них литературный материал. Такого рода приложения обходились дороже, но зато в большей мере привлекали читателя. В отличие от конкурентов он видел в приложениях не только средство увеличить подписку, но и способ «расширить программу 〈...〉 журнала». Именно эту мысль он подчеркивал в своем отношении в Главное управление по делам печати в августе 1873 г.[31] Однако прошло 15 лет, прежде чем характер приложений к «Ниве» кардинально изменился и место олеографий прочно заняли сборники литературно-художественных произведений.

В сентябре-октябре 1888 г. А. Ф. Маркс получил право увеличить подписную цену на журнал с 4 до 5 руб. и выпустить приложением к нему сборник из семи повестей и рассказов. Первый сборник в виде бесплатной премии он издал в том же году, а стоимость подписки повысил лишь со следующего года, одновременно почти вдвое увеличив объем приложения (в 1888 г.—269 с.; в 1890 г.—541 с.). Шаг этот, как позволяют судить некоторые факты, был сделан под давлением обстоятельств. Именно в эти годы конкуренты «Нивы» стали издавать в качестве приложений аналогичные сборники (например, с 1882 г. «Живописное обозрение») и расширять программы журналов (например, с 1884 г.—«Новь» А. М. Вольфа). Конкуренция обострилась в 1888 г., когда бывший сотрудник Маркса Вс. С. Соловьев приступил к изданию еженедельного журнала «Север», подобного «Ниве» по характеру и цене. Предпринимая издание, Соловьев демагогически заявлял, что делает это с целью «удовлетворить сознаваемую рус-

ским обществом потребность в доступном для всех литературно-художественном журнале чисто русского, отечественного направления»[32]. Несмотря на широковещательную рекламу, Вс. Соловьеву не удалось поднять подписку и привлечь к сотрудничеству известных писателей. Из небольшой группы сотрудников журнала выделялись лишь имена Г. П. Данилевского, Вс. В. Крестовского, Я. П. Полонского и К. К. Случевского.

Хотя «Север» влачил жалкое существование, Марксу волей-неволей приходилось учитывать возникшую опасность. Противостоять конкурентам он мог, только постоянно повышая качество литературного материала и расширяя его объемы. В то же время выйти из рамок установленной программы журнала он не мог. Оставалась лишь одна возможность — дальнейшее преобразование приложений к журналу. 19 сентября 1890 г. он просит Главное управление по делам печати разрешить ему преобразовать ежегодные сборники «Нивы» в ежемесячные приложения. Препятствий его просьба не встретила, и через три дня он получил соответствующее разрешение, при условии прохождения сборника через предварительную цензуру. Чуть позже он увеличил число книг приложения с 12 до 24[33]. В таком виде сборники выходили до 1894 г., когда они были преобразованы в фактически самостоятельное по характеру периодическое издание, выходящее параллельно основному журналу.

В середине 80-х годов тираж «Нивы» перешагнул стотысячный рубеж. Маркс добился невиданного еще успеха, но именно в нем-то и таилась для него наибольшая опасность. Тиражи «Нивы» упрямо свидетельствовали об образовании в России того самого книжного рынка, на завоевание которого не сегодня, так завтра должны были броситься его конкуренты. Марксу ничего не оставалось, как каждый раз в чем-то их опережать. Платя крупнейшим писателям фантастический гонорар (1000 руб. с листа), он добился того, что на страницах «Нивы» появляются имена, способные украсить любой первоклассный журнал.

Но все, что он ни делал, могли сделать и его конкуренты. Рано или поздно он должен был пустить в ход козырь, которым не обладал ни один из них. Так рождается идея приложения к «Ниве» бесплатных полных собраний сочинений крупнейших русских писателей.

Успех первого из них придает ему решимость, и в начале 1896 г. он обращается в Главное управление по делам печати с просьбой разрешить ему издание собрания

сочинений русских писателей (речь идет только о русских авторах) в качестве приложений к «Ниве» «без предварительной цензуры, подобно тому как это было допущено относительно отпечатанного 〈...〉 в 1895 г. полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского». 30 апреля его просьба была удовлетворена. К этому времени у него выработался план выпуска целой библиотеки подобных изданий. В первую очередь предполагалось издать собрание сочинений давнего автора «Нивы» Д. В. Григоровича, затем П. Д. Боборыкина, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Н. В. Гоголя, Н. С. Лескова, С. Н. Терпигорева (С. Атавы), П. Н. Полевого, А. А. Фета[34].

При всей широте программы журнала Маркс постоянно испытывал чувство страха за его судьбу. По его же словам, в первые годы существования журнала ему «приходилось все время дрожать, что вот-вот дело погибнет, что расчеты ошибочны... приходилось бегать по всему Петербургу, чтобы получить какие-нибудь сто-двести рублей на уплату срочного векселя,— вот когда нужны были крепкие нервы, сила воли, вера в успех»[35].

Маркс обладал всеми этими качествами в избытке, имел, как тогда говорили, «железную руку» и умел проводить бессонные ночи за работой. Несмотря на прибыльность издания, он отказывал себе в элементарных вещах, так как вынужден был вкладывать в журнал все новые и новые средства. Он, как опытный шахматист, должен был рассчитывать свои действия на несколько ходов вперед. Известный в свое время беллетрист П. П. Гнедич, хорошо знавший Маркса, писал, что тот «с неослабеваемой энергией шел к намеченной цели, как истый шваб, побеждая все своим упорным трудом. Он сам рассказывал, как питался с женой сорокакопеечными обедами m-me Мильбрехт, не имея возможности держать дома своего стола,— это в то время, когда у него было 10 тысяч подписчиков. Он сам завертывал бездоставочным подписчикам журнал, сам принимал подписку, сам выписывал сотрудникам гонорар и довольствовался в день двумя бутылками пива. О даче, конечно, он и не думал, удовлетворяясь тем, что по вечерам ездил в Зоологический сад»[36].

Дело, конечно, не в национальности издателя «Нивы». В умении «делать деньги» он мало чем отличался от своего младшего современника И. Д. Сытина, хотя последний родился не в Померании, а в Костромской губернии. Как Маркс, так и Сытин были издателями новой, капиталистической формации и с самого начала своей

деятельности взяли курс на монополизацию облюбованного ими участка русского книжного рынка.

В издательском деле, как и повсюду, чем меньше издержки, тем больше прибыль. Но величина издержек в данном случае зависит от тиража. Чем выше тираж, тем выгоднее издавать книгу или журнал. Чем больше прибыль, тем больше возможностей у издателя привлекать лучших авторов, художников, красочнее выпустить то или иное произведение. Наконец, значительный тираж позволяет снизить номинал и тем самым увеличить круг покупателей. А раз больше покупателей, то выше тираж и т. д. Получается как бы замкнутый круг, из которого уже нельзя вырваться. Маркс одним из первых в русском издательском деле понял, что не повышением номинала, а, наоборот, снижением цены можно добиться успеха. Но, встав на этот путь, он вынужден был из года в год увеличивать тираж своего журнала, для чего ему пришлось не только приноравливаться к вкусу подписчика, но и учитывать его материальные возможности, так как контингент читателей мог расширяться только за счет менее обеспеченных слоев населения.

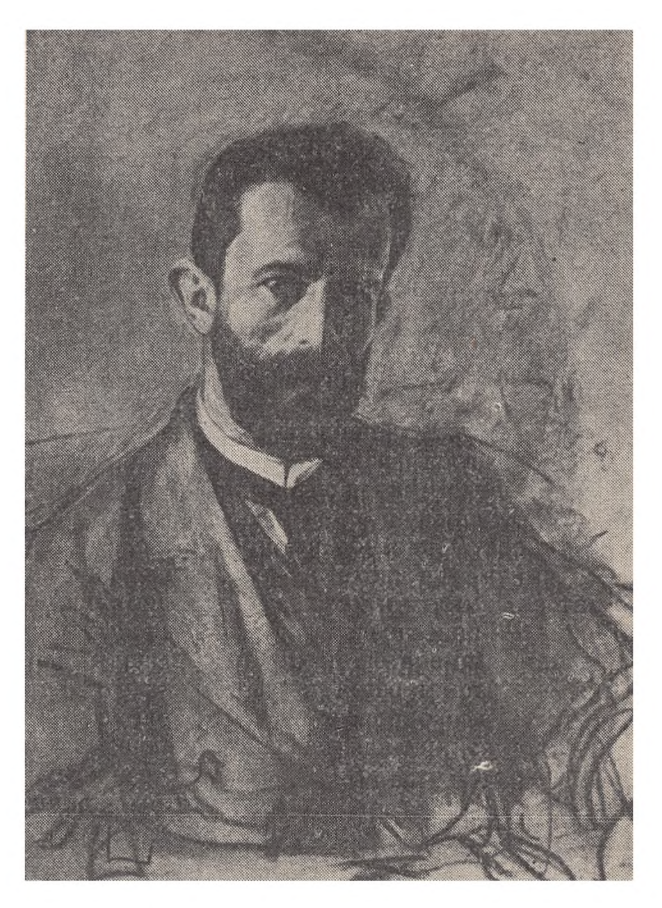
Однако издатель не может бесконечно снижать номинал, не сокращая производственных расходов. Поэтому Марксу постоянно приходилось расширять и модернизировать свое производство. Но зато одновременно, с неуклонной последовательностью увеличивался и тираж журнала: 9 тыс. экз.— в 1870 г., 30 тыс. экз.— в 1872 г., 70 тыс. экз.— в 1882 г., 102 тыс. экз.— в 1886 г., 115 тыс. экз.— в 1891 г., 275 тыс. экз.— в 1904 г.

На протяжении всех лет существования «Нива» оставалась самым дешевым «тонким» журналом, что и определило ее невиданную в анналах русской журналистики долговечность. Естественно, что с течением времени цены на журнал росли, но в пределах, не влиявших на сложившееся отношение к нему читателя.

В 1870 г. годовая подписка составляла в Петербурге 4 руб. без доставки и 5 руб. с доставкой. В Москве соответственно: 4 р. 50 коп. и 5 руб. (Провинциальный подписчик получал журнал по наивысшей цене.) Через восемь лет (с 1879 г.) цены на журнал несколько увеличились: годовая подписка в Москве без доставки стоила 5 руб., с доставкой, как и в прочих городах империи,—6 руб. (цена доставки петербургским подписчикам возросла на 50 коп.). Через десять лет, когда в качестве приложения к «Ниве» было дано полное собрание сочинений И. С. Тур-

генева, подписная цена опять поднялась. С 1898 г. «Нива» в Петербурге без доставки стоила 5 руб. 50 коп., с доставкой —6 р. 50 коп., а в прочих городах —7 руб. С 1903 г. годовая подписка вновь возросла на целый рубль (в этот год подписчики получили сочинения Н. С. Лескова и А. П. Чехова). Говоря о последовательном повышении подписной платы за журнал, не следует забывать и о повышении почтовых тарифов, общем вздорожании жизни, но главное, о последовательном увеличении объема приложений. Так, например, рекламное объявление «Нивы» на 1895 год обещало читателю, кроме очередных 12 книг собрания сочинений Достоевского, 12 сборников литературных приложений, две многокрасочные картины, большую карту железных дорог России, «необходимую... ввиду введенного удешевленного тарифа», и царский портрет. Ни один русский журнал не мог прельстить читателя столь обширными по объему материалами.
Благодаря, как бы мы сейчас сказали, широкой информативности «Нива» имела равное распространение как в столице, так и в провинции. Например, в 1900 г. в Петербурге имелось 40 500 подписчиков, в Москве —18 000, в Привисленском крае —8 000, на Кавказе —1 500, в Сибири и на Дальнем Востоке —7 000, в Средней Азии — 4 000 и т. д. Журнал выписывали даже на острове Беринга.

По классификации платных публикаций в дореволюционной печати, предложенной современным исследователем (индивидуальные публикации; объявления казенных и общественных учреждений и организаций; реклама зрелищных предприятий, ресторанов и печатных изданий; торговые, промышленные и финансовые публикации), легко заключить, что Маркс из-за специфики своего издания не мог использовать наиболее прибыльные из них[37]. Из объявлений государственных учреждений, являвшихся скрытой формой поддержки того или иного издания, на страницах «Нивы» время от времени появлялись только таблицы тиражей выигрышей в государственном банке, фактически исключались промышленные и финансовые публикации, реклама зрелищных предприятий и т. п. Основу платных публикаций «Нивы» составляли предложения услуг, торговые объявления и книжная реклама. Если учесть, что уже в 90-е годы прошлого века общий объем рекламы, помещенной в «Ниве» в течение года, достигал примерно 250 полос, можно прийти к заключению, что она составляла важный источник финансовых поступлений. Однако основным средством получения обо-



Ю. О. Грюнберг. Портрет В. Серова

ротного капитала всегда оставалась подписка. Именно широкий читатель оказал издателю ту поддержку, без которой немыслимо существование ни одного органа печати.

Каков он был по своему социальному составу? Анкетирования Маркс не проводил, тем не менее ответить на этот вопрос можно. Писатель В. Г. Авсеенко определил «нивского» читателя весьма образно и точно, назвав его «большой публикой маленьких кошельков»[38]. С полной уверенностью можно утверждать, что „Нива" являлась фактически единственным универсальным журналом, среди подписчиков которого уже в 80-е годы наряду с так

называемой интеллигентной публикой имелось также значительное число рабочих и крестьян. Известно, например, что крестьяне Московской губернии выписывали в 1884—1885 гг. 22 экземпляра «Нивы», Новгородской —13, кустари Мстеры Владимирской губернии в 1888 г.—15 экземпляров. Контора одного петербургского завода выписывала до 100 экземпляров «Нивы», за которые взимали с подписчиков-рабочих по 40 копеек в месяц[39].

Оптовым каналом проникновения «Нивы» в широкие массы являлись различного рода просветительские организации. В мае 1890 г. Министерство внутренних дел определило круг периодических изданий, которые «дозволялись» в народные библиотеки и читальни. Кроме журналов и газет по сельскому хозяйству, медицине, прикладного характера, а также правительственных и церковных, разрешалось выписывать лишь «Московские ведомости», «Биржевые ведомости», «Гражданин», издания типа «Благовест» и «Царь-колокол»[40]. Находившаяся в их ряду «Нива» резко отличалась от подобных изданий как по содержанию, так и оформлению, не говоря уже о качестве приложений.

Свидетельством широты социального состава подписчиков журнала «Нива» в известной мере могут служить и отзывы о нем читателей, людей незаурядных, оставивших свой след в истории отечественной культуры. Анализ этих высказываний свидетельствует, что журнал сыграл роль первоначальной школы для многих писателей и художников, вышедших из народных низов, вспоминавших его вне зависимости от своих эстетических и даже политических убеждений с глубочайшей благодарностью.

Сын николаевского солдата, «мальчик» одной из московских граверных мастерских, художник, чье имя ныне широко известно, Иван Николаевич Павлов вспоминал, как он подолгу «тайком рассматривал» чудом попадавшие в мастерскую отдельные номера «Нивы». Помещенные на ее страницах гравюры Шаблера и Барановского казались ему «идеалом граверного искусства». По его собственному признанию, благодаря им в нем зародилась «мысль добиться такого совершенства, чтобы работать в „Ниве“», что в то время казалось несбыточной мечтой[41].

Из чуть более обеспеченной семьи происходил другой советский художник, Евгений Адольфович Кибрик, мальчиком досконально проштудировавший полный комплект «Нивы» в библиотеке заштатного городка Вознесенска. «В сущности, это был почти единственный источник моих

сведений о прекрасном мире искусства. В первую очередь я говорю об иллюстрациях, воспроизводивших картины...— писал он уже в наши дни.— В конце журнала помещались сведения о художественных выставках с репродукциями лучших картин и краткими аннотациями на показанные на выставках произведения. Этот раздел журнала меня притягивал особенно сильно. Выставки дипломных работ императорской Академии художеств, Союза русских художников, Обществ акварелистов, передвижников, «Мира искусств», персональные выставки — все они обычно представлялись в журнале»[42].

«Первым моим знакомством с Пушкиным я обязан популярному тогда журналу „Нива". В 1899 г. праздновалось столетие со дня рождения Пушкина, и „Нива" разослала своим подписчикам специальное приложение, целиком посвященное памяти великого поэта»,— пишет известный московский педагог В. В. Литвинов[43]. В то же время можно привести примеры иного рода, содержащие диаметрально противоположные отзывы, исходящие, как правило, от людей, имевших в детстве возможность пользоваться лучшими источниками знания, чем «Нива». Так, Кузьма Сергеевич Петров-Водкин считал, что «иллюстрация до Врубеля была настолько в забросе, настолько опошлена старухой „Нивой", что мы совершенно игнорировали эту область, отдав ее во владение Каразиным, Пановым, Павловым»[44]. Того же мнения придерживался писатель Сергей Бобров, утверждавший, что в «Ниве» «царствовали уморительные ремесленники вроде Ижакевича, Табурина, Соломки, Елизаветы Бем. Там даже несложный Шишкин был редкостью»[45].

Значительно большей объективностью отличается отзыв О. Э. Мандельштама, для которого «Нива» была столь же неприемлема, как для Петрова-Водкина и Боброва, однако он считал, что для определенных групп читателей она являлась наиболее доступным средством образования: «О эти годы, когда ⟨...⟩ „Нива", „Всемирная новь" и „Вестник иностранной литературы", бережно переплетаемые, проламывали этажерки и ломберные столики, составляя надолго фундаментальный фонд мещанских библиотек. Сейчас нет таких энциклопедий науки и техники, как эти переплетенные чудовища. Но эти „Всемирные панорамы" и „Нови" были настоящим источником познания мира»[46]. Более того, в специальной литературе встречается мнение, что многие работы русских, да и не только русских, художников были обязаны своей художественной

популярности «именно этому журналу (т. е. „Ниве“.— *Е. Д.*), обильно сопровождавшему репродукциями литературный материал»[47].

Несмотря на противоречивость приведенных оценок, все же можно сделать некоторые выводы как о реальной эстетической ценности журнала, так и относительной, если иметь в виду определенные категории читателей. Два обстоятельства дают тому основания: громадный успех (о чем можно судить по тиражу) и тот факт, что за 20 лет, с 1870 по 1889 г., в Петербурге возникло 29 иллюстрированных журналов, в Москве —10, в провинции —5, которые, по сути дела, явились эпигонами «Нивы». Все они оказались недолговечны, одна «Нива» просуществовала почти полвека.

По-разному пытались истолковать ее успех современники. М. Е. Салтыков-Щедрин объяснял его духом времени, глубокой апатией, охватившей русское общество в годы реакции, политикой подавления прогрессивной печати, неспособной оказать, в силу сложившихся обстоятельств, конкуренции подобным изданиям. С горечью писал он в начале 1884 г. Д. Н. Мамину-Сибиряку: «„Нива“ имеет 90 тысяч подписчиков. Ничего подобного наши большие журналы и во сне не видели. И вот второй год, как подписка, вместо увеличения все идет книзу. Чувствуется какая-то усталость всюду: книга не интересует, всякий выписывает или газету, или иллюстрированный журнал»[48].

С. Ф. Либрович считал, что успех этот «основан был на трех китах»: премиях, исторических романах Соловьева, которые читались запоем среднею публикою, и умением Маркса выбирать доступный для масс иллюстрационный и литературный материал[49]. Примерно такого же взгляда придерживался антагонист Маркса — А. С. Суворин. По мнению его газеты, невиданный успех «Ниве» создал покойный Вс. С. Соловьев своими романами, которые с 1876 г. в течение семи лет не сходили со страниц этого журнала[50]. Распространению журнала способствовали также и «приложения в виде альбомов и олеографий», которые удовлетворяли невзыскательному вкусу, главным образом, провинциалов и среднего круга читателей. «Новое время» приписывало основную роль в становлении журнала его первому редактору — Клюшникову, а появление собраний сочинений русских писателей в качестве приложений объясняло только интересами конкуренции.

Диаметрально противоположной точки зрения придер-

живался А. В. Амфитеатров, который видел «корень успехов „Нивы“ в добросовестности в отношении „потребителя“, какою дышало все существо покойного Маркса»[51].

Вряд ли кто станет отрицать, что приложения и премии к журналу способствовали его распространению. Но никакие приложения не спасли бы «Ниву», если бы сам журнал не представлял определенного интереса для читателя. «Новое время» с полным основанием писало, что, не выдержав конкуренции, фактически «потерпели крушение „Живописное обозрение“, „Всемирная иллюстрация“ и др. иллюстрированные журналы». Но ведь перечисленные журналы также давали подписчикам различные приложения и премии. «Живописное обозрение», например, с 1882 г., ежемесячно, а потом и еженедельно, в качестве премии выпускало сборник «Романы, повести, рассказы».

Столь же неосновательно мнение, что «наибольший успех» «Ниве» создал Вс. С. Соловьев. Романы Соловьева печатались в «Ниве» с 1876 по 1884 г. За это время тираж журнала действительно поднялся с 30 до 80 тысяч экз. Но ведь когда Вс. Соловьев начал в 1888 г. издавать еженедельный журнал «Север», то его не спасли ни собственные исторические романы, ни «Масоны» А. Ф. Писемского. Не следует забывать и того, что Г. Гоппе, приступив к изданию «Огонька», привлек к участию в нем другого, не менее известного в те годы романиста — гр. Е. А. Салиаса. Однако и в этом случае исторические романы не принесли журналу популярности.

Неправомерны и рассуждения о главенствующей роли Клюшникова, действительно, во многом способствовавшего успеху «Нивы», но отнюдь не в такой значительной степени, как это казалось антагонистам Маркса. За 35 лет сменилось несколько редакторов, не говоря уже о сотрудниках «Нивы», но характер журнала все эти годы оставался таким, каким замышлял его издатель.

Но, пожалуй, самым важным в цепи доводов, умаляющих заслуги Маркса, является попытка представить его эдаким купцом, с одинаковым успехом торгующим колониальными товарами и произведениями искусства. Речь, в сущности, идет о принципиальном положении: действительно ли просветительская деятельность в жизни Маркса являлась чем-то случайным, в крайнем случае производным от чисто экономической? Ведь даже И. Н. Потапенко, чрезвычайно высоко ее оценивавший, писал, что Маркс «думал только о своем деле, о наилучшей постановке и об укреплении его... Только потому

оно и удалось ему так блестяще. Если бы было иначе, если бы он предпринимал свои действия ради просвещения, то далеко еще не решено, что дело также удалось бы»[52]. Скептицизм Потапенко и предвзятость Суворина — вещи далеко не одинаковые, хотя и свидетельствуют об ограниченности их взглядов и неверии в силу того самого «общества», от имени которого они выступали. Тем не менее было бы ошибкой не прислушаться к критическим замечаниям современников, подчас весьма объективно отмечавших недостатки журнала (даже если в них слышится некоторая пристрастность).

Принято считать, что по качеству воспроизведений иллюстраций «Нива» не уступала лучшим зарубежным изданиям. Однако далеко не всегда они удовлетворяли требованиям авторов. Так, в 1895 г. В. М. Васнецов писал одному из своих корреспондентов, что в «Ниве» помещена «невозможно дурная гравюра с ,,Богоматери", находящейся в Аничковом дворце»[53]. (Поскольку в дальнейшем на страницах журнала были воспроизведены принадлежащие художнику росписи Владимирского собора и другие его картины, можно предположить, что стороны достигли взаимопонимания.)

Я. П. Полонский считал, что после смерти Клюшникова «Нива» «во всех отношениях, в особенности по рисункам, стала ниже ⟨...⟩ ,,Ниву" перещеголяли не только ,,Всемирная иллюстрация", но даже ,,Север"»[54].

Если претензии Васнецова и Полонского относились к технической стороне дела, то Салтыкова-Щедрина не удовлетворяло, как уже известно, направление журнала в целом, да и отдельные публикации вызывали весьма едкие его замечания. «Нельзя себе представить, что это за глупость»,— писал он после прочтения воспоминаний Полонского о Тургеневе[55].

Как ни странно, еще более резко отзывался о «Ниве» Н. С. Лесков (здесь необходимо отметить, что все приводимые высказывания взяты из частных писем, отнюдь не предназначавшихся для публикации). На предложение С. Н. Шубинского (редактора журнала «Исторический вестник») послать приветствие Марксу по случаю 25-летия журнала Лесков ответил отказом: «Я еще перелистывал ,,Ниву" и все искал там добрых семян для засеменения молодых душ и *не нашел* их: все старая, затхлая ложь, давно доказавшая свою бессильность и вызывающая себе одно противодействие в материализме. Как бы интересно было прочесть сколько-нибудь умную и сносную критику

изданий этого типа, которые топят семейное чтение в потоках старых помоев, давно доказавших свою непригодность и лицемерие. Не могу себе уяснить, что тут можно почтить поздравлением?! Разве то, что, *может быть*, можно бы издавать и хуже этого... но, может быть, и нельзя. Впрочем, по „Игрушечке“ судя,— можно». В другом письме он еще более категоричен и называет журналы «Игрушечку», «Родину» и «Ниву» «дерьмом»[56].

Негативную оценку журнала нельзя объяснить лишь сложностью характера писателя, подверженного частым приступам раздражения, не лишено основания и предположение, что она вызвана неудачной попыткой Лескова опубликовать в «Ниве» свою повесть «Оскорбленная Нетэта» (о чем подробнее будет сказано в дальнейшем). В то же время сопоставление слащавого детского журнальчика «Игрушечка» и откровенно коммерческого журнала «Родина», в котором стыдились сотрудничать маломальски себя уважающие писатели, с «Нивой» носит явно пристрастный характер, хотя во многом это вызвано различиями в понимании предназначенности и сущности так называемой народной литературы писателем и его издателем. Здесь не место касаться названной проблемы, но одно несомненно —«Нива» не отвечала многим требованиям Лескова, декларируемым в статьях по этому вопросу[57].

Неизвестно, по каким причинам, но в конечном счете Лесков изменил первоначальному намерению и послал приветствие Марксу, которое было заключено в специальный альбом, поднесенный издателю «Нивы» в день юбилея (наряду с автографами Н. С. Лескова, Д. В. Григоровича, П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, Н. П. Вагнера, А. Н. Майкова, Д. С. Мережковского, А. А. Писемского, Я. П. Полонского, К. К. Случевского, И. М. Фофанова и других в нем были помещены оригинальные рисунки и акварели И. К. Айвазовского, Ю. Ю. Клевера, М. П. Клодта, Н. Е. Маковского, М. О. Микешина, И. Е. Репина, И. И. Шишкина и других художников). К сожалению, местонахождение этого альбома неизвестно, поэтому нельзя привести слова, которыми писатель почтил юбиляра[58].

Сотрудниками «Нивы» в полном смысле этого слова можно назвать А. Н. Майкова, печатавшегося в журнале с первого номера, Д. В. Григоровича, Я. П. Полонского, К. К. Случевского, Н. В. Успенского, А. А. Фета. Единичными произведениями были представлены П. А. Вяземский,

Г. П. Данилевский, Н. С. Лесков, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. К. Толстой, Ф. И. Тютчев.

Основными авторами «Нивы» являлись писатели, не имевшие громких имен, но пользовавшиеся симпатиями определенных кругов читателей, внимательно следивших за их творчеством. К их числу в первую очередь следует отнести Ф. Н. Берга, М. Н. Волконского, П. П. Гнедича, Н. Н. Каразина, В. П. Клюшникова, А. Я. Максимова, Вас. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Е. А. Салиаса, Вс. С. Соловьева, Д. И. Стахеева, К. М. Фофанова и А. А. Коринфского.

В то же время Маркс стремился привлечь к журналу и так называемых «молодых» писателей, ставших вскоре славой русской литературы. Чехов был представлен на страницах литературного приложения двумя лучшими своими произведениями: повестью «Моя жизнь» (1896) и рассказом «Ионыч» (1898), Бунин — шестью стихотворениями (1896), Бальмонт — тремя (1896—97), Мережковский — тридцатью двумя произведениями (1891—1896). Немало усилий предпринял Маркс, чтобы привлечь к журналу М. Горького. Сохранилось его письмо к писателю (11 декабря 1903 г.), где он, ссылаясь на их общую знакомую, с «радостью» принимает сообщение о согласии Горького напечататься в «Ниве». Не интересуясь ни характером рукописи, ни ее объемом, он просит лишь об одном: «...не отказать в любезном сообщении условий вашего сотрудничества»[59]. (Почему писатель изменил свое первоначальное намерение, нам неизвестно.)

Из двух тысяч авторов, опубликовавшихся в журнале за первые 30 лет его существования, может быть, сотня-другая известны современному читателю. Имена других безвозвратно канули в Лету. Каждый номер журнала был хорошо продуман и содержал разнообразный материал, призванный не одним, так другим привлечь внимание читателя. Тематическая и жанровая широта опубликованного за этот период материала — удивительна. На страницах журнала и литературного приложения к нему было напечатано почти 1 500 романов, повестей и рассказов, около 1 000 стихотворений, свыше 2 000 биографий, около 800 исторических очерков, около 1 000 описаний различных изобретений; помещено около 1 500 материалов естественнонаучной и медицинской тематики, свыше 1 500— по географии и 2 500— краеведческого порядка; опубликовано более 1 900 заметок библиографического характера и т. д.

Беллетристика составляла ядро журнала, но, как видно из приведенных цифр, успех «Нивы» слагался из умелого сочетания разнохарактерного и разнотемного материала, который в своей совокупности должен был составить круг семейного чтения. Поэтому все его отделы были как бы равнозначны и формировались в расчете на целостное восприятие. Каждый номер журнала должен был отражать круг интересов современного человека, но с одной особенностью — он предназначался не для индивидуального, а для семейного чтения, что в пореформенной России оказалось как нельзя кстати; поэтому воспитательная функция журнала играла столь же важную роль, как и эстетическая, и познавательная.

Время подсказало Марксу форму его журнала, характер подачи материала, которые, в свою очередь, определили тип издания. Возможно поэтому в пореволюционные годы все попытки восстановить подобные «Ниве» издания не принесли успеха. «Я часто думаю о том, как хорошо было возродить стародавнюю традицию совместного чтения вслух,— совсем недавно писал академик Д. С. Лихачев.— Тут дело не в информации, которой у нас сегодня и без того предостаточно. Важно соприкосновение душ членов семьи и непременно в ,,разновозрастном составе“»[60].

Говоря о специфике «Нивы», ее отличии от других «тонких» иллюстрированных дореволюционных журналов, вероятно, и определившем ее успех (в конце концов, Маркс мог придумать и иную форму распространения прилагаемых к ней собраний сочинений по дешевой цене), следует указать еще на одну особенность материала, публикуемого в «тематических» отделах журнала (исключая литературный и иллюстративный). Собранный воедино, в годовых подборках, он мог бы составить своеобразные научно-практические энциклопедии и хроники-ежегодники событий, столь разнообразен и разноаспектен он был. Следует, однако, отметить, что в значительной своей части материал этот был компилятивен, много публиковалось переводов, библиографические материалы подчас подменяли критические, но все делалось на достаточно высоком профессиональном уровне, в значительной мере силами постоянных сотрудников журнала.

По мере возможности работники редакции пытались привлечь к сотрудничеству известных ученых, обладавших даром популяризации. Так, с циклами статей выступили в журнале знаменитый гигиенист Ф. Ф. Эрисман и не менее знаменитый педагог П. Ф. Лесгафт. На страницах

«Нивы» была помещена оригинальная статья Р. Коха и целый ряд статей, ему посвященных, и т. д.

Хотя редакция всячески избегала публикации материалов полемического характера, все же отдельные статьи, помещенные в литературных приложениях к «Ниве», отмечены исключительной остротой и надолго остались в памяти читателей. Таковы, например, статья И. Е. Репина «Николай Николаевич Ге и наши претензии к искусству» (1894), направленная против модернистских течений в живописи, и статьи практически штатного в 90-е годы сотрудника «Нивы» И. Э. Грабаря. Одна из них —«Упадок или возрождение»— произвела, по словам автора, «целый переполох, и с нее вообще ведет начало пропаганда новейшего искусства»[61].

Неравнодушный к живописи и музыке, Маркс много места в журнале уделял обзорам и описаниям выставок, музеев, аукционов, музыкальным обозрениям и т. п. Недаром вскоре после его смерти глава русского символизма В. Я. Брюсов писал К. И. Чуковскому, что «Нива», где «Блок*, Верхарн и Ваша статья об нас[62], становится любопытна. Нельзя ли мне, пристыженному, изменить свою суровость и, согласившись теперь на когда-то переданное Вами приглашение, получать ее, как сотруднику. За последнее время я дал свое имя „Образованию" и „Русской мысли", а, право, „Нива" ничем не хуже»[63].

Вместе с тем в широкой панораме, демонстрирующей процесс развития искусства, литературы, естественных наук, промышленных достижений, событий внутренней и международной жизни, читатель «Нивы» не мог найти материалов, раскрывающих социальную природу этих явлений. Так, например, процесс Дрейфуса освещался в «Ниве» с явным сочувствием к обвиняемому, хотя его социальные мотивы старательно затушевывались. Впрочем, придерживаясь иного направления, журнал бы просто не мог существовать. Поэтому, видя всю классовую ограниченность его программы, нельзя не согласиться с Леонидом Леоновым, ставившим в пример «старую „Ниву"», немало поработавшую как в государственном деле развития и поддержки русской литературы, так и в государственном деле семейного чтения при мирной вечерней лампе»[64].

---

*Брюсов имел в виду стихотворение А. Блока «Ты прошла голубыми путями...» (Нива. 1906, № 49). В дальнейшем поэт опубликовал в «Ниве» и ежемесячных приложениях к журналу целый ряд стихотворений.



ВОСКРЕСЕНІЕ.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

графа Л. Н. ТОЛСТОГО.

(По новымъ корректурамъ автора.)

Съ рисунками художника Л. О. ПАСТЕРНАКА.



Изданіе А. Ф. МАРКСА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Толстой Л. Н. Воскресение. Обложка

Звездный час

В жизни человека бывает момент, когда он достигает вершины своих мечтаний и устремлений. Этот момент называют «звездным часом». Для Маркса «звездным часом» стал день, когда на страницах «Нивы» началась публикация романа Л. Н. Толстого «Воскресение». Дважды в журнале печатались его рассказы (в 1886 г. — «Три старика», запрещенные в отдельном издании цензурой, в 1895 г.— «Хозяин и работник»). Маркс первым открыл им дорогу к читателю, но при всех своих достоинствах они не сыграли той роли, что была уготована «Воскресению». И неудивительно, что публикация этого произведения великого писателя принесла Марксу заслуженную славу. «Прием по одной чайной ложке романа Толстого действует раздражительно, во вред целому впечатлению,— писал Григорович, — а все-таки г. Маркс молодец, что завладел им»[1].

Сюжетом для романа послужил случай, рассказанный А. Ф. Кони летом 1888 г. Но прошло десять лет, прежде чем на последней верстке появилась дата: «17 декабря 1899 г.». «Это не было десятилетие непрерывного труда над романом. Толстой то увлекался ,,коневской повестью", то разочаровывался в своей работе и надолго оставлял ее», — пишет современный исследователь Э. Е. Зайденшнур[2]. Причина, заставившая писателя завершить роман, была несколько неожиданна: Толстому понадобились деньги на помощь духоборам*, переселявшимся в Северную Америку.

Вначале писатель намеревался опубликовать «Воскресение» в редакции, сложившейся к февралю 1896 г. В этом варианте отсутствовал целый ряд эпизодов, введенных в роман позднее. По словам Н. К. Гудзия,

*Духоборы («Борцы за дух») — сектанты крайнего протестантского толка. В 1898—1900 гг. часть духоборов была выслана царским правительством в Канаду.

Толстой «не рассчитывал затрачивать большое количество времени на его обработку», поэтому для увеличения общей суммы гонорара одновременно собирался предоставить в распоряжение издателей и «Отца Сергия» (33, 359)*.

Переговоры с зарубежными издателями вел В. Г. Чертков, намеревавшийся выпустить за границей бесцензурное издание романа в том виде, в каком его создал автор. Получив полномочия Толстого, он объявил в августе 1898 г. в английских газетах, что готов продать права на перевод романа. Тогда же сам автор предложил А. С. Суворину через их общего знакомого П. А. Сергеенко напечатать «Воскресение» в «Новом времени». Видимо, одновременно (не исключено, что через того же Сергеенко) аналогичное предложение было сделано и Марксу. О первоначальной реакции Суворина ничего неизвестно, во всяком случае, категорического отказа Сергеенко не получил. Маркс же ответил положительно. В последний день августа Толстой переслал Черткову его телеграмму «для соображения».

О характере начавшихся переговоров можно судить по дневниковой записи Софьи Андреевны Толстой, помеченной первым сентября: «Левочка тихонько от меня вел переговоры с Марксом (издателем „Нивы“) о своей повести. Маркс предложил по нотариальному условию, чтоб исключительно иметь право на повесть, 1 600 р. за лист. Когда я это услыхала, я сказала, что Льву Николаевичу нельзя это делать, раз он напечатал, что отказывается от всяких прав. Но это продается в пользу духоборов, и потому Лев Николаевич думает, что хорошо, а я говорила, что дурно. И вот теперь вдруг <...> Лев Николаевич согласился, и Маркс давал без условий ограничения его прав 500 р. за лист, на что Лев Николаевич, кажется, согласится»[3].

Назначенный гонорар никак не устраивал Черткова, поскольку не набиралась сумма, необходимая для помощи духоборам. Видимо, с общего согласия Толстого и Черткова на переговоры с Марксом была командирована жена последнего. Однако ощутимых результатов они не принесли. 26 сентября 1898 г. Маркс телеграфировал Толстому, что «трудно довести дело до благополучного конца без личных переговоров, и я бы хотел, если Вы согласны,

---

*Все ссылки в тексте даются по юбилейному изданию Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Первая цифра обозначает том, последующие — страницы.

послать к Вам моего уполномоченного Ю. О. Грюнберга»[4].

О том, как дальше развивались события, можно судить по воспоминаниям посланца Маркса, опубликованным уже в наши дни. По словам Ю. О. Грюнберга, Толстой первоначально категорически отказался предпринять со своей стороны какие-либо меры, чтобы оградить интересы «первопечатника» романа. «Я, — говорил Лев Николаевич, — подумал и вижу, что Вам совершенно невыгодно принять мои условия, если вы не можете спастись от того, чтобы у вас не утащили листов. За что же вы будете деньги платить? Мне предлагают такую же сумму и „Живописное обозрение", и „Новое время", которому, т. е. „Новому времени", я, вероятно, не отдам, мне гораздо симпатичнее было бы поместить в „Ниву"; но теперь сам вижу, что вам нет смысла приобретать». В то же время он положительно отнесся к предложению Грюнберга уступить фирме право выпуска полного собрания его сочинений приложением к «Ниве», но посоветовал отложить разговор с Софьей Андреевной по этому поводу на другое, более удобное время.

Переговоры затянулись на три дня. Текст условия несколько раз переделывался. Отдельные его пункты, например невозвращение аванса в случае запрещения романа цензурой, были явно невыгодны для Маркса, но Грюнберг их принял. (Толстой, как помнит читатель, должен был передать деньги духоборам и не имел возможности компенсировать потери издателя). Правда, убедившись, что рукопись романа не превышает 12 авторских листов, писатель согласился ограничить аванс 12 тыс. руб.[5] В конце концов стороны пришли к согласию, и Толстой подписал следующие условия: «Представляю редакции „Нивы" право первого печатания моей повести „Воскресение". Редакция же „Нивы" платит мне по тысяче рублей за печатный лист в 35 000 букв. Двенадцать тысяч рублей редакция выдает мне теперь же. Если повесть будет больше двенадцати листов, то редакция платит то, что будет причитаться сверх 12 000; если же в повести будет менее двенадцати печатных листов, то я или возвращу деньги, или дам другое художественное произведение. Лев Толстой. 12 октября 1898 г.» (33, 362).

Находясь в Ясной Поляне, Грюнберг договорился с гостившим там Л. О. Пастернаком об иллюстрировании романа.

Кроме Суворина и Маркса, предложение опублико-

вать роман получил и С. Е. Добродеев, владелец журнала «Живописное обозрение». Все они представлялись Толстому реальными кандидатами, о чем он и писал Черткову (33, 361). Однако ни Суворин, ни Добродеев не спешили с ответом.

Суворин понимал значение Толстого для русской литературы, но предчувствовал неизбежность предстоящих конфликтов с цензурой. Роман (с сюжетом которого его, безусловно, познакомил Сергеенко) не мог быть опубликован в газете консервативного направления без определенного морального ущерба для ее издателя. В то же время он не хотел и прослыть человеком, пренебрегшим возможностью первым издать новое произведение Толстого. Поэтому приходилось, соблюдая определенный декорум, уступить честь «первооткрывателя» Толстого конкуренту. (Правда, и писатель был рад этому обстоятельству, поскольку, поддерживая многолетние отношения с Сувориным, резко отзывался о его газете). Только тогда, когда в Петербурге стало известно, что Грюнберг выехал в Ясную Поляну, Суворин написал Толстому (7 октября 1898 г.) о своем согласии приобрести роман.

«Я очень сожалею, что до получения Вашего письма уже решил дело с „Нивой" относительно одной повести, — отвечал Толстой. — Другую же охотно оставлю Вам на предлагаемых Вами условиях. Какая же это будет из трех, которые у меня есть, кроме отданных в „Ниву", я не могу решить, не окончивши работу над той, которую отдаю в „Ниву"» (71, 467—468). Приличия были обоюдно соблюдены.

«Живописное обозрение» обратилось к Толстому еще позднее, в ноябре 1898 г., избрав в качестве своего ходатая близкого писателю человека — А. М. Хирьякова. Отвечая ему, Толстой писал: «Право первого печатания отдано „Ниве". Это было последнее предложение, и я на него согласился, когда пришло время» (71, 492).

Сразу же после заключения договора писатель послал для набора первую часть рукописи. Маркс, опасаясь продажи служащими типографии корректурных оттисков каким-либо газетам или журналам, распорядился набрать фальшивый титульный лист, из которого следовало, что публикуется выдуманная повесть В. Г. Короленко «Ожидание». Когда гранки были готовы, отпечатанное название с именем Короленко было срезано, и только в самый последний момент были восстановлены подлинное название и фамилия истинного автора.

В самом начале ноября Маркс, изменяя своей обычной сдержанности, писал Толстому: «Я не могу удержаться, чтобы не сказать Вам о том глубоком впечатлении, которые произвели на нас сила и рядом с нею глубина и свежесть художественного изображения печальных, но правдивых сторон жизни в Вашей повести». А вслед за этим спрашивал его, не найдет ли он возможным, ввиду значительности объема рукописи, «назвать вещь „романом“»[6]. Как известно, Толстой согласился с этим предложением.

В конце декабря 1898 г. первая часть романа была набрана с большим количеством цензурных изъятий и исправлений. Однако Маркс считал, что благодаря его стараниям купюры эти «оказались очень немногочисленными». «В этом измененном виде текст первых семнадцати глав уже разрешен цензурой, — писал он Толстому. — Остается только добиться того же в отношении к последней части романа» (33, 365). «Пускай цензура выкидывает все, что находит нужным выкинуть, а вы печатайте все, что не выкинуто», — соглашаясь с его мнением, отвечал Толстой (72, 53).

Работа над корректурой «Воскресения» заняла у Толстого целый год. В результате произведенной правки первоначально набранный и окончательный тексты значительно разнились[7].

Публикацию романа, начавшуюся с № 11 за 1899 г., предваряло обращение издателя: «С настоящего номера мы приступаем к печатанию романа гр. Л. Н. Толстого „Воскресение“ на основании приобретенного нами у автора права первого печатания романа. Никому, следовательно, не разрешено печатать роман одновременно с „Нивой“, за исключением некоторых заграничных изданий, которые приобрели вместе с нами это право у автора. Если же кто-нибудь приступит к одновременному вместе с нами печатанию романа „Воскресение“, то это будет контрафакция*, которую мы решили преследовать законным порядком». Однако это угрожающее заявление не оказало желаемого действия. Некоторые местные газеты перепечатывали из «Нивы» очередной отрывок ранее, чем до провинциальных читателей доходил номер журнала, где он был помещен. Посыпались претензии к редакции. «Со всех сторон я получаю от подписчиков письма, в которых сквозит мысль, что я их обманул.

*Контрафакция — противозаконное нарушение авторского права.

Страшное это обвинение для человека, старавшегося в течение 30 лет честно служить печатному слову», — писал Маркс Толстому, пересылая эти письма вместе с проектом условия, запрещающего перепечатку. Предложенные Марксом условия писатель не подписал, но обратился к издателям русских газет и журналов с просьбой «подождать с перепечатыванием романа» (72, 107). Какое-то действие это обращение оказало, во всяком случае, реабилитировало Маркса в глазах читателей журнала. Но самого писателя крайне удручала возникшая перепалка. Еще большие огорчения принес конфликт, возникший между Марксом и Чертковым. «Ни тот, ни другой не щадили Толстого и предъявляли к нему все новые требования»,— пишет Зайденшнур[8].

Разногласия между Чертковым и Марксом вызывались как объективными, так и субъективными причинами. Маркс в еженедельном «тонком» журнале мог отвести роману только ограниченную площадь, поэтому зарубежные издатели, получая материал от Черткова, время от времени опережали «Ниву», нарушая тем самым согласованный график публикации романа. Чертков вообще был недоволен тем, что Толстой, уступив настояниям Маркса, оставил за ним право первоочередной публикации «Воскресения». Возникшая между ними полемика на страницах зарубежной печати ничего не прояснила. И хотя распри мешали и утомляли Толстого, каждая сторона продолжала отстаивать правомерность своих требований, невольно стараясь уронить в его глазах авторитет противника.

Желая примирить стороны, Толстой с самого начала просил близких ему людей, П. И. Бирюкова и И. И. Горбунова-Посадова, достаточно хорошо разбиравшихся в издательских делах, погасить разгоравшийся конфликт. Но вместо этого он получил справки о допущенных просчетах. Со слов Маркса, Горбунов-Посадов сообщал, что Чертков, не знакомый с нравами и обычаями немецкой печати, разослал в редакции крупнейших газет и журналов идентичные предложения, приглашая их тем самым как бы на торги, кто больше даст. Подобный метод, обычный в России, задевал самолюбие непривычных к нему немецких издателей, «и дело не состоялось». Обходя Черткова, Маркс предложил Толстому свой путь проникновения на немецкий рынок[9].

Чертков же вообще отказывался иметь дело непосредственно с Марксом и считал более благоразумным

сноситься с ним через Толстого, поскольку полагал, что Маркс может недобросовестно воспользоваться его именем. «Ваше же имя,— сообщал Бирюков Толстому,— представляет для него достаточный авторитет»[10].

Если распря между Марксом и Чертковым вызывалась несовместимостью характеров двух весьма самолюбивых людей, в конечном счете сумевших переступить через свое «я», то гораздо сложнее было преодолеть неизбежные трудности, связанные с тем, что Толстой фактически перерабатывал первоначальный текст, получая очередные гранки. Все намеченные при этом сроки, естественно, нарушались. Отсылая очередные главы, писатель каждый раз вынужден был просить у издателя извинения за их задержку. Для Маркса подобный ход дела оборачивался сотнями рублей убытка. «Вы не можете себе представить, насколько запаздывание ваших корректур задерживает типографию. Большая часть машин, предназначенная для печатания „Нивы“, бездействует за отсутствием материала. Наша типография работает день и ночь, следовательно, для каждой машины имеется двойной персонал: мастер, наладчик, приемщики, и потому каждый день простоя дает несколько сот рублей убытка. Ввиду того, что такое положение вещей тянется уже несколько месяцев, в результате получается значительная сумма. Но я жалуюсь не на этот убыток, а на то ужасное состояние неизвестности, в котором находимся мы все: я, вся редакция и вся типография ⟨...⟩ Пожалейте же нас немножко, граф, и войдите в наше положение»,— чуть ли не с мольбой писал издатель Толстому (72, 172—173).

Эта пространная цитата, живописующая ход печатания романа, пожалуй, как ни один другой документ передает напряженность обстановки, сопутствовавшей всему ходу печатания романа и достигшей своей кульминации летом 1899 г., когда автор приступил к работе над не предполагавшейся первоначально третьей частью «Воскресения». Толстой даже вынужден был предложить издателю завершить публикацию романа в «Ниве» второй частью, приложив к ней краткий, в несколько строк, эпилог. Но этот вариант означал крах всех упований и надежд Маркса. Его осуществление нанесло бы не только материальный, но и моральный ущерб фирме. Ее владельцу ничего не оставалось, как пойти навстречу автору и временно приостановить публикацию романа. Так, неожиданно не только для читателя, но и издателя

журнала в № 38 «Нивы» появилось сообщение, что на второй части романа «временно приостанавливается публикация „Воскресения“». Третья же часть романа, которая значительно разрослась, будет напечатана в конце года. «Получив вчера первые четыре главы третьей части „Воскресения“, — писал автору 12 октября 1899 г. несказанно обрадованный издатель, — я тотчас же сдал их в набор, который типография успела сделать в течение ночи ⟨...⟩ что же касается цензурных условий, то мы приложим теперь не меньше усилий, чем раньше — по отношению к первым двум частям, и готовы со своей стороны сделать все нужное для того, чтобы сказка, которая согласно Вашей остроумной переделке пословицы — не скоро сказывается*, была сохранена возможно более неприкосновенною»[11]. Бравурный тон письма не исключал беспокойства его автора, предчувствовавшего еще многие трудности на пути завершения этой издательской эпопеи, но хорошо понимавшего все значение совершенного. Последнюю корректуру Толстой отослал 17 декабря, и редакция великим напряжением сил сумела завершить публикацию романа в последнем номере журнала.

Два обстоятельства усугубляли трудности издателя: напряженная работа над иллюстрированием романа и недремлющее око цензуры.

За ходом процесса иллюстрирования «Воскресения» можно проследить по переписке художника Л. О. Пастернака и редактора «Нивы» Р. И. Сементковского, недавно опубликованной Л. Н. Кузьминой, справедливо отметившей, что «яркая социальная заостренность и проникновение в психологию толстовских героев сделали иллюстрации к „Воскресению“ значительным явлением в развитии книжной графики ⟨...⟩ Вполне передав дух романа, художник выходил подчас за рамки простого иллюстрирования, развивая едва намеченные Толстым темы и образы»[12]. Автор чрезвычайно высоко оценил работу художника, испытывавшего громадные трудности из-за непрестанных изменений текста романа. Толстой счел рисунки Пастернака «прекрасными» (84,334).

Еще более тяжелыми оказались цензурные мытарства Маркса. Впоследствии было подсчитано, что в первой

---

*8 октября 1899 г. Толстой писал Марксу: «Пословица говорит: скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается, а я говорю: скоро дело делается, а не скоро сказка сказывается ⟨...⟩ дела самые большие разрушаются, и от них ничего не остается, а сказки, если они хороши, живут очень долго» (72, 207).



Толстой Л. Н. Воскресение.
Иллюстрация Л. О. Пастернака

части романа допущено 497 всякого рода искажений, пропусков, перефраз, во второй — 165, в третьей — 136[13]. Правда, по мнению Н. К. Гудзия, определить, какая доля искажений принадлежала «домашней» цензуре, а какая — официальной, не представляется возможным «за отсутствием соответствующего документального материала». Во всяком случае, редакторская правка была весьма значительной. «В интересах „благоприличия" и „пристойности" всякая мало-мальски реалистическая фраза и слово, называющее вещи собственным именем, были редакто-

ром, по его же словам, „обесцвечены" или „затушеваны"»[14].

Бесспорно, многие действия редактора «Нивы» Р. И. Сементковского вызывались необходимостью провести роман через цензурные рогатки. Все, что прямо или косвенно задевало престиж правительственной системы или церкви, не могло появиться на страницах подцензурного журнала, предназначенного для семейного чтения. Это хорошо понимал сам автор. «В повести есть много мест нецензурных, и чем дальше я над ней работаю, тем этих нецензурных мест становится больше. Но это не должно препятствовать помещению повести в „Ниве", — писал он Марксу. — Для этого нужно поручить просмотр повести литератору, знающему требования цензуры, с тем чтобы этот литератор-редактор исключил все те места, которые он считает совсем нецензурными, и изменил сомнительные места так, чтобы они не представляли препятствий в цензурном отношении. Сделав же эти изменения, я просил бы прислать их мне для просмотра» (71, 481).

Сементковский утверждал, что Толстой положительно оценил его редакторство: «Выкинете одно-два слова, — говорил он ему при свидании, — ан смотришь — спасли целую страницу»[15]. Позднейшие исследователи, однако, оценивали его деятельность более сурово. Но справедливости ради следует заметить, что редактор испытывал двойное давление: цензуры и Маркса. Последний в ряде случаев одобрял вмешательство цензуры, по его мнению, исходившее из интересов читателей, поскольку благодаря этому исключались моменты, неудобные для чтения в семейном кругу: «Если несколько сильных мест будут вычеркнуты цензурой, то великолепный роман не только ничего не потеряет в своем выдающемся литературном значении, но, скорее, выиграет от этого» (33, 400).

Хороша или плоха подобная установка — особый разговор, но такова была позиция Маркса, и писателю приходилось с ней считаться, хотя сам Толстой, как уверял Чертков, разделял его точку зрения на неприкосновенность авторского текста. По мнению Черткова, лучше было изъять слово или даже целую фразу, заменив ее многоточием, чем корректировать чужие мысли. Со свойственной ему педантичностью Маркс подсчитал, что из первых 28 глав, заключавших в себе 4 531 строку, было изъято всего 210 строк, т. е. менее 0,5%. Стоило ли из-за этого волноваться?

И в то же время нельзя забывать, что именно благодаря усилиям и связям издателя роман с минимальными потерями прошел через цензурные рогатки. Особо придирчиво цензура отнеслась к последним частям романа. Сементковский даже посчитал необходимым специально объясниться по этому поводу с Толстым, уверяя его, что «лишь с большим трудом удалось сохранить то, что появилось в „Ниве"» (72, 245). Это обстоятельство вынудило писателя прислать новый вариант заключительных глав. К сожалению, поправки в журнальный текст романа внести не удалось не только из-за сложности объяснений с цензурой, но и по чисто техническим причинам.

По уверению издателя, у него не было никаких шансов «рассчитывать на какие-либо послабления со стороны цензуры. Вот и теперь, — писал Маркс Толстому 21 декабря 1899 г., — отдельное издание уже напечатано, и, несмотря на то, что последние главы в нем вполне тождественны с текстом, помещенном в № 52-ом, я в течение 23 дней не могу, однако, добиться разрешения на выпуск его в свет и с часу на час жду резолюцию. Насколько обстоятельства сейчас неблагоприятны, Вы можете судить по тому, что не были разрешены последние два рисунка Л. О. Пастернака». Желая все же выполнить просьбу писателя, он нашел единственно возможный выход из создавшегося положения — отпечатал «отдельное издание в минимальном количестве экземпляров, необходимых для скорейшего удовлетворения первых требований», рассчитывая на то, что как только «это первое издание будет разрешено к выпуску», немедленно же начать хлопотать о разрешении внести последние поправки Толстого в последующие издания. Слово свое он сдержал и уже в самом начале января 1900 г. сообщал Толстому о полученном разрешении выпустить в свет отдельное иллюстрированное издание романа и второе (без иллюстраций), в котором можно будет учесть волю автора[16].

Незадолго перед тем он решился напомнить Толстому о его былом намерении опубликовать в «Ниве», кроме «Воскресения», еще и некоторые другие произведения: «Отец Сергий», «Кавказские повести», «История моей матери» — и просил разрешения объявить о возможности их появления в журнале. «Я никак не могу согласиться на напечатание объявления о имеющих появиться моих повестях. Если они напишутся, я с удовольствием отдам в ваш журнал, но обещать ничего не могу», — отвечал

Толстой Марксу (72, 259). Но не отрицал возможности их сотрудничества в дальнейшем[17]. (Как известно, названные произведения впервые были опубликованы только в посмертных изданиях сочинений Толстого.) Переписка писателя с Марксом продолжалась до смерти издателя, правда, к названной теме они больше не возвращались. Речь в основном шла об изданиях Маркса, посланных в дар писателю. Одни из них Толстому нравились (например, научно-популярные книги З. Н. Рагозиной из истории Древнего Востока, книга А. Ф. Кони о Федоре Петровиче Гаазе, сочинения Шекспира в переводе Соколовского), другие не вызывали сколько-нибудь активного интереса (например, «Семья и ее задачи. Книга для родителей и воспитателей»).

Публикация «Воскресения» в «Ниве» стала событием в культурной жизни страны. Оправдывались (невольно для их автора) язвительные строки Минаева; журнальная нива начинала давать богатый урожай. Только конкуренты ревниво отнеслись к этому событию. «Мне думается, что вся эта история прекрасно характеризует капиталиста и рабочего в таких представителях, как г. Маркс и гр. Толстой», — записал в своем дневнике Суворин, повествуя о перипетиях взаимоотношений писателя с издателем[18].

Сытинское «Русское слово» (1899, № 93) поместило «Открытое письмо А. Ф. Марксу» и «Письмо в редакцию» от, как писалось в газете, «одного из читателей» с протестом против попыток издателя «Нивы» оградить свои права и упреками в адрес Толстого за обращение к издателям русских газет и журналов с просьбой прекратить самовольную перепечатку романа. Впоследствии Чертков также оспаривал юридическую и моральную обоснованность сотрудничества Толстого с Марксом, ссылаясь при этом на авторитет самого писателя: «Л⟨ев⟩ Н⟨иколаевич⟩ определенно признавался мне в том, что все дело это было с самого начала неправильно налажено с Марксом, в чем он считал себя виноватым», — писал он, оправдывая занятую в свое время позицию[19].

Все эти жалобы вряд ли могли заинтересовать читателей, даже если бы и дошли до их ушей. Отдельные издания романа были мгновенно раскуплены, лишний раз доказав, что и книжная продукция издательства пользуется высоким спросом.

Говоря об успехе изданного А. Ф. Марксом романа Л. Н. Толстого, не следует думать, что речь идет лишь о компенсации огромных затрат (пожалуй, не имеющих аналога в практике дореволюционного книгоиздания) или получении издателем какой-то невиданной прибыли. Такая постановка вопроса не только узка, она, по сути дела, представляет намерения издателя в неверном свете. В издании «Воскресения» как нельзя ярко проявились не только свойственные ему гуманистические начала, но нашел свое отражение общественный подъем начала века, в конечном счете определивший демократическую направленность его деятельности, в чем легко будет убедиться из последующего изложения.



Главная контора журнала «Нива»

«Фабрикант» читателей

Возникшие после крестьянской реформы возможности расширения русского книжного рынка оставались некоторое время как бы в зародыше. С одной стороны, появился спрос на книги, значительно увеличилось число типографий, способных напечатать их в любом количестве. С другой стороны, демократический читатель, на которого рассчитывали издатели, еще не испытывал потребности в книгах, да и ценой они оказались ему не по карману. Впрочем, тому была еще одна причина. В массе своей новый читатель не был в состоянии по достоинству оценить предлагаемый ему ассортимент изданий. Так, например, в заметке о Тверской библиотеке, помещенной в 1865 г. в «Книжном вестнике», сообщалось, что «среди книг на первом месте по числу требований ⟨...⟩ беллетристика, причем Дюма и Поль-де-Кок спрашиваются чаще Бичер—Стоу, Белинского, Гоголя и Пушкина»[1]. Любой издатель, попытавший опередить время, неизбежно должен был поплатиться за опрометчивость своего поступка.

Первые попытки изменить создавшееся положение окончились крахом для тех, кто их предпринимал. В этом плане особенно показательна история известной книготорговой фирмы Александра Федоровича Базунова. Наследовав в середине 50-х годов дело отца, он через десятилетие превратил его в одно из крупнейших в России. Из обстоятельного каталога, составленного известным библиографом В. И. Межовым, видно, что в магазине Базунова продавались почти все книги того времени. Одновременно Базунов развернул и широкую издательскую деятельность. Выпустив собрания сочинений Гете и Гейне, он задумал издать «Библиотеку русских писателей». За короткое время он выпустил 50 сочинений разных авторов, заполонив рынок своими изданиями. Писатели охотно у него издавались, хотя платил он очень мало, правда, всегда наличными.

В обществе существовало мнение, что Базунов нажил на своих изданиях несметные богатства. Поэтому как гром среди ясного неба прозвучала в 1876 г. весть о его банкротстве. Базунов был объявлен несостоятельным должником и, для того чтобы прокормить семью, поступил приказчиком к книгопродавцу К. Н. Плотникову с жалованием в 75 руб. в месяц.

Подобная судьба постигла и другого известного русского издателя, Федора Тимофеевича Стелловского, составившего изрядный капитал на выпуске музыкальной литературы. В начале 60-х годов Стелловский приобрел у А. Ф. Писемского за 8 000 руб. на пять лет право издания всех написанных к тому времени его произведений. Хотя Писемский в те годы был одним из самых читаемых писателей, в течение обусловленного срока удалось продать не более 1 000 экз. его собрания сочинений, что дало издателю, с учетом книгопродавческой скидки, около 7 000 руб., и он не смог даже покрыть уплаченного автору гонорара, возместить расходы на бумагу, печатание, рекламу и т. п.* Затеянные им впоследствии издания произведений ряда современных писателей (в том числе и Л. Н. Толстого) оказались столь же неудачными. Стелловский умер в 1875 г. почти разоренным, хотя на его складе оставалось множество нераспроданных книг. Эти остатки ненамного уступали тем, что оказались у Базунова, в кладовых которого на день банкротства лежало книг по номинальной стоимости на несколько сот тысяч рублей. Однако при распродаже имущества никто не рискнул дать за них и десяти тысяч. Скупленные за бесценок М. О. Вольфом, они пролежали на его складе до 1900 г. и в конце концов сгорели. Получи Базунов вовремя ссуду под свои издания, он смог бы как-то продержаться и, уценив книги, хотя бы частично со временем их распродать. Но на беду русских книгоиздателей отечественные банки под их продукцию ссуды не давали, руководствуясь широко известным ответом министра финансов графа Е. Ф. Канкрина А. Ф. Смирдину: «Навоз — товар, а книги не товар»[2].

В тот самый момент, когда Маркс вознамерился развернуть свою издательскую деятельность, профессиональный журнал русских книжников с горечью отмечал: «При настоящих порядках ⟨...⟩ правильная книжная

---

*Одновременно Ф. Т. Стелловский выпускал отдельными изданиями почти каждое произведение из включенных в трехтомное собрание (четвертый том вышел значительно позднее).

торговля представляет единичные исключения. Насколько же существует неверие к книжной торговле вообще и как велик ее упадок, доказывается уже одним тем, что даже государственный банк, открывая на миллионы кредит прочим отраслям торговли, отвел для книжного дела последнее место, определив кредит для этого рода торговли на всю Россию едва каких-нибудь 40—50 тысяч рублей»[3].

В отличие от Базунова и Стелловского, столь печально закончивших свою карьеру, А. Ф. Маркс не только уловил веяния времени, но и увидел наиболее рациональные, с его точки зрения, пути удовлетворения возникших потребностей. С первых же шагов издательской деятельности он твердо знал, что ему следует издавать. Более того, в избранном поприще он, безусловно, видел исполнение своего гражданского и человеческого долга. Иное дело, что ему далеко не сразу удалось приступить к осуществлению той программы, которую он наметил. Но чтобы судить о ней, надо знать, какие же книги он решил выпустить, когда почувствовал, наконец, под ногами твердую почву.

Первые книжки почти никогда не дают оснований судить о тайной мечте издателя — слишком еще он зависим от финансового успеха. Они могут свидетельствовать лишь о том, какую он избирает дорогу: пойдет ли путем, ведущим к легкому коммерческому успеху, или намеревается послужить делу народного просвещения.

В специальной литературе издавна было принято подразделять все издательства на коммерческие и идейные и соответственно издателей — на коммерсантов и просветителей. Хотя авторы такого рода классификаций и отдавали себе отчет в условности подобного подхода и неизбежности трансформации книжных предприятий в процессе развития, они все же редко учитывали конечные результаты их деятельности. Правда, при этом никогда не ставился знак равенства между коммерсантом-книжником и купцом вообще. «Если книги товар особенный, — писал известный советский книговед Г. И. Поршнев, — то и производитель и распространитель их имеют свои особенности. Причиной тому, конечно, природа самого книжного дела. Во-первых, коммерчески оно малоприбыльно, во-вторых, оно весьма сложно и неустойчиво, поэтому берутся за него преимущественно люди незаурядные, с пытливым умом; в-третьих, распространение книги связано с культурной жизнью страны, поэтому, чтобы преуспеть на

книжном поприще, обязательно должна быть налицо некоторая тяга к культуре и знанию»[4].

При всей спорности приведенных аргументов, их автору нельзя отказать в одном — признании высокой миссии книжников любого толка, поскольку «тяга к культуре и знанию» объявлялась чуть ли не основной, определяющей чертой деятельности любого из них. Если присмотреться к этой проблеме внимательно, то нетрудно убедиться, что издатели-коммерсанты внесли немалый вклад в сокровищницу национальной культуры, а издатели-просветители умели считать копейку и получали немалую прибыль от своих изданий. Видимо, для того чтобы правильно судить о месте того или иного издателя в истории отечественной культуры, важно то, чем он обогатил национальный репертуар. Чтобы убедиться в этом, необходимо шаг за шагом рассмотреть весь проделанный таким издателем путь.

Первые две книги, выпущенные Марксом, были переводными и носили прикладной характер. Одна из них, безусловно, представляла широкий интерес, поскольку, как помнит читатель, была посвящена кумысолечению — одному из популярных в те годы средств борьбы с распространенной социальной болезнью — туберкулезом. Вскоре, однако, Маркс переориентировался на русских авторов, понимая, что только их произведения могли завоевать популярность у русских читателей. Учитывая это обстоятельство, он, очевидно, по совету Клюшникова выпустил две книги Василия Ивановича Кельсиева, в прошлом революционного публициста и сотрудника А. И. Герцена, отрекшегося в 60-е годы от прежних убеждений. Интерес к его личности и творчеству был подогрет вышедшими в 1868 г. воспоминаниями «Пережитое и передуманное», которые, несмотря на резкое осуждение демократической критики, свидетельствовали о литературном таланте мемуариста. Маркс не ошибся в своих расчетах: изданные им в 1872 г. исторические повести Кельсиева «Москва и Тверь» и «При Петре» (в соавторстве с В. П. Клюшниковым) быстро оказались распроданными.

Одновременно с повестями Кельсиева (а может быть, и несколько ранее, этот факт точно не установлен) Маркс решается издать еще две книги «своих» авторов: историческую повесть «Семья вольнодумцев», принадлежащую перу редактора «Нивы» В. Клюшникова и П. Петрова, а также сборник В. В. Крестовского «Очерки, повести

и рассказы». Эти книги пронизаны откровенно охранительными тенденциями и ныне заслуженно забыты.

Автор знаменитых «Петербургских трущоб» был хорошо знаком той самой «большой публике маленьких кошельков», которой предназначалась «Нива». После долгого отсутствия он вновь появился в Петербурге в самом начале 1870 г., правда, в качестве не литератора, а юнкера ямбургского уланского полка. Однако ни это обстоятельство, ни то, что за год до этого он выпустил роман «Панургово стадо», содержащий грубую клевету на русское революционное движение и национально-освободительную борьбу в Польше, отнюдь не остановило Маркса. Их сотрудничество, начавшееся с публикации в «Ниве» рассказа «Под каштанами Саксонского сада», сыграло немаловажную роль в судьбе журнала.

Не обладая средствами для привлечения известных писателей, Маркс, опять не без содействия Клюшникова, воспользовался услугой Крестовского и с его помощью привлек к журналу литераторов из группировавшегося вокруг него кружка: Н. Каразина, Вас. Немировича-Данченко, Вс. Соловьева, В. Авсеенко и др. Не только возможность платить небольшие гонорары устраивала издателя «Нивы», ему, вероятно, импонировало и направление этого неоформленного содружества, члены которого, будучи людьми консервативных убеждений, в своем творчестве не касались острых общественных проблем. «Нельзя отрицать, что „Нива“ давала этому кружку известную связь», — писал один из его членов, признавая одновременно и то большое значение, какое имело для них упрочение журнала[5]. Но и журналу очень важно было заполучить постоянных авторов — ведь в конечном счете именно они определяли его лицо. Постепенно их круг расширялся, что, правда, ни в коей мере не повлияло на направление «Нивы». Вскоре поэты А. Майков (его стихотворением открывался первый номер «Нивы»), Я. Полонский, А. Фет, беллетристы Н. Каразин, А. Потехин, Н. Морской (Н. К. Лебедев), П. Гнедич составили авторское «ядро» журнала. Степенью своего таланта они отличались друг от друга, но в идейном плане эти различия не были столь уж ощутимы. Именно их произведения определяли в последующий период и ассортимент издаваемых Марксом книг: повесть Н. И. Каразина «В камышах» (1879) и роман «Двуногий волк», рассказы «О детях не для детей» Н. Морского (1883) с иллюстрациями того же Н. Каразина, «Повести и рассказы» П. П. Гнедича

Отделение скоропечатных машин

Зал ротационных машин

(1885) и его же «Шесть комедий» (1886), повесть графа Е. А. Салиаса «В старой Москве» (1885) и одиннадцать книг Вс. Соловьева, часть которых выдержала по два и три издания. Среди всех этих прочно и справедливо забытых произведений на первый взгляд как-то одиноко выглядит повесть Д. В. Григоровича «Гуттаперчевый мальчик» (1874), иллюстрированная Н. Каразиным. Ведь даже одновременно изданные Марксом немногочисленные произведения немецких авторов, кроме романов Фр. Шпильгагена «Про что щебетала ласточка» (1873) и Георга Эберса «Иисус» (1890), не оставили никакого следа в памяти читателей. (Все же при этом следует отметить, что все они пользовались успехом у современников.)

Однако обнародование повести Григоровича — не случайный эпизод. Начиная со второго десятилетия издания «Нивы», Маркс пытается привлечь к участию в журнале наиболее крупных из современных писателей: Д. В. Григоровича, Н. А. Гончарова, Л. Н. Толстого, добивается обещания И. С. Тургенева прислать в «Ниву» одно из своих последних произведений, печатает Г. П. Данилевского, Н. В. Успенского и других, а в самом начале 90-х годов, после смерти Клюшникова, окончательно отказывается от публикации низкопробных произведений. С этих пор его деятельность приобретает совершенно иной характер. Но перелом произошел не вдруг, а исподволь готовился в течение нескольких лет.

В середине 70-х годов, когда экономическое положение журнала упрочилось, Маркс получил возможность несколько расширить свою деятельность. Его, как и многих других издателей того времени, заинтересовали иллюстрированные издания. Совершенствование полиграфической техники, увеличение числа хорошо оборудованных типографий, незначительное, но все же расширение круга лиц, имеющих возможность приобрести подобные издания, вело к снижению их себестоимости и увеличило вероятность спроса. Правда, при этом книги все равно оказывались убыточными: не спасала положения и высокая цена.

Иллюстрированные издания в какой-то мере служили гарантией солидности фирмы, они скорее, чем прочие, могли привлечь внимание прессы и тем самым послужить для нее рекламой. Иллюстрации значительно повышали информационные возможности книги, особенно естественнонаучной и детской. Проблема заключалась лишь в том, чтобы постепенно, увеличивая тиражи и снижая цену, сделать книгу доступной большому числу

читателей. Обычно эти задачи решались за счет качества исполнения изображений.

В отличие от многих своих современников Маркс, придавая большое значение художественной стороне дела, в то же время определял свой выбор литературными достоинствами произведения. Поэтому вполне естественно, что в числе первых иллюстрированных изданий оказалась классическая поэма Джона Мильтона «Потерянный и возвращенный рай». Перевод был издан с параллельным текстом на английском языке и иллюстрирован 50 картинами Густава Доре, творчество которого в этот период усиленно пропагандировалось в России.

Громадный, как тогда говорили, «роскошный» том in folio, в красном полушагреневом переплете с золотым тиснением и обрезом, вызвал заметный интерес: «Наша переводная литература обогатилась на днях новым изданием, в котором несомненно литературное достоинство соединяется с редкою в России роскошью типографского искусства, — писала одна из петербургских газет. — Издание это — знаменитая поэма Мильтона „Потерянный рай", переведенная в прозе г-жею А. Шульговскою. Перевод вполне удовлетворителен. Он соединяет в себе замечательную близость к подлиннику с прекрасным литературным языком, передающим как нельзя лучше тон английского языка»[6]. (Выбор переводчика, вероятно, объяснялся лишь фактом личного знакомства с издателем. Впрочем, в тот момент Маркс и не располагал еще достаточными связями и возможностями, чтобы предложить работу более известному литератору.)

В одном из писем к переводчице (8 августа 1878 г.) он так сформулировал свои цели: «Я больше двух лет употребил на составление и приготовление этого издания; хорошо было бы, если бы русская публика приняла эту книгу хотя с малой долей той любви, которую я положил на нее. Предпринимая это издание, я не рассчитываю на то, что оно может скоро разойтись, и знаю, что мне в несколько лет не покрыть расходов на него, но это только доказывает, что есть идеалисты, которые хотят работать без надежды на скорую пользу»[7].

И все же издатель «Нивы» напрасно считал себя идеалистом. Он решился понести убытки лишь в тот момент, когда почувствовал, что они не пошатнут его положения (в 1875 г. «Нива» имела 18 тыс. подписчиков, в 1877 — 30 тыс., а в 1878 г. — уже 43 тыс.). И лишь тогда, когда тираж журнала приблизился к 100 тыс. экз.,

он предпринимает новое, аналогичное издание и выпускает «Фауста» Гете (в переводе А. А. Фета) с иллюстрациями Энгельберта Зейбертца, гравированными Адрианом, Шлейком, Альгейером Зигле и др.

Это было первое в России полное издание величайшего из произведений Гете. По словам Маркса, перевод Фета был сделан «почти дословно, размером подлинника и с соответствующими рифмами. Я сопроводил его не менее художественными иллюстрациями в эстампах Зейбертца (числом 25), отличающихся строгою выдержанностью древнегерманского стиля, равно как и многочисленными (до 130) рисунками, гравированными на дереве, заставками и т. п.», — писал он, посылая книгу Суворину[8].

Желание поразить современников во многом определило характер оформления «Фауста». Громадный том объемом в 100 листов, напечатанный на веленевой бумаге, ярко демонстрировал возможности печатной техники. По заказу Маркса один из сотрудничавших в «Ниве» художников выполнил рисунок в старонемецком стиле, по которому был исполнен медный штамп для рельефного тиснения переплета. Стоила книга чрезвычайно дорого — 40 руб. Практически цель, которую ставил перед собой издатель, не была достигнута, издание оставалось украшением лишь богатых гостиных. Поэтому в 1899 г. Маркс переиздал «Фауста» в «Иллюстрированной библиотеке „Нивы“». Книга была издана небольшими выпусками и стоила покупателям, подписывавшимся на нее до издания всего тома целиком, 14 руб. Покупавшие книгу единовременно платили значительно дороже — 20 руб.

Что же касается перевода, то он не вызвал восторга, хотя и был выполнен крупнейшим русским поэтом, равно владевшим двумя языками. «Перевод Фета нельзя назвать удачным, но смягчающим обстоятельством тут служит то, что, в сущности, „Фауст“ Гете непереводим, тем более когда переводчик силится чудные стихи подлинника передать рифмованными строками, что заставляет неминуемо класть и мысль и речь на прокрустово ложе и калечить», — считал один из рецензентов[9].

В 1893 г. Маркс выпускает в аналогичном издании знаменитые «Сказки» братьев Я. и В. Гримм, перекупая «исключительное право» на воспроизведение иллюстраций П. Грот-Иоганна у акционерного общества «Германское издательское учреждение», и уже в начале века выпускает не менее популярное «роскошное издание» — гетевского

«Рейнеке-Лиса». И на этот раз перевод поэмы поручается известному переводчику В. С. Лихачеву, а у книготорговой фирмы И. Г. Котта перекупается «исключительное право» на воспроизведение в России популярных иллюстраций В. Каульбаха. Хотя в России к этому времени существовало несколько переводов поэмы, все они были неполными. По выходе книги удовлетворенный издатель писал Лихачеву: «Перевод читается весьма легко и знакомит с оригиналом самым точным образом»[10].

Под стать этим изданиям были «Натан Мудрый» Г. Э. Лессинга и «Мертвые души» Н. В. Гоголя, речь о которых впереди. Так намечается одно из направлений деятельности издательства — выпуск иллюстрированных изданий. Оно, несомненно, было связано с ранними приложениями к «Ниве» — олеографиями и хромолитографиями с картин русских художников. В литературе можно встретить много скептических замечаний о художественных достоинствах последних. И это, вероятно, справедливо, если мерить эстетическими мерками сегодняшнего дня. Но не следует забывать, что русская провинция последней трети прошлого века не могла похвастаться активной художественной жизнью: широкое распространение имел лишь лубок, явно не выдерживавший сравнения с приложениями к «Ниве» ни по технике исполнения, ни по прочим своим достоинствам. Благодаря массовости эти приложения оседали в дворницких и бакалейных лавках, питейных заведениях и крестьянских избах. Они отвечали нетребовательным вкусам неискушенной в живописи массы, но,в свою очередь, бесспорно, их развивали (чего уж никак нельзя сказать о лубке вроде печально известной «Битвы русских с кабардинцами» или бесчисленных изображений генерала Скобелева на коне). «Появление в глуши таких картин, как „Бабушкина сказка“ и „Гусляр“ К. Е. Маковского, „Зимний вечер“ Клевера, „Сосновый лес“ и „Березовая роща“ Шишкина, „Демон“ и „Тарас Бульба“ Зичи были своего рода эпохами. Это были оригиналы, по которым дети учились рисовать, — это была школа для целого подрастающего поколения»[11].

Когда, по выражению И. Д. Сытина, у подписчиков «Нивы» перестало хватать стен для оклейки их бесчисленными олеографиями, Маркс стал издавать в качестве приложений к журналу альбомы картин И. К. Айвазовского, И. Е. Репина, А. О. Орловского и др. Благодаря их произведениям провинция впервые получила возможность поз-

накомиться с приемами и техникой крупнейших русских художников. И что весьма характерно, Маркс лишь однажды уступил вкусам «избранной публики» и выпустил ограниченным тиражом альбом офортов любимого им И. И. Шишкина по весьма высокой цене — 100 руб.[12] (За эти офорты художник получил большую золотую медаль на первой выставке печатного дела в России в 1895 г.) Обычно же он стремился всячески удешевить иллюстрированные издания. Так, если открывавший их ряд «Потерянный и возвращенный рай» Д. Мильтона стоил 50 руб., то сказки братьев Гримм — только 12 руб., хотя по оформлению немногим уступали книге Мильтона.

Маркса не без основания считали адептом передвижников, к представителям новых течений в искусстве он относился настороженно и почти не публиковал их в своих изданиях. По словам П. П. Гнедича, «он немного понимал в живописи, еще меньше в литературе»[13]. Вряд ли следует оспаривать подобные высказывания, но даже если и согласиться с мемуаристом, то и тогда есть все основания считать, что издатель «Нивы» обладал способностью воспринимать произведения искусства, а это тоже дано далеко не каждому.

Писатель В. М. Михеев, вспоминая историю издания его углицкой легенды «Отрок-мученик», иллюстрированной Н. В. Нестеровым и В. П. Суриковым, отмечал умение Маркса не только уловить замысел автора и иллюстратора, но и представить его воплощенным в печатном издании. Ответив согласием на предложение Михеева, Маркс заметил: «Это слишком разные рисунки для одной книги... Но ... но ... пусть ... Надо оставить художнику, как у него на душе. Надо, чтоб у художника было настоящее... и у разных — разное»[14].

У читателей еще будет возможность убедиться во «влюбленности» Маркса в Тургенева и Гоголя, в неожиданном, но искреннем восторге перед Чеховым, глубоком интересе к Художественному театру. Все это — свидетельства разносторонности его вкусов и эстетического чутья, без чего, собственно, не могли появиться иллюстрированные издания. Да и не только эти, но и все книги, выпущенные его издательством, поскольку в судьбе каждой из них он принимал самое непосредственное участие.

Несмотря на разнохарактерность «марксовских изданий», в их оформлении проглядывается нечто общее, связанное единством подхода к книге и понимания ее назначения. Прежде всего чувствуется стремление прод-

лить ее жизнь, «одев» в отличный переплет, придать ей известного рода величественность, как источнику познания. Про «марксовские» издания нельзя сказать, что они изящны, но нет в них и «купецкой» аляповатости и роскоши, хотя золотое тиснение чуть ли не обязательный атрибут каждого переплета. В оформлении просматривается, как мы сейчас бы сказали, много излишеств, но иллюстрации почти никогда не довлеют над текстом, даже тогда, когда не раскрывают, а лишь сопровождают его. Набор свободный, без всякого намека на экономию, да и бумага, как правило, лучших сортов (все сказанное касается отдельных изданий, но не приложений к «Ниве» — о них речь впереди).

С современной точки зрения, универсальный подход к оформлению различного рода изданий нецелесообразен, но в то время перед художником всегда стояла дополнительная задача — он оформлял издания одной фирмы, и читатель, взяв в руки выпущенные ею книги, должен был помнить об этом. В единой манере оформлялись беллетристические произведения, научно-популярные книги и практические руководства. Все они в данном случае назывались «художественными изданиями», независимо от того, входили ли они в так называемую «Иллюстрированную библиотеку ,,Нивы“» (начала регулярно выходить в 1894 г.) или нет.

На широкие возможности в этом направлении указали изданные в 1885 г. «История искусств» П. П. Гнедича и вышедшая несколько позже трехтомная «История русской словесности» П. Н. Полевого. Оставляя в стороне оценку этих, в сущности, компилятивных работ, следует отметить их громадную популярность в свое время. Успех особенно «Истории искусств» Гнедича нельзя объяснить простой случайностью. Это было первое сочинение по истории всеобщего искусства с древнейших времен до конца XIX в., принадлежащее перу отечественного автора. Причем написано оно было весьма популярно и живо. Конечно, Маркс рисковал, выпуская книгу большим тиражом, но, с другой стороны, благодаря этому он получил возможность продавать ее за шесть рублей в мягкой обложке и за семь рублей — в коленкоровом переплете. Другими словами, эта прекрасно изданная книга стоила столько же, сколько стоили бы неиллюстрированные, выпущенные на простой бумаге книги того же объема в издательствах К. Т. Солдатенкова или О. Н. Поповой. Чтобы сделать книгу доступной читателю, многие иллюстрированные из-

дания печатались выпусками, а затем уже переплетались в одну папку. Почти все они пользовались большой популярностью, о чем можно судить по многочисленным их переизданиям. Детские книги составляли лишь малую часть продукции фирмы. Поэтому крайне неубедительно звучит утверждение современного исследователя, что в конце XIX в. «книжный рынок изданий для детей был захвачен издательствами А. Ф. Маркса и Ф. Девриена, выпускавшими дорогие, роскошные издания»[15]. Иллюстрированные книги в переплетах вообще стоили дорого, например самые дешевые из них — романы Вальтера Скотта — в книжном магазине А. С. Суворина продавались по цене от 80 коп. до 2 руб. 50 коп.; детские же книги Маркса стоили от 3 до 4 руб., да и другие издатели придерживались таких же цен.

Как правило, Маркс не делал особых различий между книгами, предназначенными юношеству и взрослому читателю. И те и другие издания оформлялись одинаково хорошо, хотя цены на первые были все же несколько ниже. Детские книги, как правило, выходили большими тиражами, так как рекомендовались Министерством народного просвещения для школьных библиотек.

Из марксовских иллюстрированных изданий в начале века широкое распространение получили: «Всеобщая история» О. Иегера (1894), «История письмен» Я. Б. Шницера (1903), цикл «История Халдеи», «История Ассирии», «История Мидии» (1902—1903), «История Индии» (1905) известного популяризатора науки З. М. Рагозиной, «Леонардо да Винчи» А. Л. Волынского (1899) и целый ряд книг, популяризующих естественнонаучные знания. Оригинальная тематика обусловила интерес к ним, а сравнительная дешевизна сделала их доступными для средних слоев читающей публики. К числу таких книг в первую очередь следует отнести: «Три царства природы. Зоология. Ботаника. Минералогия...» Ф. Мартина (1903), «Инстинкты и нравы насекомых» А. Фабра (1898; 1906), «Причудливые животные» А. Купена (1903) и вышедшие в 1901 г. «Картины из жизни животных» известного писателя и ученого Н. П. Вагнера. Выражая Марксу признательность за обнародование своего труда, автор имел все основания заявить: «Теперь мы, русские, благодаря Вам, имеем весьма красивую и занимательную зоологическую хрестоматию. Этой книги для юношества недоставало в нашей русской литературе»[16]. И в этом случае следует указать на глубокую связь названных книг с «Нивой»,

Отделение литографских скоропечатных машин

Отделение для сборки листов журнала «Нива»

в которой популярные материалы по естественным наукам занимали большое место. Публикуя подобные статьи, Маркс придавал особое значение иллюстрированию текста и «всегда просил доставить пояснительные рисунки и чертежи, хотя это значительно удорожало издание»[17]. К такого рода книгам следует причислить и некоторые исследования и руководства вроде широко известных работ «Женщина — домашний врач» Анны Фишер-Дюкельман и книг профессора А. К. Арнольда по лесоводству, в частности вышедшего двумя изданиями трехтомника «Русский лес» и др.

Кроме «роскошно» изданных, Марксом было выпущено немало и дешевых книг по истории, естествознанию, истории культуры, педагогике, прикладным наукам. Достаточно сказать, что их общее число достигало более 200 названий. Но была еще одна отрасль издательского дела, в развитии которой ему принадлежит выдающаяся роль. Речь идет о картографии.

До А. Ф. Маркса в России практически не выпускались массовыми тиражами картографические издания. Для организации этого дела в широких масштабах требовались большие средства, причем скорой отдачи от вложений нельзя было ожидать. Издателя не испугала столь рискованная перспектива. Затратив огромную сумму, он основал особое картографическое заведение и пригласил в качестве редакторов крупнейших специалистов в этой области: профессора Эдуарда Юльевича Петри, а после его смерти — полковника Юлия Михайловича Шокальского (впоследствии президента Всесоюзного географического общества). С их помощью он в течение 10 лет готовил «Большой всемирный настольный атлас», лично принимая и просматривая каждую карту (последние выпуски этого издания вышли уже после его смерти).

Одновременно подготавливались еще два издания, получившие не меньшую известность и, пожалуй, даже большее распространение: «Всеобщий географический и статистический карманный атлас», составленный профессором А. Л. Гикманом и самим Марксом, а также «Учебный географический атлас», подготовленный профессором Э. Ю. Петри. И опять-таки можно сказать, что атласы традиционно были связаны с первенцем Маркса — «Статистическими таблицами государств и владений во всех частях света», составленными О. Гюбнером, и даже с такими на первый взгляд несопоставимыми вещами, как таблицы «Важнейшие русские деревья», «Важнейшие рус-

ские грибы», «Военные и торговые флаги всех государств» или «Путеводитель по небу...» К. Д. Покровского. Так, например, «Всеобщий географический и статистический карманный атлас», помимо карт, содержал великолепные, изобретательно исполненные диаграммы и таблицы.

Перед всяким предпринимателем неизбежно встает задача сокращения издержек производства. К этому стремился и Маркс, однако отсутствие собственной типографии ставило его в крайне зависимое положение. Понадобилось целое десятилетие, чтобы путем жесточайшей экономии собрать необходимые для этого средства. В октябре 1881 г. Маркс приобрел с аукциона типографию А. Веллинга (Английский проспект, 10), в которой печаталась «Нива», и перевел туда же контору журнала[18].

В одном из ранних номеров «Нивы» была опубликована любопытная статья, знакомившая читателей с процессом подготовки и выпуска журнала (наверное, единственная в своем роде). В ней, кстати, приведена калькуляция журнала, из которой видно, что при первоначальном тираже «Нивы» в 9 000 экз. стоимость выпуска одного номера составляла 600 руб., не считая расходов на приложение («Моды»), наем помещения для конторы, жалования служащим, упаковку, объявления и многие другие мелочи. Типографские расходы составляли лишь пятую часть этой суммы (115 руб.), бумага обходилась в 160 руб., иллюстрации — в 200 руб., гонорар авторам — 125 руб.[19]

Приобретая типографию, Маркс думал не только об извлечении дополнительной прибыли; он получал, наконец, возможность модернизировать оборудование и усовершенствовать технологический процес подготовки издания. В марте 1885 г. он купил участок земли на Средне-Подьяческой улице (дом № 1) со строением, куда перенес свою типографию, значительно расширив машинный парк. На следующий год в типографии работало уже 11 машин, 4 станка, одна паровая машина. Обслуживало это, по тем временам немалое, хозяйство 75 рабочих[20]. Работа в типографии велась днем и ночью. С каждым годом объем ее заметно увеличивался. Так, вместо изначальных двух рисунков в конце журнала в 80-е годы стали помещать 10—15 и более; в приложении «Парижские моды» чертежи выкроек вначале давались уменьшенными, затем в полном объеме. Одним из первых в России Маркс начал рассылать в виде премии гравюры, потом олеографии и т. д. Короче говоря, за пятнадцать лет объем производства вырос в

четыре раза. Необходима была дальнейшая модернизация типографии. Первым в России Маркс заказывает в Германии колоссальную по тем временам скоропечатную ротационную машину, предназначенную для одновременного печатания текста и иллюстраций. (Машина печатала до 40 тыс. листов «Нивы» в день. Разом печатались 4 листа, т. е. 32 страницы журнала). Подобные машины, и то в единичных экземплярах, имелись только в Германии, Англии и США.

В отличие от многих родственных предприятий типография Маркса уже в 80-е годы широко применяла электричество.

Все эти нововведения, как и совершенствования технологического процесса, улучшение качества, рост объема основного издания и приложений к нему, вели к увеличению расходов. В 1887 г. стоимость одного номера журнала, в зависимости от характера и числа приложений, колебалась от 5 до 14 тыс. руб., не считая затрат на основную премию, стоимость которой достигала 80 тыс. руб.[21]. Но благодаря предпринятым мерам к концу 80-х годов «Нива» стала самым распространенным печатным органом в России, уступая по тиражу только единичным иллюстрированным журналам Англии, Германии, Франции и США.

Переход от гравюр, высылаемых в качестве премии к журналу, к олеографиям, вероятно, немало содействовал успеху журнала, но их приходилось печатать на заказных началах за границей, так как соответствующим оборудованием типография «Нивы» не располагала. Желая полностью освободиться от зависимости иностранных фирм, а может быть, уже подумывая о собственном картографическом производстве, Маркс 16 марта 1889 г. открывает при собственной типографии так называемый «художественно-литературный институт», располагая его в отдельном флигеле. Помимо нескольких обычных литографских прессов, он устанавливает пять колоссальных, небывалого в России размера, скоропечатных литографских машин, на которых отныне будет печататься большая, или, как ее еще называли, главная, премия «Нивы». Вместе с новыми машинами из Германии прибыли опытные мастера — печатники и литографы. «Сосредоточив ныне в своих руках все отрасли технических и художественных производств, сопряженных с изданием нашего журнала, мы избавились от непосильной зависимости относительно заграничных заведений, печатавших наши премии, и имеем теперь

полную возможность спокойно посвятить наши силы развитию нашего дела к выгоде наших подписчиков», — с гордостью заявлял издатель[22].

Это событие превращало предприятие Маркса в одну из крупнейших типографий страны. В нем работало 15 типографских и 8 литографских машин, 4 типографских и 6 литографских станков, 2 паровые машины. Число рабочих увеличилось до 133 человек. Правда, через несколько лет, в связи с заменой олеографий хромолитографией, Маркс снова был вынужден переоборудовать типографию. В 1896 г. в ней функционировало уже 17 типографских машин и 5 станков, паровые машины были заменены тремя газомоторами. Число рабочих возросло чуть ли не в три раза (371 человек). В эти же годы приобретается еще один участок и строение (Измайловский проспект, д. 29), куда частично переносится производство. В 1898 г. число рабочих, занятых в двух типографиях, достигает 559 человек, а их годовая зарплата составляет более 212 тыс. руб.[23]

К этому времени Маркс уже прочно занимает место в ряду крупнейших издателей России (если не самого крупного по объему продукции). На Первой Всероссийской выставке печатного дела в 1895 г. для экспозиции «Нивы» отводится специальная площадка, на которой устанавливаются всевозможные машины и станки, работающие с утра и до ночи. Посетители, наблюдающие за этим процессом, получают возможность ознакомиться со всеми стадиями производства журнала.

Не обходит его вниманием и компетентное жюри, представившее Маркса к высшей награде: он получает одну из шести золотых медалей Русского технического общества «за почин в издательстве первого до сих пор самого распространенного и наиболее отвечающего своему назначению популярного журнала для семейного чтения „Нива“ и за несомненные достоинства остальных изданий»[24]. (Кстати, на выставке Маркс демонстрировал работу новых фальцовочной и ротационной машин, приводимых в движение электричеством.)

В 1898 г. Маркс приступает к строительству самой крупной в России типографии. Уже в год открытия (1901) в ней в две смены работало около 700 рабочих (во всей фирме было занято около 1 000 человек). Новая типография, располагавшаяся на Измайловском проспекте, была сооружена по проекту архитекторов Н. В. Дмитриева и Л. М. Харламова с учетом новейших технических

и санитарных требований и состояла из нескольких 4- и 5-этажных корпусов, в которых, кроме типографии и литографии, помещались картографическое, фотографическое и автотипическое отделения, клишехранилище и хранилище стереотипов. О масштабах предприятия могут дать представление такие цифры: 150 машин приводились в действие паровым и электрическим двигателем по 350 лошадиных сил каждый. Кроме того, в различных отделениях было установлено 105 электромоторов.

Оснастив свою типографию самым современным оборудованием, Маркс умело и продуманно организовал весь производственный процесс. За счет дальнейшего разделения труда он добился того, что его предприятие работало с точностью часового механизма. Правда, несмотря на высокую для того времени механизацию, в ряде циклов применялся ручной труд, например при брошюровке и упаковке готовой продукции. В основном на этих процессах были заняты женщины[25].

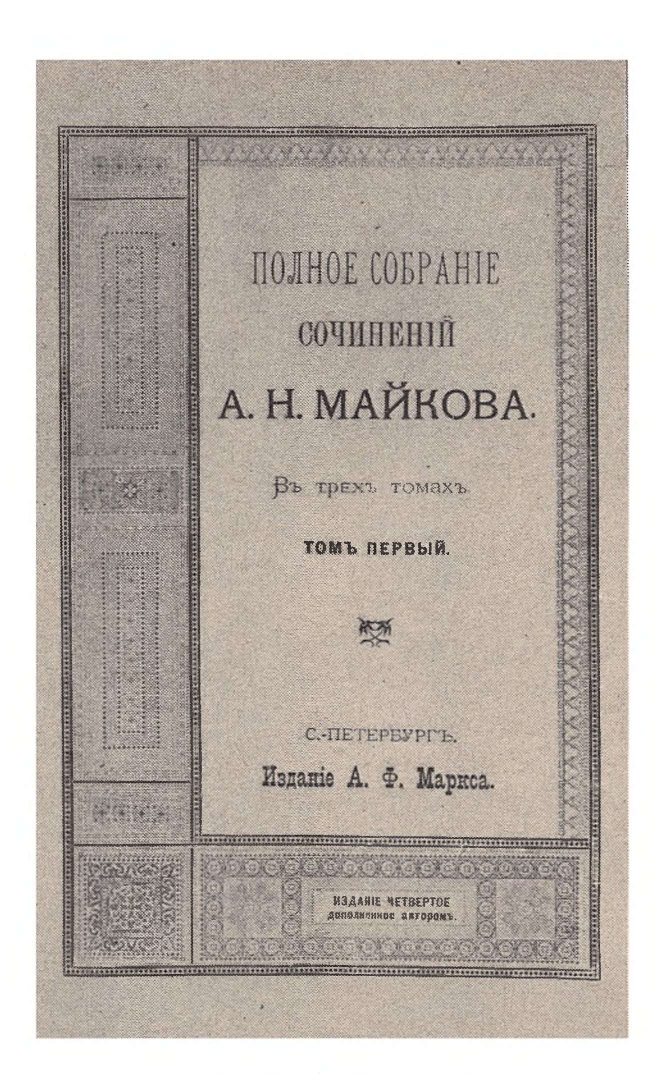
Будучи заинтересованным в постоянном штате рабочих, ибо только при этом условии можно было вести дело рационально, Маркс не только платил более высокую сравнительно с владельцами других типографий зарплату, но и ввел страхование рабочих за счет фирмы на случай смерти или увечья и бесплатное медицинское обслуживание (лекарства выдавались рабочим типографии также бесплатно). Зато высокоорганизованное производство давало наибольший по тому времени экономический эффект.

История не сохранила расчетов, показывающих, какую прибыль получал предприниматель с каждого рубля, выплаченного типографским рабочим. Возможно, она и не превышала заработную плату в 2,5 раза, как это происходит в наши дни в промышленно развитых странах. Одно несомненно, с усилением механизации производства росла интенсификация труда, менялись формы эксплуатации; она становилась более изощренной, но капиталистическая его суть оставалась неизменной.

В начале века Маркс, наконец, добился заветной цели — разовый тираж «Нивы» приблизился к 300 тыс. экз. (275 тыс. экз.) и уступал только тиражу «Иллюстрейтид Лондон Ньюс» (бывш. «Пэнни Мэгазин»)*.

---

* Наивысший тираж журнала «Gartenlaube» в 400 тыс. экз. приходится на 1875 г., но к концу века он значительно сократился.



Майков А. Н. Полное собрание сочинений.
Том первый. Переплет

Собрания сочинений

В конце прошлого века один петербургский журнал поместил на своих страницах любопытную статью, характеризующую круг чтения сельского учителя. Судя по приведенным статистическим выкладкам, самым распространенным журналом оказывалась «Нива», а самым популярным писателем — Вс. Соловьев[1]. Все это не делало чести провинциальной интеллигенции, но факты, как говорят, упрямая вещь. Правда, и библиотеки в те годы не блистали своими фондами. «Библиотеки обыкновенно очень неполны, — можно прочесть в другой статье, — наиболее ходкие сочинения вечно разобраны, потому что часто находятся в одном-двух экземплярах; большинство книг зачитано, затрепано, с вырванными листами, ⟨...⟩ множество сочинений наших выдающихся писателей ⟨...⟩ „изъяты" из библиотек ⟨...⟩ Так, например, еще недавно в одной газете сообщалось, что в некоей провинциальной читальне Писарев существовал в каталоге под именем Пискарева и под этим псевдонимом, все-таки с некоторой опаской, выдавался наиболее „благонадежным" читателям»[2]. Следовательно, даже в тех случаях, когда имелась потребность в чтении, удовлетворить ее было не так-то просто. Приобретать же книги сельский учитель и малоимущий люд были не в состоянии. «Классиков провинция читала лишь по милости издателя А. Ф. Маркса, когда они появились в бесплатных приложениях к „Ниве"», — свидетельствует великолепный иллюстратор русской книги Н. В. Кузьмин[3]. Другой знаток книги, писатель В. Г. Лидин, уверяет, что по «нивским» собраниям сочинений классиков он и его сверстники «приблизились к великой русской литературе, воспитывались и учились»[4]. Именно прилагаемые к «Ниве» собрания сочинений классиков и современных писателей составили основу многих личных библиотек как в провинции, так и в столицах. «Произведения русского художественного слова стали

проникать во все обывательские уголки обширного отечества. Польза от такого широкого распространения — несомненна; большинство читателей читало и читает до сих пор этих авторов в наиболее распространенных и доступных изданиях Маркса», — писал уже в советское время И. Н. Розанов, добавляя при этом, что внешний вид этих «полных собраний сочинений» оставляет желать многого[5].

Собрания сочинений русских писателей, прилагаемые к «Ниве», составили подлинную славу А. Ф. Маркса. Впоследствии идея их издания приписывалась разным лицам. Поскольку документы (если не считать воспоминаний), подтверждающие справедливость высказываемых соображений, не сохранились, следует более подробно разобраться в этом вопросе.

Как помнит читатель, целый ряд собраний сочинений своих соотечественников выпустили современники Маркса Базунов и Стелловский; печатались они и до них, и после них многими издателями. Но никто из этих издателей не намеревался выпускать собрания сочинений планомерно, имея перед собой цель — составить библиотеку лучших образцов русской литературы. Первым, кто задался подобной целью, был А. Ф. Смирдин. О начатой им серии «Полное собрание сочинений русских авторов» В. Г. Белинский писал, что эти издания материализовали блистательнейшую «мысль, какая только попадала в голову русского книгопродавца с тех пор, как существуют на Руси книгопродавцы»[6]. Правда, впоследствии о них судили более строго. По мнению М. Н. Лонгинова, их нельзя было «ставить в пример успехов нашего времени в издании книг», так как «при всем желании издателя сделать иногда свои собрания полнее прежних (например, Державина, Фон-Визина и др.), истина заставляет сказать, что в них тексты наших писателей часто искажены и обезображены до чрезвычайности»[7].

Во второй половине века идею Смирдина вознамерился реализовать М. О. Вольф.

В 1881 г. у него возник «грандиозный проект приобрести у целого ряда современных писателей, а также у наследников некоторых умерших авторов права на издание полных собраний сочинений и сосредоточить в своих руках всю тогдашнюю художественную литературу, за исключением тех немногих сочинений, как Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гончарова, которые уже составили собственность фирмы Глазунова»[8]. Руководствовался

при этом он такого рода соображениями: Россия вступила на тот путь развития, по которому давно идут западноевропейские страны. В Германии же в каждом интеллигентном доме имеется пусть небольшая, но библиотека, которую обязательно украшают сочинения крупнейших немецких писателей. Со временем неизбежно будут создаваться подобные библиотеки и в России, следовательно, настала очередь и для собраний сочинений виднейших русских писателей.

В частности, Вольф хорошо был знаком с практикой Филиппа Реклама (1807—1896), основавшего в 1828 г. в Лейпциге «Литературный музей» — своеобразный комбинат из издательства и публичной библиотеки. Он первым в Европе стал издавать дешевые собрания сочинений классиков. Так, в 1858 г. Реклам выпустил ценою в 1,5 талера полное собрание сочинений Шекспира. Чуть позднее он начал выпускать так называемую «универсальную серию» (куда входили произведения классиков), каждый томик которой стоил не дороже двух зильбергрошей. Одно из этих направлений намеревался реализовать на русской почве Вольф, но не сумел; другое начинание успешно осуществил А. С. Суворин.

По свидетельству С. Ф. Либровича, Вольф собирался в первую очередь приобрести права на сочинения В. Г. Бенедиктова, И. И. Лажечникова, А. Ф. Писемского, затем М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. С. Лескова, Н. Г. Помяловского и многих других авторов, для чего вошел в переписку с самими писателями или с их правонаследниками, однако мало преуспел в своем намерении. Последовавшая в 1883 г. смерть издателя решила исход дела. Вряд ли можно объяснить случившееся скупостью Вольфа, хотя нерешительность в действиях и чрезмерная осторожность в затратах имели место. Беда заключалась в другом: как и прочие издатели, Вольф не мог рассчитывать ни на государственную поддержку в виде субсидий, ни на кредиты банков, а для предполагаемых операций требовалось изъять из оборота достаточно крупные средства.

Область книжной коммерции не имела каких-либо канонов. Как правило, сделки, касавшиеся приобретения авторских прав, поражали современников своей алогичностью. Например, И. В. Сленин приобрел право на второе издание «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина за 75 тыс. руб., когда первое издание еще не разошлось[9]. Подлинной сенсацией стало приобретение Д. Е. Константиновым за 3 тыс. руб. драмы Писемского

«Горькая судьбина». Это был, как пишет Либрович, «самый крупный, вообще, до сих пор гонорар, полученный за издание драматического произведения»[10]. Ту же, как казалось современникам, баснословную сумму он заплатил писателю в 1858 г. за право одного издания романа «Тысяча душ» (в 3 тыс. экз.!).

Основания для столь восторженного восприятия имелись. Ведь П. В. Анненков передал наследникам А. С. Пушкина в виде барыша за собрание сочинений их великого отца всего 2 тыс. руб. А в конце 50-х годов брат известного книгопродавца и издателя Я. А. Исакова приобрел права на литературное наследие поэта за 32 тыс. руб., причем сумма сделки была обусловлена совершенно случайными обстоятельствами. Н. В. Гербель первоначально договорился с сыном Пушкина, чтобы тот уступил ему права на издания сочинений отца за сумму несколько меньшую, так как не располагал достаточными средствами. Узнав об этом, Исаков, «по-купецки» накинув 2 тыс. руб., перехватил куш[11]. Подобным образом поступил и Глазунов, уведя буквально из-под носа Вольфа договор с Гончаровым.

Не было никакой системы и в оплате литературного труда. Тот же Либрович в цитированной статье писал, что «между оценкой беллетристических произведений с критической точки зрения и такой же оценкой с издательской точки зрения нет ничего общего». Еще в начале 80-х годов гонорары Вс. Соловьева и Вс. Крестовского значительно превышали гонорары И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, так как их книги выходили тиражами, намного превосходящими издания писателей, составивших гордость русской литературы.

Хотя Пушкин и писал в 30-е годы, что благодаря развитию издательской деятельности русская литература «оживилась и приняла обыкновенное свое направление, т. е. торговое, ныне составляет она отрасль промышленности, покровительствуемой законами»[12], еще не один десяток лет многое в судьбах русской книги определялось чрезвычайной узостью книжного рынка. И золотой за строку, который платил Смирдин Пушкину, или рубль за строку, которым расплачивался О. И. Сенковский с автором «Конька-Горбунка», — не показатели, это исключения из правил. Ведь по прошествии многих лет Достоевский не мог добиться гонорара большего, чем 150 руб. за лист[13].

Приведенным фактам не приходится удивляться, ведь до 1825 г. во всех русских журналах не платили гонораров. Н. И. Греч первым стал оплачивать труд своих постоянных сотрудников (кроме как за стихи, которые считались неким обязательным излишеством)[14]. Сказанные более чем через полстолетия слова Майкова, что «литературой в России можно как следует заниматься только в том случае, когда хлеб насущный обеспечен», еще долго приводились в доказательство слабого развития книжного дела[15].

Во второй половине 80-х годов положение заметно изменилось. Так, если за право издания сочинений Гончарова И. И. Глазунов заплатил 50 тыс. руб., то буквально через несколько лет был вынужден уплатить Тургеневу 75 тыс. руб. Последняя ставка и стала эталоном для всех последующих операций в этой области.

Такова была общая конъюнктура, когда Маркс решил приступить к выпуску собраний сочинений русских писателей. Но прежде чем рассказать об этом важнейшем событии его жизни, следует все же коснуться оценки выпущенных им изданий советскими исследователями. И здесь приходится признать, что в целом наши современники весьма строго судили об их достоинствах. Так, например, в специальной работе, посвященной рассматриваемому вопросу, утверждается, что в так называемых «полных собраниях сочинений, выпущенных Вольфом, Глазуновым, Марксом и другими дореволюционными издателями», как правило, «нет ни полноты, ни критически проверенного текста, ни научного расположения, ни научного аппарата. Часть этих изданий печаталась при жизни авторов, и характер их определялся обычно самим автором. Такие издания — прижизненные и авторизованные — сами по себе ценны. Неполнота и отсутствие в посмертных изданиях критически проверенного текста, комментариев и т. д. вызваны коммерческим подходом издателей к изданию сочинений классиков, низким уровнем тогдашней текстологии, небрежностью редакции и т. д.»[16].

Выдвинутые претензии чрезвычайно серьезны. Ведь неполнота корпуса публикуемых произведений, искажение текста и подобные недостатки создают неправильное представление о творчестве писателя не только у рядового читателя, но и исследователя. Следовательно, и трактовка его произведений невольно приобретает тенденциозный характер. Во многом предъявленные обвинения справедливы. Однако вину в случившемся следует видеть, скорее,

не в коммерческих устремлениях издателей, а в исторически обусловленных обстоятельствах, сопутствовавших изданию этих сочинений.

«Жалобы на неполноту и на несовершенство так называемых „полных собраний сочинений" наших писателей — обычное явление в нашей литературной критике и специальных исследованиях, — писал в начале 20-х годов литературовед И. А. Кубасов. — Неполнота объясняется, во-первых, тем обстоятельством, что сплошь и рядом рукописные, а порою даже и печатные материалы находятся под спудом у частных лиц и в недрах общественных хранилищ и долгое время остаются совершенно неизвестными или недоступными для тех, кто их собирает; во-вторых, — неосведомленностью собирателей о местонахождении самих материалов и, наконец, — несовершенством методов разыскания материалов, затрудняемого бедностью нашей библиографии; все это в конечном результате имеет своим последствием то, что от внимания наших собирателей, редакторов и издателей ускользают зачастую произведения писателя, уже напечатанные, или же, наоборот, нередко печатается по дурным спискам „впервые" то, что было уже не раз напечатано раньше вполне исправно»[17].

Трудности, с которыми сталкивались издатели дореволюционных собраний сочинений, определены столь полно и точно, что читатель имеет теперь возможность оценить степень усилий Маркса в стремлении преодолеть эти неизбежные для того времени препятствия.

Первым в ряду изданий русских классиков стало полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова. В 1891 г. кончался пятидесятилетний срок охраны авторского права, предусмотренный законом. Сочинения писателя стали общим достоянием. Используя это обстоятельство, Маркс выпустил в том же году двухтомник, состоящий из четырех частей, за весьма и весьма умеренную плату, по крайней мере вдвое меньшую, чем назначалась за подобные издания*. В основном сочинения поэта шли в виде премии подписчикам «Нивы», но распространялись и как отдельное издание. Общий тираж составлял 130 тыс. экз. (260 тыс. томов!), одна бумага обошлась Марксу в 50 тыс. руб. Несмотря на тяжесть расходов, издатель «Нивы» впервые

*Цена Полного собрания сочинений М. Ю. Лермонтова объемом в 80 печ. л. была 1 руб. 50 коп., а с пересылкой — 2 руб. В двух коленкоровых, тисненных золотом переплетах — 2 руб., а с пересылкой — 2 руб. 50 коп.

продемонстрировал этим шагом свои потенциальные возможности, о чем не преминул сообщить читателям на страницах журнала (1891, № 29, с. 638—639).

Рисковал ли Маркс, приступая в 1889 г. к этому изданию? Думается, что не очень, поскольку у него был уже некоторый опыт. (В 1884 г. Маркс выпустил полное собрание сочинений А. Н. Майкова общим объемом в 90 печ. листов. Трехтомник стоил в четыре раза дороже, чем двухтомник М. Ю. Лермонтова, и тем не менее к 1890 г. он разошелся в пяти изданиях.) Правда, расходы по подготовке сочинений Лермонтова непредвиденно возросли.

Приступая к изданию сочинений Лермонтова, Маркс не очень задумывался над его характером и рассчитывал поступить так же, как поступали в подобных случаях все другие издатели. Обычно подготовительная работа заключалась в том, что перепечатывался уже известный текст и снабжался примечаниями, несколько переработанными «редактором» и заимствованными из предшествующих изданий. Хорошо еще, если за основу бралось наилучшее из них.

В качестве такого рода «редактора» и был приглашен Арсений Иванович Введенский, автор нескольких заметок в «Ниве», в том числе и о Лермонтове. Именно он-то и предложил, вопреки существующей практике, сверить тексты с сохранившимися рукописями и дополнить их вышедшими к этому времени новыми произведениями поэта и его письмами. Естественно, что приступить к работе за первоначально предложенный гонорар ему не представлялось возможным. Маркс его удвоил, но когда ознакомился с проделанной работой, между ним и Введенским состоялся весьма примечательный разговор: «Арсений И⟨ван⟩ович, я не могу вполне оценить Ваш труд, этот расход не входил в мои расчеты, и, Бог знает, получу ли я от издания какую-либо выгоду. Но, во всяком случае, я понимаю, что нужно считаться с Вашей работой, хотя Вы делаете ее по Вашему личному желанию. Позвольте мне удвоить условленный нами гонорар...»[18].

Этот эпизод весьма характерен для Маркса, умевшего быстро оценить достоинства того или иного предложения. Он правильно рассчитал, что выпущенное им собрание сочинений как всякое массовое издание в научном плане все равно будет уступать составленному таким авторитетом, как П. А. Висковатов («Сочинения», составленные Висковатовым, выходили в шести томах с 1889 по

1891 гг.), зато оно окажется способным конкурировать, благодаря дешевизне, и с ним, и с пятитомником под редакцией И. М. Болдакова, одновременно выпускаемым московской фирмой «Е. Гербек». О том, что Маркс не ошибся в расчетах, свидетельствует успех «Собрания сочинений» Лермонтова у современников. Дало оно и немалый доход, будучи через десять лет переиздано.

Удачное начало побудило Маркса предложить Введенскому подготовить ряд однотомных собраний сочинений русских классиков, на которые не распространялся за давностью лет закон об охране авторского права, благодаря чему их можно было бы продавать за минимальную цену. При этом Маркс, естественно, не намеревался отказываться от возможности выпустить их в виде «изящных» изданий.

Так в 1892 г. выходят полные собрания сочинений А. С. Грибоедова, И. И. Козлова, А. И. Полежаева и А. В. Кольцова. Все они однотипны, кроме основного текста, содержат биографический очерк писателя и его портрет. По составу они более полные, чем предшествующие издания, во всех случаях тексты сверены, насколько это было возможно, с рукописями. Особой тщательностью подготовки и полнотой отличалось трижды переиздававшееся при жизни Маркса полное собрание стихотворений и писем А. И. Кольцова. В него были включены 18 стихотворений из приобретенной Марксом тетрадки поэта под названием «Незабудки с долины моей юности», которые впервые были опубликованы в приложениях к «Ниве» (впоследствии эта тетрадь была передана Марксом в дар Публичной библиотеке), а в примечаниях редактор А. И. Введенский впервые поместил свод описаний рукописей поэта из различных собраний. В него были включены стихотворения, появившиеся в печати после 1846 г.; тексты сверялись с доступными редактору рукописями. Основному корпусу придавались варианты, но не было писем. Последние были помещены в изданиях 1901 и 1905 гг.

На следующий год под редакцией Введенского вышли «Сочинения» М. В. Ломоносова и «Полное собрание сочинений» Д. И. Фонвизина. Эти издания идентичны названным, но в них тексты с рукописями не сверялись. Сборники составлялись по предшествующим изданиям. Тексты сопровождались небольшими примечаниями. Все эти сочинения продавались в розницу, а в 1892 и 1893 гг. выходили в качестве приложений к «Ниве». Повсеместный

интерес, проявленный к ним современниками, по всей вероятности, утвердил Маркса в мысли о возможности выпуска многотомных изданий в качестве приложений к «Ниве», вернее убедил его в том, что они могут послужить лучшим стимулом подписки на журнал*. Впрочем, уверять читателя, что издателем двигали лишь меркантильные соображения, вещь весьма рискованная.

Существует целый ряд версий, приписывающих идею издания полных собраний сочинений русских писателей приложениями к «Ниве» различным лицам. Каждая из них имеет какие-то основания, но поскольку одна исключает другую, следует, вероятно, рассказать обо всем, что известно по этому поводу.

Если верить И. Д. Сытину, идею издания русских классиков приложением к «Ниве» подсказал Марксу он в момент их знакомства. Произошло оно, по его словам, на выставке 1883 г., на которой павильоны их фирм оказались рядом. Причем, как показалось Сытину, издатель «Нивы» первоначально не обратил на его советы должного внимания. Однако через год Маркс неожиданно пригласил Сытина в «Славянский базар». Оказав ему чрезвычайно радушный прием, он напомнил о разговоре на выставке: «Маркс вынул бумагу и протянул мне! Читаю и глазам не верю: он купил у Салаева полное собрание сочинений Гоголя за 100 тысяч рублей.

— Теперь понимаешь, почему я желаю угощать? Эта наша дружеская беседа дала мне дорогу. Я теперь знаю, что делать и какие приложения давать при моей „Ниве“.

Я с завистью поздравил милого немца, а он дружески хлопнул меня по плечу»[19].

Многое в этих воспоминаниях, начиная с даты знакомства, вызывает сомнения. Впервые лубочные издания Сытина демонстрировались на Всероссийской промышленной выставке 1882 г., т. е. ровно за год до того, как он начал самостоятельную издательскую деятельность. Затем его продукция была представлена на Ремесленной выставке 1885 г. и через десять лет — на Первой Всероссийской выставке печатного дела в Петербурге, где его павильон действительно соседствовал с марксовским (зарубежные выставки нами сознательно опускаются).

Хорошо известна и дата приобретения Марксом авторских прав на сочинения Гоголя. Произошло это

*В 1893 г. «Нива» имела 120 тыс. подписчиков, в 1884 г., когда приложением было объявлено собрание сочинений Ф. М. Достоевского, тираж «Нивы» подскочил до 170 тыс. экз.

событие 8 марта 1893 г. Правда, приобрел он их не у Ф. И. Салаева, а у его наследника Владимира Васильевича Думнова, и не за 100, а за 150 тыс. руб.[20] По всей вероятности, сделка оформлялась в Москве, и Маркс действительно мог посетить Сытина сразу же по ее завершении (сохранилась лишь копия купчей записи без указания места ее свершения и фамилии нотариуса). Факт знакомства издателей несомненен, но он относится к 90-м годам и, скорее всего, ко второй их половине. Деловые отношения между ними связаны с приобретением Сытиным гравюр, ранее использованных в «Ниве». Не исключено, что виной всему обычная трансформация памяти: ведь Сытин писал воспоминания в весьма преклонном возрасте.

Заслуживает внимания и версия советского литературоведа М. Я. Полякова, считавшего, что идею издания сочинений классиков приложениями к журналу подсказал Марксу Михаил Николаевич Волконский, редактировавший «Ниву» именно в описываемые годы (на чем основывается эта гипотеза, остается читателю неизвестным)[21].

Имеется, впрочем, и другая версия, заслуживающая не меньшего внимания. Академик И. Э. Грабарь, в молодости активно сотрудничавший в «Ниве», писал, что эта идея принадлежала управляющему конторой журнала Юлию Осиповичу Грюнбергу: «Грюнбергу первому пришла мысль давать в приложениях к „Ниве“ собрания сочинений русских классиков. Он лично вел переговоры с наследниками Достоевского о приобретении его сочинений и с рядом других правопреемников знаменитых писателей, последствием чего являлось такое массовое распространение русской литературы в широких читательских массах, о каком до тех пор никто из издателей и мечтать не мог. Ему же принадлежала инициатива печатания в «Ниве» «Воскресения» Толстого, для чего он ездил в Ясную Поляну. Только его необычайная скромность помешала в свое время стать этим фактам общеизвестными»[22].

Посвящая Грюнбергу «самые сердечные строки» воспоминаний, Грабарь невольно все же погрешил против истины, пусть в частностях и деталях; но именно они и заставляют усомниться в справедливости столь категорического утверждения. Так, например, из воспоминаний А. Г. Достоевской известно, что переговоры с ней вел лично Маркс, а не Грюнберг[23]. Не был Грюнберг и единственным посредником в переговорах Маркса с Л. Н. Толстым. Эту заслугу он, во всяком случае, делил с П. А. Сергеенко. Правда, с другой стороны, например, хорошо известно, со

слов того же Сергеенко, что инициатива покупки Марксом авторских прав у Чехова и издания его собрания сочинений целиком принадлежит Грюнбергу. К тому же нельзя забывать о близости Грабаря к семейству Грюнберга, в котором он, по собственным словам, дневал и ночевал, о тесной его дружбе с И. М. Эйзеном, секретарем журнала, здравствовавшим еще в годы написания воспоминаний. Все это свидетельствует о хорошей информированности Грабаря. Правда, писались воспоминания почти через четыре десятка лет после описываемых событий, и многое могло трансформироваться в памяти их автора.

В наши дни вряд ли возможно с достаточной определенностью принять или отвергнуть версию Грабаря; разумнее, воздав должное и Марксу, и Грюнбергу, вспомнить, что исключительно плодотворная для русской культуры идея издания собраний сочинений классиков в виде серии родилась задолго до описываемых событий, но реализоваться смогла лишь тогда, когда создались для этого соответствующие условия. Тем более, что гратификационная политика Маркса вынуждала его все время опережать своих конкурентов в борьбе за читателя.

Маркс выпускал годовыми приложениями одно, от силы, два собрания сочинений. И для придания веса своему начинанию приступил к выпуску не с сочинений второстепенных писателей, а таких, чье имя было хорошо известно читающей публике. Его не смутило то обстоятельство, что, как правило, сочинения знаменитых писателей были уже приобретены его коллегами, время от времени выпускавшими их небольшими тиражами по цене, делавшей эти издания фактически недоступными даже интеллигентному читателю.

Известный московский букинист А. Г. Миронов писал в свое время, что «изучение деловых и личных отношений писателя с издателем его произведений представляет интерес не только со стороны истории литературного быта, но и для более полного и правильного понимания биографии писателя»[24]. Мысль эта как нельзя полно подтверждается всем последующим повествованием о взаимоотношениях Маркса со многими знаменитыми его современниками. Исключение представляет лишь рассказ о приобретении издателем прав на литературное наследие Гоголя. Но этот эпизод чрезвычайно важен, поскольку именно с него начинается эпопея.

Н. В. Гоголь

8 марта 1893 г. Маркс совершил уже упомянутую выше сделку с В. В. Думновым. Выплатив громадную, можно сказать, невиданную по тем временам сумму (150 тыс. руб.) за монопольное владение авторскими правами на сочинения Гоголя, он оказался ограничен жесткими временными рамками, так как через восемь лет исполнялось пятидесятилетие со дня смерти писателя. Однако выпускать полное собрание сочинений Гоголя приложением к «Ниве» не спешил. Во-первых, он хотел несколько компенсировать свои затраты и сначала выпустить его по той же цене, что и его предшественники, а во-вторых, намеревался сделать его действительно самым полным. Правда, для этого пришлось еще перекупить у наследников писателя права на письма Гоголя. (Письма писателя не рассматривались как литературные произведения, поэтому их пришлось выкупать в течение декабря 1899 — января 1900 г. у сестры писателя — О. В. Головни и других сонаследников, а также вдовы издателя сочинений Гоголя — А. М. Кулиш)[25]. И лишь после того, как полное собрание сочинений Гоголя выдержало ряд изданий, он пустил его приложением к «Ниве»*. Это обстоятельство никак не повлияло на его успех: ведь подписка на журнал вместе с приложением стоила столько же, сколько и отдельное издание.

В течение восьми лет А. Ф. Маркс предпринял несколько изданий, связанных с именем Гоголя, часть которых была, как бы сейчас сказали, «планово нерентабельной». Таковой, например, оказалась серия «Иллюстрированные народные издания сочинений Н. В. Гоголя», состоявшая из 15 брошюр, самые дешевые из которых стоили 5 коп., а самая дорогая («Ревизор») — 20 коп. (Выпущенное им одновременно отдельное издание комедии, подготовленное академиком Н. С. Тихонравовым,— стоило 2 руб.) В серию вошли почти все наиболее популярные произведения писателя. Для всех брошюр были заказаны оригинальные иллюстрации, виньетки, заставки и т. п. Например, в повести «Тарас Бульба» на 170 страницах

*Маркс выпустил ряд изданий «собраний сочинений» Гоголя под редакцией Н. С. Тихонравова, правда, без научного аппарата, имевшегося в шестом. Наиболее распространенными были 15-е и 16-е издания 1900 и 1901 гг. (приложения к журналу «Нива»), а также 17-е издание сочинений (однотомник 1901 г., который впоследствии был перепечатан Литературно-издательским отделом Наркомпроса).



Гоголь Н. В. Майская ночь. Обложка

текста было дано 28 рисунков и виньеток художников И. Грабаря (псевдоним Храбров), М. Зичи, Р. Штейна, А. Котляревского и др. Книга была издана на отличной бумаге, а стоила лишь 18 коп. Специально с целью иллюстрирования этих изданий Грабарь был командирован на Украину, где выполнил рисунки к «Заколдованному месту», «Ночи перед рождеством», «Майской ночи», «Тарасу Бульбе» (в последней книге ему принадлежит 8 иллюстраций). Фирма брала на себя расходы по пересылке, если серия заказывалась целиком. Ни одно из известных дореволюционных изданий, подобным образом оформленное, не стоило так дешево.

Еще большие убытки принесло Марксу издание «Мертвых душ», но зато своей необычностью оно поразило современников. Адольф Федорович готовил его в течение пяти лет, поручив художественную часть П. П. Гнедичу. (Текст печатался по редакции академика Н. С. Тихонравова.) Впоследствии Гнедич весьма образно описал ход подготовки этого издания: « Когда А. Ф. брался за новое роскошное издание, он никогда не мог избавиться от искушения отойти от первоначальной сметы. Сначала он делал это нерешительно: увеличивал размеры рисунков и количество их, постепенно доводя до двойного и тройного числа; затем он увеличивал формат издания и, наконец, совершенно неожиданно накидывал на прежнюю смету лишних тысяч пятьдесят. Дойдя до такого решения, уже не отступал, а, развернув все паруса, шел против ветра. В разгар издания он работал над ним, во что бы то ни стало,— не спал, не ел, но каждую страницу штудировал хозяйским глазом»[26].

По свидетельству самого издателя, материал для иллюстраторов собирался по провинциальным захолустьям, где реально еще сохранились осколки быта «губернии» 20 и 30-х гг. «⟨...⟩ Каждая мелочь, каждая деталь, каждый аксессуар Чичиковской эпохи тщательно проверены, зарисованы, сфотографированы»[27].

Судя по сохранившимся «Обязательствам» П. П. Гнедича, работа по иллюстрированию поэмы проходила таким образом: художник Мечислав Михайлович Далькевич, сделавший более трети рисунков к книге, «при помощи фотографии» должен был подготовить «материал для исполнителей и, снявши типы героев гоголевской поэмы в соответствующих позах, доставить этим самым прочную связь для единства композиций, исполненных разными художниками»[28].

Книга была издана большим форматом, с необычайной шириной полей, на бумаге высших сортов, в тисненом переплете. Число иллюстраций и виньеток совпадало с числом страниц основного текста — 560. Собственно иллюстраций было несколько меньше (10 гелиогравюр и 335 рисунков). Пейзажи рисовали художники Н. Н. Бажин и Н. Н. Хохряков, жанровые сцены — В. А. Андреев, А. Ф. Афанасьев, В. И. Быстренин, М. М. Далькевич, Ф. С. Казачинский, И. К. Маньковский, Н. В. Пирогов, Е. П. Самокиш-Судковская, С. С. Соломко.

Все это были художники второго ряда. Даже отталкиваясь в отдельных случаях от образов, созданных

П. М. Боклевским, они не могли достичь глубины его психологически точных характеристик. К тому же они сознательно стремились притупить сатирическую направленность «Мертвых душ», явно солидаризируясь с издателем, который в специальном предисловии к книге, демонстрирующем его большие профессиональные познания, вместе с тем подчеркивал свое органическое неприятие агинской трактовки образов поэмы, называя его рисунки «довольно неудачными»[29]. Собственно, эта тенденция проскальзывала и в выборе варианта заглавия*. Смещение акцента в данном случае играло громадную роль в трактовке идейной направленности поэмы, ставя как бы на первое место историю прелюбопытных (но частных) похождений авантюриста Павла Ивановича Чичикова. Издатель, а за ним и художники не желали видеть в Чичикове и других героях повествования живых «мертвых душ» (что ярко подчеркивалось Агиным). Суть бессмертной поэмы осталась нераскрытой. Тем не менее это издание, имевшее по своему художественному оформлению мало предшественников в русской практике, стало тем, что в Европе называлось éditions de luxe. «Рассматривая издания А. Ф. Маркса с технической точки зрения,— писал один из рецензентов,— можно только руками развести, удивляясь дешевизне роскошного тома, пущенного в продажу за 12 рублей». Указывая на предполагаемый тираж в 2 000—3 000 экз., он утверждал, что «А. Ф. Маркс на данном предприятии поплатился более или менее крупной суммой без всякой надежды на возмещение убытков»[30].

Несмотря на восторженный прием, оказанный критикой «Мертвым душам», истинным памятником Гоголю стало «Полное собрание сочинений» писателя, вышедшее под редакцией академика Н. С. Тихонравова, согласием которого вести издание и впредь Маркс заручился за два дня до официального оформления сделки[31]. Начатое в 1889 г., оно было завершено в 1896 г. Два последних тома, вернее полутома (VI и VII), за смертью Н. С. Тихонравова, вышли под редакцией В. И. Шенрока.

Выход сочинений Гоголя стал крупным событием в истории текстологии. Наиболее полное из всех предшествующих, оно все же не включало писем писателя. Поэтому Маркс впоследствии, в 1901 г., выпустил под редакцией

*Книга называлась «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. В. Гоголя, в 2-х частях».

Шенрока собрание писем Гоголя в четырех томах, намного превосходившее по числу документов все известные ранее.

За три с половиной десятка лет до описываемых событий Чернышевский для доказательства культурной отсталости России приводил тиражи изданий крупнейших писателей страны. «Кто из людей сколько-нибудь образованных не читал Гоголя?»— риторически спрашивал он. И тут же замечал, что «число всех экземпляров всех изданий Гоголя не простирается и до 10 тысяч»[32]. С течением времени положение мало в чем менялось. В январе 1876 г. по случаю выхода в свет шестого тома «Русской библиотеки»— серии избранных произведений (однотомников) самых известных писателей (Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Грибоедова, Гоголя и Тургенева) приводился ее валовой тираж — 35 тыс. экз. и сообщалось, что с апреля 1874 г. по декабрь 1875 г. продано чуть более его половины (18 484 тыс. экз.). Издатель даже не выручил затраченных средств. Расходы по изданию (при том, что почти все наследники прав писателей и авторы предисловий отказались от гонорара) составили 17 330 руб. 57 коп., а выручка от проданных экземпляров — 11 402 руб. 75 коп.

Тираж гоголевского тома неизвестен, вряд ли он был меньше среднего тиража издания — 7 тыс. экз., но к описываемому времени было продано всего 3 854 экз., хотя книга стоила дешево — всего 60 коп.[33] Кстати, из-за небольшого объема все собрания сочинений писателя, выходившие в четырех томах, стоили сравнительно недорого: 4—5 руб. Издавались они скромными тиражами, ничем существенно не отличались друг от друга, пока не появилось издание, подготовленное академиком Н. С. Тихонравовым, которое, по словам Н. К. Гудзия, представляло собой «выдающееся литературное событие в деле издания русских классиков»[34]. Вот это издание и перекупил Маркс.

Маркс, как правило, выпускал собрания сочинений популярных писателей двумя изданиями: одно тиражом не более 20 000 экз. по обычной цене, примерно 1 руб. 50 коп. за том, а второе — в виде бесплатного приложения к журналу. Тираж последнего определялся самими подписчиками, поэтому ему ничего не оставалось, как внимательно прислушиваться к их мнению и не просто расширять из года в год репертуар приложений, а давать лишь то, что способно было заинтересовать читателя. Просче-

ты в этом плане, бесспорно, имелись, но они не влияли на общее направление. Маркс мог с полным основанием заявить, что «главная цель „Нивы“ — служить в области печатного слова культурным задачам дорогого нашего отечества. В этом она полагает и все свое значение, и все свое честолюбие; этим определяется и содержание ее приложений. Сделать выдающихся наших писателей общедоступными — одно из верных средств достижения этой плодотворной цели»[35].

При всей выспренности и декларативности заявления, взятого к тому же из рекламного проспекта, нельзя не отметить справедливости приведенных слов. Выпущенные приложениями к «Ниве», классики, действительно, становились «общедоступными». Так, например, пущенное в 1901 г. приложением к «Ниве» полное собрание сочинений Гоголя печаталось тиражом в 224 тыс. экз.[36]

История не сохранила свидетельств тому, как и где начались переговоры Маркса с Думновым, почему незавершенное десятое издание сочинений Гоголя, вызвавшее повсеместный интерес, было продано одним издателем и перекуплено другим. Судя по сохранившемуся «Соглашению» академика Тихонравова о передаче Марксу заключенного им ранее контракта с Думновым, переговоры все же происходили в Москве («Соглашение» начинается фразой: «Я, нижеподписавшийся, выдал сию расписку Адольфу Федоровичу Марксу...»). Тихонравов согласился завершить издание шестым томом при условии, что том будет печататься в любой московской типографии, запросив за свой труд весьма высокий гонорар — 2 тыс. руб. серебром. Через два дня — 8 марта (в день подписания договора Маркса с Думновым) — он обязался за две недели подготовить для Маркса «оригинал для печатания сочинений Н. В. Гоголя в сокращенном виде в четырех томах, снабдив их небольшими примечаниями с правом поставить на обложке „под редакцией“ Н. С. Тихонравова». За это Маркс обязывался уплатить дополнительно Тихонравову еще 300 руб. серебром, которые и были ему вручены 20 марта 1893 г.[37] (Речь шла о так называемом одиннадцатом издании сочинений Гоголя.)

По сохранившейся переписке можно представить, как развивались события. Приехав в Петербург, Маркс немедленно (12 марта) посылает Тихонравову в качестве презента свои издания сочинений Грибоедова, Козлова, Кольцова, Полежаева (на веленевой бумаге). Он просит его «по возможности поторопиться редактированием и



Гоголь Н. В. Шинель. Обложка

приготовлением к печати одиннадцатого издания Гоголя в четырех томах» и ускорить присылку шестого тома десятого издания. (К 15 марта он выкупил у Думнова остатки ранее вышедших сочинений Гоголя, но отказался пожертвовать 50 коп. с каждого экземпляра «Ревизора» в пользу сооружаемого в Москве памятника писателю, полагая, что это должен был сделать Думнов.)

На следующий день Маркс телеграфом сообщил Тихонравову, что заказной бандеролью отправляет ему рукопись «Ревизора», и запрашивал, когда следует ожидать присылки отредактированного текста. В обусловленные сроки он получил от Тихонравова корпус одиннадца-

того издания и тут же (1 апреля) сдал его в набор. Правда, вопреки договору, Тихонравов подготовил это издание не в четырех томах, а в пяти, из-за чего возникли некоторые технические трудности, но поскольку дело было сделано и тома вышли равными по объему, Маркс не возражал. Уже 12 апреля он выслал в Москву листы первого тома и, видимо, просил Тихонравова написать для него биографию писателя. Ответ Тихонравова не сохранился. Но суть ответа видна из последнего письма Маркса, в котором тот сожалеет, что болезнь не дает адресату возможности исполнить его пожелание. Поэтому издатель просил разрешения обратиться с аналогичной просьбой к А. И. Введенскому, предоставив адресату «в случае надобности изменить все то, что найдет нужным». Тихонравов категорически отверг это предложение, и тогда Маркс попросил его выслать хотя бы предисловие, поскольку все выпущенные им издания сочинений русских писателей были снабжены таковыми.

«Моя типография,— сообщал Маркс Тихонравову,— теперь исключительно занята печатанием сочинений Гоголя, и все другие работы пока отменены». Благодаря принятым темпам одиннадцатое издание сочинений Гоголя должно было выйти в свет в начале мая и поступить в продажу ранее шестого тома десятого издания. Посылая Тихонравову последние листы одиннадцатого издания, Маркс опять настоятельно просил выслать предисловие: «Вы ⟨...⟩ можете сами убедиться,насколько я спешу выпустить издание и как энергично работает моя типография. Малейшая задержка ставит меня в чрезвычайно стесненное положение. Я надеюсь поэтому, что, получив из моего вчерашнего письма все нужные Вам для составления предисловия сведения, вы поспешите составлением и высылкою его. Отсутствие предисловия мне не дает возможности приступить к брошюрованию, а это чрезвычайно тормозит весь ход издания». Но почтенный ученый не привык к такого рода темпам и не мог, подобно Введенскому, писать так, чтобы рукопись с письменного стола немедленно шла в набор. Издателю ничего не оставалось, как вновь послать телеграмму и умолять Тихонравова поспешить: «Ради бога, высылайте предисловие тома, Маркс».

И все же Маркс добился своего: в последний день мая одиннадцатое издание сочинений Гоголя вышло в свет.

Руководили ли Марксом меркантильные соображения (вполне естественные в данном случае — он должен

был хоть частично компенсировать большие затраты) или честолюбивые замыслы увидеть свою фамилию на титуле сочинений одного из крупнейших писателей России, не суть важно. Читатель получил дешевое, компактно изданное собрание сочинений Гоголя, подготовленное не только с особой тщательностью, но и с любовью, причем каждая деталь оформления, вплоть до автографа-подписи писателя, была обговорена издателем с редактором.

Параллельно с подготовкой одиннадцатого издания, менее известного широкому читателю, но довольно популярного, шла работа по завершению десятого издания, надолго ставшего каноническим. Завершающая часть имела особое значение, поскольку речь шла о публикации двух самых значительных произведений Гоголя: «Мертвых душ» и «Ревизора». Выполняя требования редактора, Маркс охотно шел на дополнительные затраты, стремясь тщательно подготовить и достойно проиллюстрировать издание[38]. Однако, когда у Тихонравова возникла идея, кроме оговоренного договором шестого тома, завершающего десятое издание, выпустить еще и седьмой, Маркс первоначально воспротивился этому.

О дальнейшем развитии событий можно судить по сохранившейся переписке. Аргументируя свою позицию, Маркс писал, что не имеет «никакого существенного интереса» в завершении десятого издания и не может «принять на себя совершенно неожиданные хлопоты и рискованные издержки на издание двух томов (6— го и 7— го)» вместо обусловленного договором одного. К тому же, как выяснилось впоследствии, шестой том превысил предусмотренный объем и разросся до 50 печатных листов. Подвел Маркса и Думнов. На переговорах он обещал ему распространить три четверти тиража (тираж десятого издания составил 3 600 экз.) среди своих клиентов, покупавших ранее вышедшие тома, а затем категорически отказался от своих слов.

Свою миссию Маркс видел только в том, чтобы выпустить шестой том в таком составе, какой был обещан в редакторском «предуведомлении». В то же время он понимал, что имеет дело не с рядовым литератором, смотрящим на свою работу как на средство заработать на пропитание, а с одним из крупнейших ученых, с мнением которого нельзя было не считаться. Поэтому, не выдвигая никаких условий, он принял в конце концов его предложения: «Если Вы, как редактор,— писал он,— считаете необходимым издать весь собранный Вами материал, то я на это

согласен, но с тем, чтобы весь этот материал был издан в одном (6-ом) томе, но не в двух томах».

Для сокращения убытков он предлагал перенести печатание шестого тома в свою типографию, с тем чтобы корректуры держались в Москве, хотя это и требовало дополнительных расходов (но было удобно Тихонравову). Впрочем, верный своему слову, он не возражал против печатания шестого тома и в московской типографии «Лисснер и Роман», если редактор будет на этом настаивать. В дальнейшем он согласился на выпуск и седьмого тома, с тем чтобы все найденные ученым материалы увидели свет. За эти труды он предложил ему дополнительный гонорар в 1 тыс. руб.[39]

Из ответов Тихонравова (сохранились лишь черновики двух писем, написанных, судя по содержанию, в сентябре 1893 г.) можно заключить, что московская типография обещала напечатать шестой том к 1 декабря. Оригинал седьмого тома он обещал выслать до 12 октября (варианты и примечания Тихонравов готовил «только по сверстанной корректуре»). Неожиданную задержку в подготовке седьмого тома Тихонравов объяснял тем, что во время ремонта квартиры у него исчезли две тетради, а именно в них содержалась та самая редакция «Мертвых душ», которая должна была открывать седьмой том. Оригинал же рукописи хранился в Публичной библиотеке, и необходимо было высочайшее разрешение, чтобы получить и переправить ее в Москву[40].

Маркс планомерно реализовывал свою программу издания сочинений Гоголя, которая, с одной стороны, должна была компенсировать понесенные убытки, а с другой — широко распространить произведения писателя. Так, еще в сентябре 1893 г., когда на складе фирмы оставалось значительное число нераспроданных экземпляров одиннадцатого издания, он просил Тихонравова прислать предложения по двенадцатому изданию, чтобы загодя внести изменения в матрицы*.

Маркс согласился и с предложением редактора несколько повременить с выпуском шестого тома и пустить его в продажу одновременно с седьмым (при условии, что последний том будет печататься у него в типографии). В середине октября он было решил даже не приступать

*Двенадцатое издание Полного собрания сочинений Гоголя в пяти томах вышло под редакцией Н. С. Тихонравова (посмертно) в 1894 г. Стоило оно 6 руб., с пересылкой 7 р. 50 коп., а в «роскошных коленкоровых переплетах» — 8 руб. 50 коп., с пересылкой — 10 руб. 50 коп.

к его печатанию до тех пор, пока не будет подготовлен полностью весь корпус тома, однако от своего намерения вскоре отказался. 10 ноября он сообщал Тихонравову, что «часть оригинала 7-го тома 10 издания сочинений Гоголя сдана в типографию»[41]. Факт этот весьма примечателен, так как вносит коррективы в установившееся мнение, согласно которому Тихонравов подготовил лишь 20 первых листов шестого тома.

Скоропостижная смерть ученого 27 ноября 1893 г. прервала на некоторое время работу по подготовке десятого издания. Ее завершил по оставленному Тихонравовым плану Владимир Иванович Шенрок.

Шенрок был весьма высокого мнения о работе своего предшественника. По его словам, труды Тихонравова «по изданиям и истолкованиям сочинений Гоголя 〈...〉 в полном смысле составляют венец всей его высокоплодотворной научной и литературной деятельности»[42]. Как известно, за подготовку десятого издания сочинений Гоголя Тихонравов был избран ординарным академиком. Случай редкий, если не единственный, в практике Российской Академии наук.

Договор с Шенроком на завершение десятого издания сочинений Гоголя был подписан 3 января 1895 г., а на подготовку четырехтомного собрания писем писателя — 2 марта 1900 г., за что общим счетом Маркс заплатил ему 5 тыс. руб. В преддверии полувековой годовщины со дня смерти Гоголя, когда истекал срок авторских прав на его произведения, Маркс, намереваясь продолжить работу над гоголевскими изданиями, выплатил Шенроку сверх договора еще 900 рублей[43].

По фрагментам переписки Шенрока с Марксом можно заключить, что тот действительно проделал немалую работу по подготовке шестого и седьмого томов, вновь пересмотрев бывшие ранее в распоряжении Тихонравова рукописи Гоголя. Судя по письмам, он пользовался подготовленными материалами Тихонравова и корректурными листами седьмого тома[44]. В первозданном виде остались только первые 20 листов шестого тома, которые, выражаясь современным языком, еще успел подписать к печати первый редактор.

Первоначально Маркс рассматривал завершение десятого издания только как свое обязательство, вытекающее из договора с Думновым, и весьма неохотно пошел на затраты, не предусмотренные соглашением. Однако достойное завершение собрания сочинений Гоголя стало



рота веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина или утомленныя борьбою руки — появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣй и еще пошлѣе.

— Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги, — сказалъ онъ, — да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такіе негодные! — Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ, и на столъ, шарилъ вездѣ и, наконецъ, закричалъ: — Мавра, а Мавра! — На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошелъ такой разговоръ:

— Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?

— Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку.

— А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила.

— Да на что-жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку въ ней никакого; я грамотѣ не знаю.

— Врешь, ты снесла пономаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла.

— Да пономаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка!

— Вотъ погоди-ка: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! Вотъ посмотришь, какъ припекутъ.

— Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки?

Гоголь Н. В. Мертвые души. Страница книги.
Художник М. Далькевич

для него делом чести. Не исключено, что он искренне увлекся и самой идеей обнародования всего литературного наследия писателя. Как бы то ни было, но, встав на этот путь, он уже не жалел никаких средств. Так, узнав, что у сына сестры Гоголя В. Я. Головни хранится неопубликованная рукопись Гоголя «Церковь одна», за которую тот затребовал 1 000 руб. (сумму по тем временам немалую), Маркс немедленно запросил Шенрока, «насколько она представляет интерес», какова может быть ее стоимость и где «можно поместить статью эту — в 6 или 7 то-

ме». Но самым, пожалуй, ярким свидетельством его глубокой заинтересованности творчеством Гоголя является письмо Шенроку от 19 марта 1896 г.: «Вчера получил корректурный оттиск биографического очерка и прочитал его с большим удовольствием. При собранном Вами обширном материале для биографии Гоголя, конечно, очень трудно дать обстоятельный очерк на пространстве всего одного листа, но меня удивляет, что вы даже сократили этот небольшой размер (читатель не должен забывать, что до конца своих дней Маркс не владел в совершенстве русским языком.— *Е. Д.*), так как у Вас вышло всего около 12 страниц ⟨...⟩ Ваше желание быть возможно кратким особенно *заметно во второй половине очерка,* которая является вследствие этого как-то скомканной. Для Вашего интересного очерка я с удовольствием готов уделить печатный лист и даже немного больше и буду очень рад, если Вы теперь найдете возможным дополнить очерк в указанных пределах. Но я должен покорнейше просить Вас сделать это в *самом непродолжительном времени,* так как задержка в брошюровании первого тома очень стесняет типографию»[45].

Приведенное письмо свидетельствует об увлеченности Маркса делом, о которой писал в свое время Гнедич[46].

В 1902 г. исполнилось 50 лет со дня смерти Гоголя, и его произведения стали национальным достоянием. Интерес к его творчеству оказался столь велик, что в течение года вышло 1 136 100 экз. книг писателя, а общий тираж изданий Гоголя достиг 2 млн. экз. «Подобный тираж представляет у нас явление небывалое и много говорящее»,— писал обозреватель одного из библиографических журналов[47]. Значительная часть выпущенных книг приходилась на долю Маркса. Ему в конечном счете читатели были обязаны и успешным завершением предпринятого Тихонравовым грандиозного труда по установлению критического текста сочинений писателя и полного свода их вариантов, снабженного обширнейшим реальным и историко-литературным комментарием. Практически речь шла о своеобразной гоголевской энциклопедии.

Именно так и оценили десятое издание сочинений Гоголя современники. В многочисленных рецензиях отдавалось должное не только его редакторам, но и издателю. «Мы потому лишь не можем назвать это издание „академическим“, что в свет оно выпущено не академией, а г. Марксом,— писал рецензент «Русской мысли».—...В этом издании перед нами не только сочинения Н. В. Гоголя,

но возможно полная история его сочинительства»[48]. «Если исключить известное академическое издание сочинений Державина, то настоящее издание сочинений Гоголя является первым критическим и ученым изданием — таким изданием, какого не имеет до сих пор даже Пушкин»,— замечал рецензент другого журнала[49]. «По тщательности обработки материала — это истинно европейское издание, имеющее высокие ученые достоинства»,— отмечал рецензент третьего журнала. Отдавая должное его редакторам, он высказывал лишь одно существенное замечание: «Жаль только, что переписка Гоголя — очень обширная и важная — до сих пор не переиздана, и было бы огромной заслугой перед русской литературой, если бы г. Шенрок направил теперь свои усилия в эту сторону, т. е. в дополнительных к настоящему изданию томах отчасти бы перепечатал бы, отчасти в первый раз напечатал бы все имеющиеся документы о личной жизни Гоголя»[50]. На этот недостаток изданий Маркса указывал, по свидетельству Д. П. Маковицкого, и Л. Н. Толстой, ценивший у Гоголя больше всего письма[51]. Как известно, Маркс выпустил в начале века четырехтомное собрание писем Гоголя.

Только одна из всех появившихся на это издание рецензий, принадлежавшая перу А. Н. Пыпина, содержит серьезные упреки в адрес Шенрока, но, как выяснилось впоследствии, вызваны они были обстоятельствами, неизвестными рецензенту, и дефектами принадлежавшего ему тома[52].

Столь подробное изложение истории завершения десятого издания сочинений Гоголя вызвано лишь тем, что оно является наивысшим достижением дореволюционной текстологии. Говоря о нем, никак не следует забывать ни о копеечных народных изданиях отдельных произведений писателя, выпущенных Марксом, ни о семнадцатом издании сочинений Гоголя, вышедшем в 1901 г. В одном большом томе (текст печатался в два столбца) содержались все произведения Гоголя, за исключением тех, которые представляли интерес только для специалистов. План этого тома был по просьбе Маркса выработан А. Н. Майковым и Н. Н. Страховым, тексты печатались по редакции Тихонравова и Шенрока. Стоил том сравнительно дешево — 1 р. 50 коп.

Судя по числу изданий сочинений Гоголя, их издатель остался не в накладе, рискнув весьма значительной суммой в сделке с Думновым. Но в дни полувековой годовщины со дня смерти писателя Маркс с полным основанием

мог заявить, что он, как никто другой, постарался увековечить память Гоголя широким распространением его произведений.

Ф. М. Достоевский

Через пять недель после свершения сделки с Думновым, 15 апреля 1893 г., Маркс перекупил за 75 тыс. руб. у наследников Ф. М. Достоевского принадлежащие им авторские права с условием, что полное собрание сочинений покойного писателя может выйти только в виде приложения к «Ниве» и не позже ближайших трех лет[53]. Когда же оно вышло, а срок монопольного права Маркса на сочинения Достоевского кончился, вдова писателя передала ему на добрую память три письма писателя* и засвидетельствовала свою искреннюю признательность и уважение (впоследствии она, правда, несколько изменила свое мнение)[54].

Почему же Маркс пошел на, казалось бы, явно невыгодную для него сделку? Таковой ее, кстати, считала и А. Г. Достоевская. В подтверждение чего она даже приводила любопытный эпизод: «Пока мы пересчитывали пачки (денег.— *Е. Д.*), мы заметили, что Адольф Федорович, вошедший в контору таким оживленным и разговорчивым, мало-помалу затуманился и совсем перестал говорить. Весьма вероятно, что в минуту, когда он уплатил такую большую сумму, в его душе возникло сомнение, хорошо ли он придумал и будет ли для него выгодна только что совершенная сделка».

Сомнения Маркса имели основания, хотя он и располагал значительными средствами. Ко времени начала переговоров тираж «Нивы» превысил 100 тыс. экз. Но он приступил к ним, истратив перед этим значительную сумму. Правда, приобретая права на произведения Гоголя, Маркс на восемь лет становился их единоличным владельцем и комбинацией различных изданий мог рассчитывать на компенсацию затраченных средств. Тогда как в последнем случае речь шла об издании, выпустить которое он мог только в качестве приложения к журналу. Ведь никто не знал, как отнесутся читатели журнала к заманчивой (с точки зрения издателя) перспективе стать обла-

*Опубликованы в Литературных приложениях к «Ниве» (1898. № 4. С. 717), до этого два письма писателя были опубликованы в самом журнале (1891. № 4. С. 86).

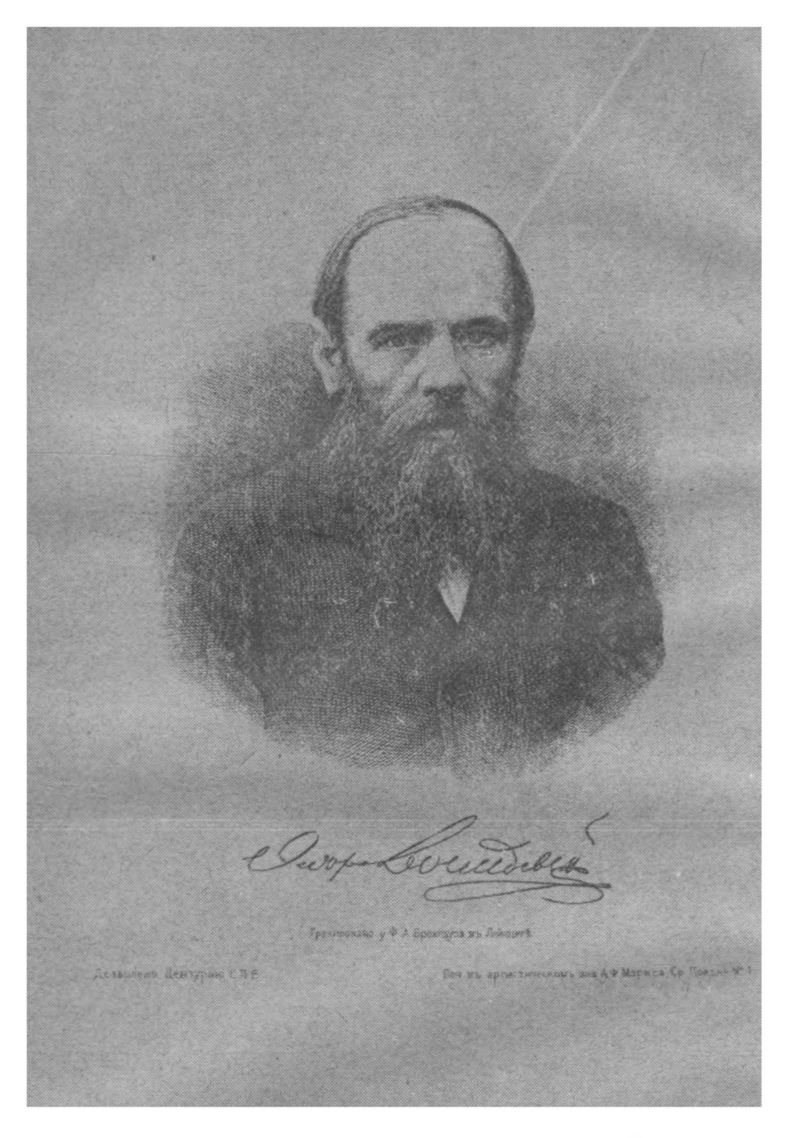
дателями собрания сочинений Достоевского (в успехе сочинений Гоголя ни у кого никаких сомнений не возникало).

Уговаривая вдову писателя согласиться с его предложением, он, между прочим, говорил и о том, что «в деле распространения идей Достоевского „Нива“ имеет большее преимущество перед ее изданиями не только в количестве подписчиков ⟨...⟩, но и в кругах читателей. „Ниву“ выписывает масса лиц со средними и малыми средствами ⟨...⟩ и этот обширный круг читателей навряд ли когда-нибудь подпишется» на дорогие издания (комплект собрания сочинений Достоевского, выпущенный его вдовой, стоил от 10 до 12 руб.).

Вспоминая впоследствии историю сделки, А. Г. Достоевская свидетельствовала, что сумму назвала она сама, посчитав, правда, чрезмерной. Однако, к ее удивлению, Маркс немедленно согласился. «Его твердый ответ пришелся мне по душе: в нем виден был деловой человек, который все рассчитал, взвесил все шансы и делает лишь то, что считает для себя выгодным». Она же пишет о всеобщем удивлении, которое вызвал этот контракт. По ее словам, все, с кем ей приходилось сталкиваться, говорили одно и то же: «Вы-то не прогадали, а вот как „бедный“ Маркс-то вывернется? Вам хорошо, Вы деньги получили, а ведь он может совсем прогореть на этой покупке! Посудите сами: какое же количество подписчиков на „Ниву“ он должен иметь, чтоб и Вам заплатить и себе получить прибыль? Нет, ошибся человек! Впрочем, на всякого дельца бывает „проруха“!»[55].

Как показало время, ошибся не издатель, а те, кто не верил в его деловую хватку и не видел перспектив отечественного книгоиздания. Маркс не прогадал и в этом случае. Сочинения Ф. М. Достоевского дали «Ниве» дополнительно 50 тыс. подписчиков, другими словами 250 тыс. руб., и, главное, привлекли общественное внимание к задуманному предприятию.

Два момента чрезвычайно интересны в этом договоре: Маркс оставил за собой право дополнительно к тиражу «Нивы» напечатать не только обычные 200 комплектов сочинений Достоевского, но и еще 3 тыс. для приложения к печатающимся сверх подписки годовым комплектам журнала (в 1894 и 1895 гг.). Зато он разрешал вдове писателя издать в течение 1893—1895 гг. «Записки из Мертвого дома» (3 тыс. экз.), «Избранные сочинения», куда входили: «Бедные люди», «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей» и «Столетняя» (10 тыс. экз.),



Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений.
Том первый. Фронтиспис и титульный лист

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Ѳ. М. Достоевскаго.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ
о
Ѳ. М. ДОСТОЕВСКОМЪ,
составленнымъ В. В. Розановымъ,
и
съ портретомъ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,
гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

Безплатное приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1894.

сборник «Русским детям» (3 тыс. экз.), а также свободно распродавать остатки (примерно 3 тыс. экз.) предшествующих изданий сочинений писателя по цене 12 руб. за комплект. Благополучию Маркса эти издания явно не угрожали. Однако одного обстоятельства он все же не учел. Наряду с прочими подписчиками «Ниву» выписывали владельцы трактиров, парикмахерских, мастерских и других подобных заведений, с тем чтобы занять досуг своих клиентов. Став обладателями бесплатных собраний сочинений Достоевского, они поспешили сбыть их за бесценок букинистам, что, естественно, лишило Достоевскую надежды на возможность скорого выпуска очередного издания собрания сочинений ее покойного мужа, а главное, вынудило значительно его удешевить. Очередное собрание сочинений Достоевского выпущено было только в 1904—1906 гг. В отличие от предшествующих изданий в него была включена одна из трех ранее не печатавшихся глав романа «Бесы». Сделано это было, вероятно, не столько из-за желания превзойти издание своего предшественника, сколько по политическим мотивам. Но и Маркс не учел последствий скупки своего издания букинистами, из-за чего примерно треть отпечатанных дополнительно к тиражу журнала комплектов сочинений Достоевского не была распродана в оговоренные договором сроки и по настоянию Достоевской, нежелавшей конкуренции, попала в виде макулатуры на бумажную фабрику.

Подробно описывая историю переговоров с Марксом, Достоевская ничего не сообщает о причинах, по которым в «нивских» сочинениях не был перепечатан первый том посмертного издания (1883) сочинений Достоевского, включавший письма писателя, заметки из его записной книжки и биографические статьи, написанные О. Миллером и Н. Страховым. Не исключено, что сделано это было не по ее настоянию, а по инициативе Маркса, поскольку он мог предположить, что для широкого читателя этот материал не представит интереса.

В свершившейся сделке Маркса беспокоила лишь реакция конкурентов. Мысль о возможности раскрытия замысла приводила его в трепет. Больше всего он, по словам Достоевской, боялся того, что все станет известно издателю «Всемирной иллюстрации» и тот пустит приложением к своему журналу подобное издание. Поэтому переговоры проходили в обстановке глубочайшей секретности, о чем можно судить по сохранившемуся письму

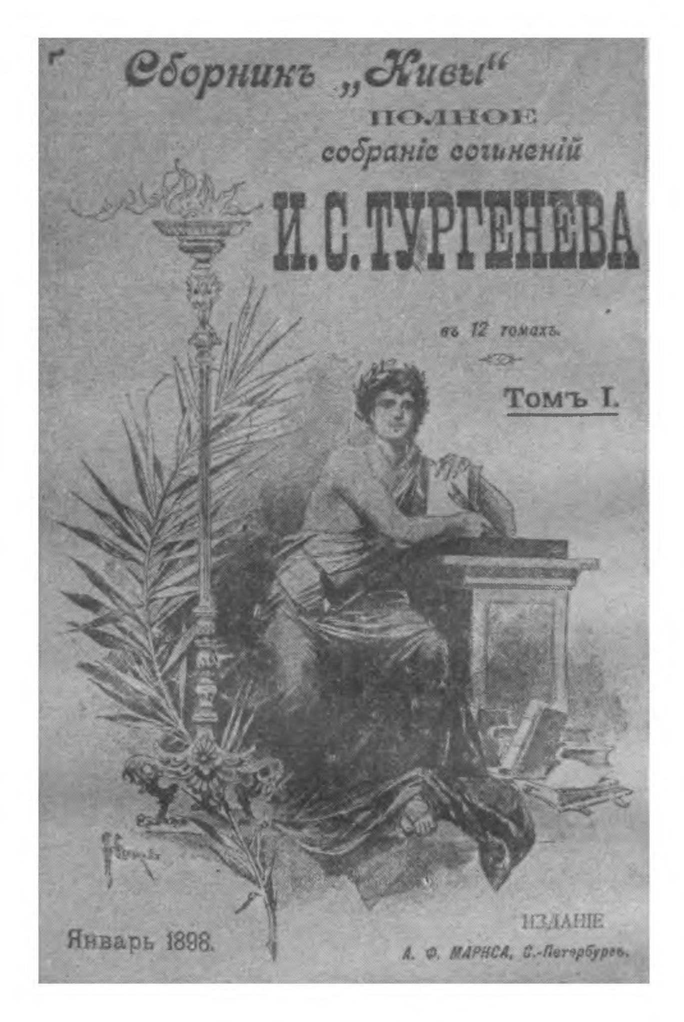
Маркса В. В. Розанову, которого, по всей вероятности, Достоевская рекомендовала издателю в качестве автора предисловия. 28 июля 1893 г. Маркс писал ему: «Прошу Вас только в редакции просить прямо меня, не сообщая решительно никому, по какому делу Вы пожаловали, так так оно пока составляет секрет»[56]. А 1 сентября сообщал Достоевской: «От Розанова я уже получил биографию, за составление которой я уплатил ему 200 рублей»[57].

И. С. Тургенев

Выпущенные приложениями к «Ниве» собрания сочинений классиков становились общедоступными в прямом значении этого слова. Но бесспорно и другое: благодаря этим изданиям Маркс сумел развить свое дело и удачливо соперничать с конкурентами. «К 1 января подписка на „Вокруг света" упала до половины благодаря тому, что „Нива" дает приложением Тургенева»,— жаловался в письме к Чехову Сытин[58].

Не преувеличивал ли он? Да и были ли столь популярны «нивские» приложения? Один из современников, словам которого можно полностью доверять, писал 8 марта 1898 г. в далеком сибирском селе Шушенском: «Я даже думал такую вещь сделать: выписать себе „Ниву". Для ребят Проминского это было бы очень весело (картинки еженедельно), а для меня — полное собрание сочинений Тургенева, обещанное „Нивой" в премию, в 12 томах. И все сие за семь рублей с пересылкой! Соблазнительно очень. Если только Тургенев будет издан сносно (т. е. без извращений, пропусков, грубых опечаток), тогда вполне стоит выписать»[59]. Дальнейший текст письма убеждает, что В. И. Ленин (а автором этого письма был именно он) еще не видел ни одного из «нивских» собраний сочинений, но, будучи хорошо знаком с аналогичными изданиями, высказывал сомнение в их достоинствах. Да и как не усомниться? Фантастически высокий тираж и фантастически низкая цена. Если за многие годы, предшествующие «нивскому» приложению, полное собрание сочинений Тургенева разошлось в количестве всего 27 тыс. экз., то Марксом они были выпущены тиражом чуть ли не в 200 тыс. экз.!

У каждого поколения читателей своя иерархия любимых писателей, но в 90-е годы прошлого века после произведений Л. Н. Толстого наибольший общественный ин-



Тургенев И. С. Полное собрание сочинений. Том первый. Титульный лист

терес вызывали сочинения недавно умерших И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, а из здравствующих — А. П. Чехова. Их-то сочинения Маркс и решил последовательно выпустить в качестве приложений к «Ниве». Однако осуществить это намерение оказалось не так-то просто. Первый из названных писателей был связан договором сначала с Ф. И. Салае-

вым, затем с И. И. Глазуновым, получившим право монопольного издания его сочинений. Адольфу Федоровичу оставалось лишь уповать, что рано или поздно настанет день, когда Тургеневу будет не зазорно печататься в «Ниве».

В начале 80-х годов, когда «Нива» достигла небывалого еще в истории русской журналистики тиража в 70 тыс. экз., Маркс через Григоровича предложил Тургеневу опубликовать в журнале любое из его произведений. В ответном письме писатель благодарил Григоровича «за доставление великолепного предложения г-на Маркса»[60]. Осенью 1882 г. он вновь подтвердил свое намерение предоставить журналу новую повесть, о чем Маркс тут же поспешил сообщить своим подписчикам[61]. На этом, правда, дело и остановилось. Тяжкая болезнь помешала Тургеневу выполнить свое обещание. Чувствуя неловкость, он в повторном письме к Григоровичу не преминул заметить, что «был бы рад сдержать слово Марксу — и сдержу его, как только болезнь не помешает»[62]. Но шло время, а болезнь прогрессировала; все меньше и меньше надежд оставалось на ее благополучный исход. И тогда Маркс сделал шаг, последствия которого долго и разноречиво обсуждались в литературных кругах: он решил навестить Тургенева и просить разрешения напечатать несколько неопубликованных его произведений (об их существовании он узнал от близкого Тургеневу человека, поэта Я. П. Полонского). Впоследствии тот уверял, что хотел лишь уберечь Тургенева от домогательств ретивого издателя, обещая тому в случае смерти писателя передать эти произведения для публикации в «Ниве» (речь шла в основном о «Стихотворениях в прозе»). Попали они в руки Полонского без ведома автора. Во время совместного пребывания в Спасском-Лутовинове Иван Сергеевич передал жене Полонского ключи от кабинета и разрешил пользоваться библиотекой и ознакомиться с архивом (но отнюдь не распоряжаться им). Когда впоследствии жена поэта, весьма вольно истолковав это разрешение, изъяла часть переписки, управляющий имением тут же сообщил об этом Тургеневу. Но в тот момент писатель поспешил погасить искорку возможного конфликта, сообщив, что «письма нашлись, ему их вернули обратно»[63]. Поэтому невольная попытка напомнить ему о произведениях, о которых заведомо никто не должен был знать, не могла окончиться удачей.

Отправившись в июле 1883 г. за границу, Адольф Федорович «нарочно поехал в Париж, чтобы лично иметь случай видеть Ивана Сергеевича и от него самого узнать окончательно о положении его здоровья и его намерениях»[64].

История их свидания довольно подробно изложена издателем «Нивы» еще при жизни Тургенева. Со свойственной Марксу педантичностью он описывает дом, обстановку, комнату, в которой лежал больной писатель, весьма подробно воспроизводит их краткий разговор (возможно, тут же записанный) и столь же скрупулезно передает свои впечатления о встрече: «...Я передал поклоны от Д. В. Григоровича и Я. П. Полонского. Когда я спросил у него, нет ли между его старыми рукописями чего-либо еще не напечатанного, например стихов в прозе или чего-нибудь подобного, начатой повести, он ответил: стихи в прозе, которые еще есть у него, писаны все к разным лицам или о разных личностях, и теперь он их ни в коем случае не решится публиковать, и долгие, долгие годы нельзя вовсе об этом и думать; лучше он позволит себе живому отрубить руку, чем допустит опубликование этих вещей теперь же». Так же отрицательно писатель отнесся и к предложению напечатать несколько его писем. «Более ничего нельзя было сделать. Он был так расстроен, как только может быть тяжело больной, и так слаб, что я поторопился окончить разговор. Он не скрыл от меня, что долгий разговор всегда волнует его»[65]. По просьбе Маркса Тургенев отправил ему еще одно письмо, в котором подтвердил свое прежнее обещание.

По всей видимости, их разговор происходил не с глазу на глаз, а в присутствии П. Виардо и шел на французском языке, равно доступном всем собеседникам (кстати, одну идиому Тургенева Маркс так и не перевел с французского, не найдя ее русского эквивалента). Во всяком случае, если и не одновременно с Тургеневым, он все же беседовал с П. Виардо, поскольку ссылается на нее, когда говорит о некотором улучшении самочувствия писателя. («Г-жа Виардо — почтенная, пожилая дама. Она очень заботится об Иване Сергеевиче...») В отличие от Тургенева, ее вряд ли мог взволновать приезд какого-то издателя, но неожиданно для себя она узнала, что часть архива писателя находится в России. Более того, в чужих руках. Возможно, это обстоятельство и определило резкость тона отправленного на следующий день письма Полонскому[66]. Написанное рукою Виардо, оно лишь датировано и под-

писано Тургеневым (отсюда искажение при упоминании фамилии Маркса. П. Виардо называла его «Сакс»). Полное упреков в бестактном разглашении интимных сведений, письмо повлекло за собой разрыв многолетней дружбы двух писателей.

Конкуренты Маркса попытались в своекорыстных целях использовать возникшее недоразумение, да и в обществе оно вызвало различные толкования[67], по всей видимости небезразличные для издателя «Нивы», иначе он вряд ли бы выступил со своими воспоминаниями.

Со временем острота конфликта стерлась. Полонский, несмотря на свои слова ни за какие деньги не печатать в «Ниве» воспоминаний о Тургеневе, вскоре опубликовал их на ее страницах[68]. Там же появился последний рассказ Тургенева «Конец», и издатель журнала выполнил данное подписчикам обещание*. Однако в тот момент он, конечно, не мог и мечтать о выпуске полного собрания сочинений писателя. Лишь через десятилетие его положение столь укрепилось, что он оказался в состоянии откупить у И. И. Глазунова право на одно издание сочинений Тургенева в качестве бесплатного приложения к своему журналу**. Правда, с условием, что они могут быть выпущены «исключительно... в течение 1898 подписного года и отдельно от журнала продаваться не будут»[69].

В уже упоминавшемся проспекте собрания сочинений И. С. Тургенева Маркс так объяснял свой выбор: «Тургенев — слава и гордость русской литературы. Родное слово он обогатил произведениями, которые по художественному своему значению упрочили за ним место среди наших классических писателей и создали ему европейское имя; русский народ называет его одним из вдохновеннейших и стойких борцов своего освобождения от крепостного права; русская женщина признает его лучшим истолкователем возвышенных своих стремлений; наконец, русское

---

*Рассказ «Конец» был продиктован писателем на французском, немецком и итальянском языках. В марте 1885 г. Виардо прочитала этот рассказ в своем изложении на французском языке П. В. Анненкову и В. И. Гаевскому, которые предложили ей опубликовать его по-русски, мотивируя это тем, что «последняя творческая мысль Тургенева принадлежит России». Перевод был выполнен Д. В. Григоровичем. По желанию Виардо, рассказ появился почти одновременно на обоих языках во Франции и России (Гессен С. Полина Виардо и посмертный рассказ Тургенева //Печать и революция, 1928, № 7. С. 60—74).

**Глазунов приобрел право литературной собственности на сочинения Тургенева в 1883 г. и в следующем году выпустил их тиражом в 6000 экз. (Кн. вестник, 1884, № 3/4. С. 117).

общество видит в нем писателя, который дал самое полное и верное выражение тому, чем оно живет, к чему стремится, что его волнует, заботит...»

Предпринимая новое собрание сочинений писателя, Маркс волей-неволей должен был подумать о том, чтобы оно не одной ценой отличалось от последнего (посмертного) его полного собрания сочинений в 10 томах. Текст авторизованного издания вновь проверять по рукописям, естественно, не было никакого смысла. Оставалось лишь выпустить дополненное издание. Такая возможность имелась. Дело в том, что Глазунов купил фактически лишь право литературной собственности на прозаические произведения Тургенева, а обладателем его поэтических произведений оказался Иннокентий Михайлович Сибиряков, к которому они попали следующим образом.

Незадолго до смерти писателя, 23 апреля 1883 г., его поверенный и близкий приятель А. В. Топоров продал за 50 руб. серебром племяннице своей жены учительнице Гдовского женского училища Евдокии Ивановне Кузьминой «право собственности на печатание и издание в свет всех стихотворений, написанных Иваном Сергеевичем Тургеневым, как ныне уже напечатанных, так равно и тех, которые еще могут быть напечатаны в разных журналах и сборниках»[70].

В тот же день Кузьмина, которая была опекуншей воспитанницы Тургенева Любы Ивановой, составила завещание в ее пользу[71]. В нем она писала, что право на издание и продажу стихотворений Тургенева «предоставляет в полную собственность» «малолетней Любови Федоровне Ивановой», а до ее совершеннолетия — воспитателю ее Александру Васильевичу Топорову. Таким несколько необычным способом была оформлена фактически «дарственная» Тургенева.

«Написанное еще при жизни Тургенева и, быть может, нет без его ведома завещание Е. И. Кузьминой,— отмечает комментатор первого тома академического издания полного собрания сочинений И. С. Тургенева,— является свидетельством того, что писатель отнюдь не собирался препятствовать выходу в свет отдельного издания своих стихотворений и поэм»[72]. Он же пишет, что в январе 1895 г. была сделана попытка заключить договор с издателем И. И. Глазуновым на выпуск сборника в свет (сохранился черновик, написанный рукой Топорова). Причем одним из его пунктов Кузьмина поручала «все расчеты по сему изданию... производить окончательно и рассчиты-

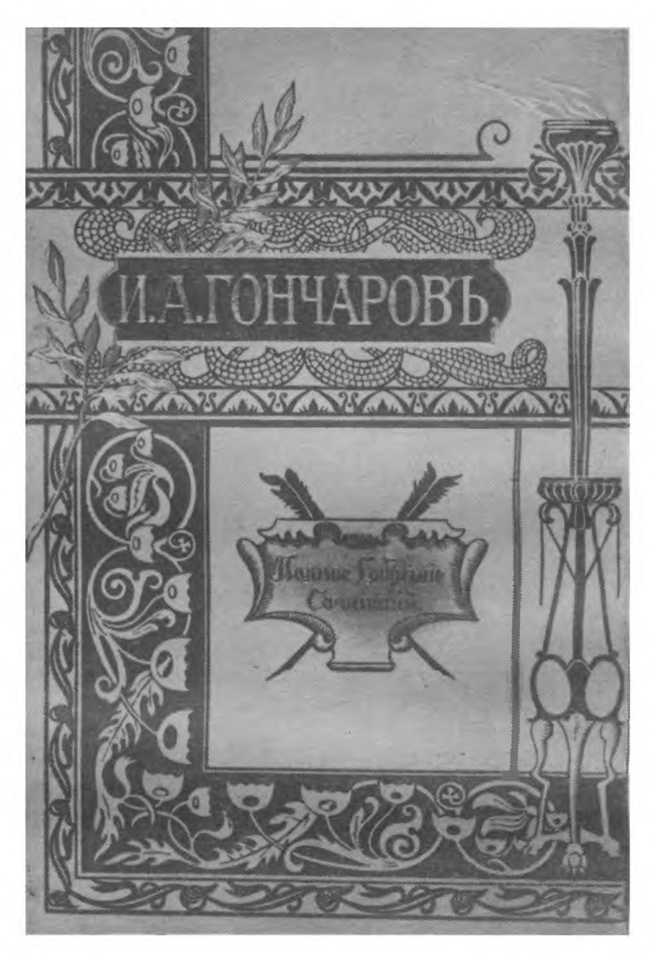
ваться, где следует, Александру Васильевичу Топорову». Издав сборник стихотворений, Кузьмина, через того же Топорова, переуступила свое право за 7 000 руб. Сибирякову. Последний, в свою очередь, выпустив в 1891 г. второе издание «Стихотворений», продал его 30 октября 1895 г. Марксу за 3 000 руб.[73] Таким образом, издание Маркса пополнилось поэмами «Андрей» и «Параша» (в свое время о ней восторженно отзывался В. Г. Белинский), стихотворением «Разговор», переводами из Байрона и Гете, эпиграммами, «Стихотворениями в прозе», оригиналы которых хранились у их первого издателя М. М. Стасюлевича[74].

Сочинения Тургенева были отпечатаны на белой глазированной бумаге, более четко, чем предшествующие издания, и стоили в Петербурге без доставки 5 руб. 50 коп., а в других городах (с доставкой) 7 руб., в то время как за глазуновское надо было уплатить в два раза дороже — 15 руб. К тому же в придачу к сочинениям, изданным Марксом, полагалось пятьдесят два номера «Нивы», моды, выкройки и подобные приложения. Сытину и другим издателям было над чем задуматься.

И. А. Гончаров

Вслед за собранием сочинений Тургенева в 1899 г. приложением к «Ниве» вышло «Полное собрание сочинений» И. А. Гончарова. Издано оно было небывало большим тиражом в 234 тыс. экз.[75] Желая расширить корпус произведений, включенных в издание сочинений покойного писателя, Маркс перекупил за 2 750 руб. у Е. К. Линденбаум (урожд. Трейгут) дарованное ей Гончаровым право на его произведения «Уха», «Май месяц в Петербурге» и «Превратности судьбы»[76]. Кроме них он включил еще рассказ «Нарушение воли». Однако и это собрание сочинений оказалось не «полным», так как в него не были включены некоторые критические и публицистические произведения писателя (некролог «Майков», отзыв о «Грозе» А. Н. Островского, письмо по поводу Пушкинского праздника, записки о «Московских ведомостях», очерк «По Восточной Сибири» и другие произведения, опубликованные в наши дни).

Изданные в качестве приложений к «Ниве» собрания сочинений обычно сопровождались подробным биографическим очерком автора. На сей раз первому тому была



Гончаров И. А. Полное собрание сочинений. Переплет

предпослана биография Гончарова, написанная С. А. Венгеровым.

Впоследствии отмечалось, что в выпущенном Марксом собрании сочинений Гончарова были нарушены хронология и порядок расположения материала сравнительно с двумя предшествующими прижизненными изданиями. Замечание справедливое, но не учитывающее специфики многотомных приложений, издаваемых равнообъемными выпусками. Чисто технические причины заставили Марк-

са пренебречь общепринятыми правилами расположения произведений в последовательности их написания и придерживаться лишь заданных объемов. Но зато приложения вместе с журналом стоили более чем в два раза дешевле глазуновского издания сочинений Гончарова 1896 г. (13 руб. 50 коп.), положенного в их основу.

Гончарова можно с полным основанием отнести к числу сотрудников «Нивы», хотя при жизни писателя на страницах журнала появилось только одно его произведение — цикл «Слуги старого века» (1888, № 1—3, 18). Эта публикация вызвала много толков в литературных кругах. Задолго до ее появления на свет, 28 сентября 1885 г., председатель Литературного фонда Виктор Павлович Гаевский записал в «Дневнике»: «Встретил Плещеева, который сообщил мне, что Гончаров написал повесть и продал ее в „Ниву" по 1000 р. за лист. Всего за 6000 р. Такой платы до сих пор не было. В 1884 г. я привез из Парижа маленький рассказ Тургенева, записанный по его диктовке m-me Viardo по-французски. Я спросил и получил 1000 р., хотя рассказ не превышал полулиста; но это было уже по смерти, а Гончаров жив и за такую цену напишет еше сколько угодно повестей»[77].

Пересуды были вызваны не только невиданным гонораром, но и направленностью произведения, предопределившей реакцию демократических кругов. По словам Л. Ф. Пантелеева, Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине» прямо противопоставлял свое отношение к теме гончаровскому: «Вот я ему покажу настоящих слуг прошлого времени»[78].

Не исключено, что для журнала предназначался и написанный в июле 1891 г. рассказ Гончарова «Май месяц в Петербурге», появившийся уже после смерти писателя в сборнике «Нива» (1892, № 2). Комментатор одного из советских собраний сочинений Гончарова К. Н. Полонская, сличавшая беловую рукопись с печатным текстом, справедливо полагает, что имеющиеся в нем купюры вызваны конъюнктурными соображениями и сделаны редактором журнала Клюшниковым, не потерпевшим насмешки ни «над законопослушным и благонравным в своем шовинизме» героем рассказа, ни над его «глубокомысленными рассуждениями в духе „Нового времени" о различных религиях»[79].

Может быть, не стоило касаться подобных частностей на страницах книги, не рассматривающей специально проблем текстологии, если бы не одно сомнительное

свидетельство. В 1926 г. в Госиздате вышли воспоминания Иеронима Ясинского «Роман моей жизни». Желая как-то реабилитироваться перед потомством, Ясинский попытался представить себя в воспоминаниях борцом за честь русской литературы. Именно в этой связи он упоминал и об отношениях Маркса и Гончарова. По его словам, незадолго до смерти Гончарова он встретился с ним в приемной издателя «Нивы». Вышедший из своего кабинета Маркс прямо в приемной на ломаном русском языке завел с Гончаровым разговор о его рассказах, которые ему очень понравились, но он «буль ошень и, наконец, очень удивлялся, когда 〈...〉 встрешал не совсем по русски выражения, которые я указываль моему редактору, штоб исправлял».

Каким образом Ясинский сохранил в памяти спустя три с половиной десятка лет после описываемых событий эту довольно сложную тираду, сказать трудно. Она так же сомнительна, как и приведенная мемуаристом записка, якобы оставленная навестившим его перед этим издателем: «Буль у Вас. Сам Маркс». Важен в конце концов не стиль, а смысл этого глумливо переданного разговора и вырисовывавшийся из передачи мемуариста портрет идиотически самодовольного автора записки.

Снисходительно пожав руку великому писателю, Маркс — по словам Ясинского — попросил Гончарова пройти в контору и получить гонорар. «Горячая краска залила мне лицо,— пишет далее Ясинский.— Вот оно засилье мещанства! Вот унижение литературы! Я наговорил дерзостей Марксу, перешел на ты, впал в дурной тон, обругал его неграмотной немчурой 〈...〉 Я надолго порвал с „Нивой". Редактор Клюшников выскочил за мной на лестницу и благодарил за урок, данный мною издателю»[80].

Как можно охарактеризовать подобное свидетельство? Лишний раз сослаться на сомнительную репутацию мемуариста и давно установленный факт недостоверности его воспоминаний? Но где гарантия того, что и в данном случае он погрешил против истины? Волей-неволей приходится возвращаться к упомянутому эпизоду, с тем чтобы доказать, насколько он не основателен. Маркс как хорошо воспитанный человек (об этом свидетельствуют все его знавшие) не мог завести столь неприятный для Гончарова разговор в приемной, в присутствии посторонних, даже не пригласив в кабинет. Подобное могло случиться только в случае, если бы он захотел подчеркнуть свое неуважение к писателю (впрочем, воспитанный человек

и этого бы никогда не сделал), но в подобном намерении его не обвиняет даже Ясинский.

Маркс, действительно, до конца жизни плохо говорил по-русски (но не в такой степени, как это приписывает ему мемуарист). И вряд ли бы решился советовать писателю внести какие-то исправления, касающиеся стиля его рассказа (судя по датировке событий мемуаристом, речь в данном случае может идти только об одном произведении Гончарова — рассказе «Май месяц в Петербурге»). Как теперь известно читателю, купюры в тексте его публикации носят откровенно конъюнктурный характер и принадлежат не Марксу, а Клюшникову. Следовательно, и обвинение Ясинского не выдерживает критики.

Все сомнительно и в повествовании Ясинского, даже его утверждение, что он после случившегося «надолго порвал с „Нивою“». Ведь если принять на веру это утверждение, то как же тогда объяснить факт публикации в журнале в 1893 г. новой повести и стихотворений мемуариста? Но самое главное, рассказанный эпизод никак не вяжется с тем впечатлением, которое остается после чтения писем Гончарова к Марксу. Писем, увы, неизвестных не только мемуаристу, но и читателям этой книги, так как они публиковались лишь однажды. Четыре из них написаны на французском языке (поэтому мы ограничимся только цитатами из них), а одно — от 8 декабря 1887 г.— на русском. Последнее письмо следует привести целиком, поскольку оно как нельзя лучше свидетельствует о том пиетете, с каким относился к Гончарову Маркс.

«И. А. Гончаров кланяется усердно многоуважаемому Адольфу Федоровичу и покорнейше просит, если еще не поздно — дать в типографию исправить прилагаемый при сем 1-й лист последней, 4-й корректуры и по исправлении окончательно печатать, а ему прислать, по возможности поскорее, чистый исправленный оттиск этой 1-й формы.

Готовый к услугам
И. Гончаров.

P. S. Он просит также не забыть доставить к нему проект его биографии — по обещанию, когда будет готова».

В этом письме следует обратить внимание на два момента. Первый: вопреки обычной издательской практике печатать текст, самое большее, с двумя корректурами, для Гончарова делалось исключение. Второй: предваряя публикацию цикла Гончарова, издатель намеревался поместить в том же номере журнала биографию писателя и его портрет, что делалось только в исключительных случаях. Причем посчитал необходимым предварительно

послать писателю их для ознакомления. Честь бесспорная и заслуженная, но не об этом сейчас разговор.

Из последующих писем можно почерпнуть другие весьма важные сведения: биография Гончарова очень понравилась не только издателю, но и самому писателю. «Биография прекрасна,— писал Гончаров.— Там ни слова не надо менять ⟨...⟩ Я очень благодарю Виктора Петровича (Клюшникова.— *Е. Д.*), который так удачно сделал примечания к биографии, а вы мне их вовремя послали... Ничего не надо менять, ни одной запятой». Писателю понравился и портрет, помещенный в том же номере журнала (1888, № 1), что, впрочем, не исключало его иронической оценки некоторых изданий Маркса. Так, благодаря издателя за подаренную ему картину, обычно посылаемую подписчикам журнала в качестве приложения, он не преминул заметить: «Благодарю Вас за посылку картины, очень хороша рамка»[81].

В целом же цитированные письма — лучшее свидетельство добрых отношений, существовавших между Гончаровым и Марксом.

М. Е. Салтыков-Щедрин

М. Е. Салтыков-Щедрин при жизни не продал принадлежавших ему прав литературной собственности, хотя и собирался это сделать. В 1879 г. он писал М. М. Стасюлевичу: «Сегодня ко мне приезжал доверенный фирмы Салаевых и предлагал купить меня навсегда, всего и со всем, что будет написано впредь (до сих пор около 420 листов формата «Вестника Европы»). Я назначил цену крови 60 тыс. руб. без рассрочки»[82]. Издатель предложил 50 тыс., из которых лишь 20 тыс. наличными, и автор, прекратив переговоры, сам предпринял издание своего полного собрания сочинений (вернее, художественных произведений) сравнительно большим тиражом в 6 500 экз. Писателю суждено было увидеть только первый том, остальные вышли после его смерти. Успех издания дал возможность наследникам дважды его повторить.

Перекупая у вдовы писателя в апреле 1898 г. право издания сочинений Салтыкова-Щедрина, Маркс не собирался сразу же выпустить их в свет. Вероятно, это обусловливалось тем, что вдова писателя намеревалась их издать в очередной раз. Во всяком случае, в договоре имелся специальный пункт, закреплявший за Марксом

права и на те произведения, которые, возможно, «будут выпущены в свет Еленой Аполлоновной Салтыковой или ее наследниками, или о напечатании которых будет ими опубликовано»[83]. Права уступались Марксу на пять лет (на период 1902—1906 гг.) за 55 тыс. руб. при оговорке, что сочинения могут быть изданы только приложением к «Ниве».

По всей вероятности, договор этот имел какое-то дополнение, так как четвертое издание было выпущено Марксом в 1900—1901 гг. в 12 томах по 1 руб. 50 коп. за том, а приложением к «Ниве» оно вышло уже после смерти издателя, в 1905—1906 гг. Последнее издание было дополнено пьесой «Смерть Пазухина» и несколькими сказками, ранее запрещенными цензурой. Однако и его нельзя назвать полным, так как в него не была включена публицистика и письма писателя. Тем не менее оно впервые сделало произведения Салтыкова-Щедрина доступными широким читательским кругам, так как вышло тиражом в 275 тыс. экз.[84]

Н. С. Лесков

Николай Семенович Лесков был давним автором «Нивы», но публиковался в ней не часто. В 1874 г. в журнале был напечатан его рассказ «Павлин», в следующем году — рассказ «Блуждающие огоньки». Затем последовал более чем длительный перерыв. Только в 1892 г. имя писателя вновь появляется на страницах журнала. Но разговор о возобновлении сотрудничества, как позволяют судить об этом сохранившиеся письма, возник в конце 80-х годов.

Первое из известных писем Лескова к Марксу датировано 25 сентября 1890 г. Речь шла о переуступке «Ниве» повести «Оскорбленная Нетэта», обещанной ранее «Русскому обозрению». Поскольку окончательного ответа из Москвы писатель все еще не получил, он предлагал вместо нее анонсировать на следующий год в «Ниве» «Эпизодические отрывки из литературных воспоминаний Н. С. Лескова (за XXX лет)», объемом в 15—20 листов. Подразумевалось, что в журнале ежегодно будут публиковаться разделы воспоминаний в 5—7 листов, представляющие «каждый раз нечто цельное». Писатель был уверен, что его мемуары «послужат изданию лучшую службу». Впрочем, наряду с этим он был готов уступить Марксу и просимую

повесть, если от нее откажется издатель «Русского обозрения».

По-видимому, Маркс, опасаясь резкости суждений и оценок, которые в силу характера Лескова могли содержаться в его воспоминаниях, воздержался от этого предложения.

Во всяком случае, он настаивал на прежней просьбе. «Не желаю связывать никакими обязательствами ни себя, ни Вас,— отвечая ему в конце февраля следующего года, писал Лесков.— Будет готова работа,— тогда будет и разговор о ней», хотя еще в начале месяца договорился с Марксом не только о ее публикации, но и о кандидатуре художника и числе иллюстраций[85]. Поэтому вместо «Нетэты», над которой продолжал работать, он передал Марксу два рассказа: «Юдоль» и «О „квакериях"» (сб. «Нивы», 1892, № 6 и 10) — и статью «Об иллюстрациях к «Мертвым душам» («Нива», 1892, № 8).

О дальнейших перипетиях их взаимоотношений можно судить по сохранившимся письмам Лескова, до настоящего времени, как нам известно, нигде не публиковавшимся[86].

27 февр. 91 г. Спб.

Достоуважаемый Адольф Федорович!

В продолжении всех переговоров, которые Вы вели со мною о литературной работе для Вашего издания, вы касались всего, что может относиться к делу, кроме вопроса о цене моей работы,— и это представляет значительное неудобство для меня и для Вас. Чтобы не оставлять ничего не договоренным — это надо кончить. А всего лучше — мне кажется — оставить вопрос открытым: когда я напишу пиесу, тогда и будем говорить о ней. По крайней мере, я желаю оставить это дело в таком положеньи и не желаю связывать никакими обязательствами ни себя, ни Вас. Будет готова работа — тогда будет и разговор о ней.

Ваш покорный слуга Н. Лесков.

Достоуважаемый Адольф Федорович!

Вы меня ужасно сконфузили! Зачем Вы прислали мне в дар такую ценную книгу, как «Лес» Арнольда? Я и не думал, что это — Ваше издание... Я думал, что книга только у Вас печатается и что в типографии есть свой экземпляр, который мне довольно было просмотреть в тех частях, кот[орые] меня интересуют... Но теперь мне ничего не остается, как укорять себя за свою неосмотрительность, а Вас искренне благодарить за Ваш милый подарок.

Е. М. Бем рисует удивительно хорошо.

Ваш покорнейший слуга Н. Лесков.

18.III.91.
Спб.

Достоуважаемый Адольф Федорович!

На почтенное письмо Ваше могу отвечать только извинениями. Я все лето проболел и теперь чувствую себя хуже, чем было весною.

Ничего я не работал и не могу думать о работах. Если мне будет лучше и я буду в состоянии взяться за дело, то я тогда постараюсь исполнить Вам мое обещание; а если здоровье мое будет находиться в нынешнем положении, то Вы меня извините и на меня не рассчитывайте. Римская пословица говорит: «И боги мирятся с невозможностию». Кроме же того,— откровенно скажу Вам — этюд, о кот[ором] мы говорили, представляет столько трудностей в его исполнении, что я даже сомневаюсь, сумею ли я что-нибудь из него сделать.

Готовый к Вашим услугам
Н. Лесков.

5 сент. 91
Спб., Фуршт.⟨адская⟩, 50.

Последующие письма от 29 сентября и 29 декабря 1891 г. опубликованы. В первом из них писатель благодарил Маркса за «роскошный экземпляр сочинений Лермонтова», посланный в подарок. На этот раз неравнодушный к книгам Лесков отвечал несколько в ином духе: «Теперь вид (т. е. здоровье.— *Е. Д.*) получше, и я постараюсь непременно ⟨...⟩ готовить Вам для „Нивы“ давно задуманный и обещанный рассказ ⟨...⟩ Предоставляю Вам полное право считать эту вещь принадлежащею Вашему изданию и объявить ее на 1892 год под таким заглавием: „Оскорбленная Нетэта. Картины римской жизни времен Тиберия, с рисунками Е. Бем“».

Второе письмо написано в ответ на рождественский подарок Маркса. В нем вновь идет речь о «Нетэте», которая «все еще находится в терзаемых муках рождения», а здоровье «из рук вон ненадежно». Поэтому издателю «Русского обозрения» в качестве компенсации Лесков послал давно написанный рассказ «Заячий ремиз». «Прочитывая в последний раз переписанную рукопись, я подумал,— пишет Лесков,— что если бы здоровье, я бы прочел это у Вас, чего когда-то желала Ваша супруга и что я очень хотел бы исполнить, но болезнь все расстраивает»[87].

Последняя фраза весьма знаменательна. Избегавший всяческих собраний и чрезвычайно редко бывавший на литературных раутах, Лесков тем не менее готов был сделать исключение для Маркса.

18 марта 92. Петербург.

Уважаемый Адольф Федорович!

Книгопродавец Федоров пожелал воспользоваться указаниями, сделанными в «Ниве», об иллюстрациях Гоголя и просил моего согласия на то, чтобы воспроизвести впереди картин всю мою статью. А т. к. это мне все равно, а «Ниве» не делает ни убытка, ни бесчестия, а, напротив, даже служит ей, поминая ее добром, то я дал свое согласие Федорову на перепечатку моей статьи из «Нивы»,— конечно, с обязательством указать источник, откуда статья заимствуется.

Думаю, что Вы ничего против этого не имеете, но хотел бы слышать тому от Вас подтверждение. Издание Федорова с указанными ему поправками выходит на сих днях *.

Ваш покорный слуга
Н. Лесков.

24 марта 92. Петербург.

Уважаемый Адольф Федорович!

Стоит ли так осторожно и бережно подходить к решению такого пустого вопроса: сколько мне заплатить за маленькую заметку об иллюстрациях? Ну что это за дело такое, о котором можно ломать голову? Поверьте мне, что почитаю это за самое незначительное дело и никакую плату не сочту для себя обидною. Вперед Вам говорю, что никаких неудовольствий по этому поводу с моей стороны не будет.

Федоров помещает статью впереди картин своего гоголевского альбома, и в корректуре, которую я видел, источник (т. е. «Нива») был указан. Я ему и еще напомяну об этом.

Готовый к Вашим услугам
Н. Лесков.

21 апреля 92

Достоуважаемый Адольф Федорович!

Новое издание рисунков Агина к «Мертвым душам» Гоголя и статья моя, которая была в «Ниве», напечатаны в начале альбома с полным обозначением, что она взята из Вашего журнала. Мне хотелось бы, чтобы Вы это знали и даже посмотрели и чтобы я потом знал, что Вам это не приносит ничего неприятного.

Здоровье мое немножечко лучше, и я кое-что делаю. «Голодные картинки» Вам почти готовы, но... я опасаюсь, что они не подойдут для Вас...** Я плохо лажу с цензурою, и мне это оч[ень] в тягость.

Преданный Вам
Н. Лесков[88].

Следующее письмо от 13 мая 1892 г. опубликовано. В нем Лесков просит Маркса прислать ему копии с иллюстраций Е. М. Бем к «Нетэте», которые ему «почти» необходимы, и оттиски рассказа «Юдоль», поскольку он собирается послать их Л. Н. Толстому[89].

Последнее из сохранившихся писем датировано 12 августа 1892 г. и направлено в Петербург из Усть-Нарвы, где в последние годы обычно проводил лето больной писатель. В нем явно слышатся нотки некоторого напряжения, возникающего во взаимоотношениях автора и адресата. Лесков недоволен тем, что, несмотря на его настоятельную просьбу, он все еще не получил оттисков «Юдоли», а они ему очень нужны «для друзей». Писатель предупреждает издателя: «Еще раз повторяю: в „Квакериях“ ничего изменять нельзя, да и не надо». Впрочем, к

*Речь идет об альбоме «Сто рисунков к поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» (2000 экз.).

**Речь идет об опубликованном в сборнике «Нивы» рассказе «Юдоль» и продолжении его «О квакериях» (1892).

концу письма Лесков несколько отходит и доверительно сообщает Марксу: «О „Юдоли“ все слышу хорошее и радуюсь не за себя, нет, за Лидию Филипповну [жену А. Ф. Маркса.— *Е. Д.*], которой хотелось, чтобы это было в „Ниве“, и горячее сочувствие которой мне приятно»[90].

Из длившейся два года переписки, увы, ничего нельзя узнать о судьбе «Оскорбленной Нетэты», хотя все это время писатель не оставлял своего замысла.

Судьба этого незавершенного произведения Лескова несколько проясняется из частично опубликованной его переписки с художницей Елизаветой Меркурьевной Бем. Когда и на какой почве произошло знакомство Лескова с Бем, неизвестно. «Пятьдесят четыре дошедшие до нас письма Лескова (1891—93) воскрешают перед нами уже установившееся знакомство на чистом фоне общей работы над будущим замыслом,— пишет их публикатор А. А. Измайлов.— Повесть еще не написана. Писатель хочет вести ее одновременно с художницей, рисуя ей положения, характеры, сцены... Он строит, меняет, советует, ободряет сотрудницу, рекомендует альбомы и атласы — словом, весь горит и зажигает ее очарованием творчества. А. Ф. Маркс изъявляет готовность печатать новую повесть с ее рисунками, и оба, писатель и художница, с увлечением приступают к делу»[91].

Из переписки следует, что все лето 1891 г. Лесков работал над повестью. К началу октября он составил ее конспект, который разбил на 16 глав, затем (в конце ноября) вознамерился увеличить их до 20—23. Весь следующий год, по-видимому, время от времени возвращался к своему замыслу. Параллельно работает художница. 16 октября 1892 г. писатель получает фотографию с ее рисунка головки героини. «Это превосходно!.. Теперь Нетэта освобождена от стеснений опеки детской и старушечьей, и я ею занимаюсь два дня с большим удовольствием»,— пишет Лесков.

«Мы не знаем в точности, что вынудило Лескова положить перо и оставить незаконченную рукопись, писанную с таким живым воодушевлением,— замечает далее Измайлов.— Можно лишь догадываться, что бурность и страстность его письма, его пламенное и зажигающее сочувствие молодой страсти, греховной с точки зрения ходячей морали, возбудили опасения А. Ф. Маркса, задававшего себе вопрос, соответствует ли такой сюжет повести настроению господствующей аудитории „Нивы“?». Далее выстраивается целая цепь гипотетических предположений,

цель которых — доказать вину издателя, лишившего потомков одного из, может быть, самых значительных произведений Лескова.

Чтобы судить, прав ли Измайлов, следует вспомнить сюжет повести, заимствованной Лесковым из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия: обольститель с помощью жреца овладевает молодой римлянкой. За нарушение супружеской чести император приговаривает его к смерти. В ночь перед казнью Муция (так зовут обольстителя) Нетэта сама приходит к своему обидчику и отдается ему. Муций признается ей в любви и уверяет, что, испытав это великое чувство, не страшится смерти. Лескова волнует не столько трагическая коллизия, как загадка человеческой психики — почему молодая чистая женщина, преданная своему мужу, внезапно обожженная пламенем почти сверхъестественного чувства, могла полюбить своего недавнего оскорбителя. Давно мучивший писателя мотив должен был получить какое-то неизвестное нам решение.

Действительно, сюжет «Нетэты» весьма смел для журнала, подобного «Ниве», но ведь издатель был с ним знаком чуть ли не с самого начала переговоров (о чем можно судить по переписке Лескова с Ел. Бем).

Зная Маркса как человека, обдумывающего каждый шаг в деловых отношениях (недаром Лесков называл его «обстоятельным немцем»)*, трудно согласиться с утверждением, что он вдруг, ни с того ни с сего кардинально изменил свое первоначальное решение, да и на «Ниве», как говорят, свет клином не сошелся. Повесть Лескова опубликовал бы любой другой журнал. Что же касается «остроты» сюжета, то через восемь лет именно на страницах «Нивы» появился роман Л. Н. Толстого «Воскресение», который, если исходить из доводов Измайлова, Марксу также не следовало публиковать.

Когда Измайлов готовил свою публикацию, в Петербурге еще жил свидетель этой истории — вдова Маркса, Лидия Филипповна, но по каким-то неизвестным нам причинам за справкой он к ней не обратился. Поэтому можно высказать предположение, что Лесков не видел решения поставленной им же задачи. А может быть, ответ еще проще — тяжело больной писатель не нашел в себе силы завершить повесть. Ведь добрые отношения с издателем «Нивы» сохранились; резкий отзыв о журнале, который известен читателям, тому не противоречит. Приветствие

*См. цитированное письмо от 12 августа 1892 г.

Марксу он все же послал. А тот, в свою очередь, отдал долг покойному писателю.

Осталось несколько записей участников похорон Лескова. Все они отмечают, что среди немногих лиц, провожавших писателя в последний путь, было только три видных представителя петербургской прессы: М. М. Стасюлевич, Н. А. Лейкин и А. Ф. Маркс. Суворин прислал вместо себя жену и дочь, а ведь «Лесков у него в газете много писал и в доме был когда-то своим человеком»,— с удивлением отметил в дневнике Н. А. Лейкин. Актриса С. И. Смирнова-Сазонова писала, что на похоронах Лескова «литераторов было маловато, зато были Кони и Маркс»[92]. Именно последнему и выпала честь наиболее достойно увековечить память писателя.

Вскоре после смерти Лескова Маркс предложил его сыну уступить права на издание сочинений отца. Однако, согласно завещанию Лескова, все права, касающиеся его имущества, были переданы душеприказчику, мужу племянницы полковнику Захару Андреевичу Макшееву, который сразу по утверждении в обязанностях выразил желание продолжить переговоры с издателем.

Не входя в детали переговоров, следует сказать, что Маркс выплатил наследникам сумму гораздо большую, чем установил душеприказчик, оценивший все ранее напечатанное, как вошедшее в полное собрание сочинений покойного писателя*, так и по разным причинам туда не попавшее (например, «Мелочи архиерейской жизни»), в 50 тыс. руб. и сверх того запросивший «по 500 руб. за печатный лист посмертных произведений», под которыми разумел «все вышедшее из-под пера покойного писателя, но не появившееся ⟨...⟩ в печати». «Крупных» вещей, кроме известных Марксу, в архиве писателя не оказалось, и дополнительная выплата не могла составить значительной суммы.

Согласно воле покойного писателя, Макшеев просил оставить за издательством «Посредник» право бесплатного издания нескольких рассказов, специально написанных Лесковым для этого издательства[93].

16 февраля 1896 г. договор был подписан. Маркс заплатил наследникам Лескова 75 тыс. руб., «получив в полную и вечную собственность, не исключая права на

---

*Предпринятое Лесковым в 1890 г. издание его сочинений было выпущено весьма ограниченным тиражом (2000 экз.). Ко дню смерти писателя остатки последнего, одиннадцатого тома составили 1327 экз. Широкий читатель практически не знал Лескова.

поспектакальную плату», все сочинения писателя с тем, однако, условием, что он «все подлинные рукописи покойного Николая Семеновича Лескова, по минованию в них надобности, обязан передать в Петербургскую публичную библиотеку в С. Петербурге»[94].

Сочинения Лескова Маркс издал дважды: в 1897 г. и в 1902—1903 гг. приложением к «Ниве». Первое из них почти ничем не отличалось от прижизненного, второе на протяжении более полувека было самым полным из всех сочинений писателя. Впрочем, и ныне нельзя сказать, что оно полностью перекрыто советскими изданиями сочинений Лескова. Однако оно не исчерпывало всего наследия писателя: были опущены многие ранее публиковавшиеся произведения, не увидели света из-за возможных цензурных осложнений рукописи, находившиеся в распоряжении Маркса: «Заячий ремиз», «О петухе и его детях», «Простое средство», «Преусиленное стеснение в темное время противное производит» и известная читателям неоконченная повесть «Оскорбленная Нетэта». Кстати, уже после смерти Маркса один из читателей указывал его вдове, что в собрание сочинений не были включены многие статьи Лескова, подписанные псевдонимами В. Пересветов, Фрейшиц и просто без подписи, стихотворение «Челобитная», помещенное за подписью «М. Стебницкий» в «Отечественных записках», статья «Последняя встреча и последняя разлука с Шевченко», опубликованная в «Русской речи», подписанная Н. Л-ов, заметки «О русском рассеянии и политико-экономическом комитете» и многие другие произведения[95]. К сожалению, до сих пор не собраны полностью письма писателя и его многочисленные статьи в газетах.

Как бы то ни было, Маркс первым из русских издателей выпустил сочинения Лескова массовым тиражом, сделав их доступными самым широким по тем временам слоям читателей. Имея в виду Лескова, руководитель «Посредника» И. И. Горбунов-Посадов писал, обращаясь к Марксу: «Вы поставили ему лучший памятник в русском обществе, распространив произведения по всей России ⟨...⟩ вы почтили и память о его горячей симпатии к тому делу распространения хорошей книжки среди неимущих, которому посильно служило и служит наше издательство»[96].

А. А. Фет

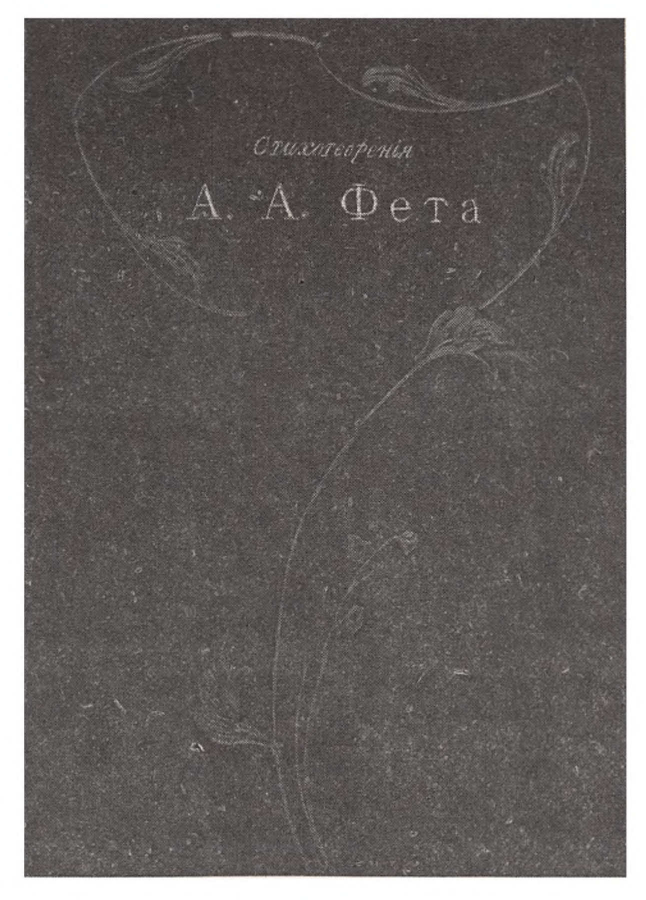
Издавна существовало убеждение, что книги А. А. Фета не пользовались спросом у современников. Даже такой серьезный исследователь, как Д. Д. Благой, считал, например, что судьба четырех выпусков «Вечерних огней» оказалась гораздо более суровой, чем предшествовавших книг Фета: «Несмотря на их крайне ограниченные тиражи (всего по несколько сот экземпляров), они оставались нераспроданными. В то время как сборник стихов Надсона переиздавался чуть ли не каждый год (за 30 с небольшим лет выдержал 29 изданий!»)[97].

Читаешь эти строки, и в памяти невольно оживают мрачные предсказания Д. И. Писарева, что книгопродавцы за отсутствием спроса на стихи Фета со временем их «продадут пудами для оклеивания комнат под обои и завертывания сальных свечей, мещерского сыра и копченой рыбы»[98].

Если бы все на самом деле обстояло так, как предсказывал критик, то Маркса следовало бы считать, по меньшей мере, чистой воды филантропом, каким он в действительности никогда не был. Ведь только чудак или безумец мог заплатить 30 тыс. руб. за право литературной собственности на произведения поэта. К тому же Маркс считал, что «поэзия читается у нас вообще очень мало, и круг ее потребителей весьма невелик»[99]. И тем не менее он решился на такой шаг.

Судьба литературного наследства Фета общеизвестна. Вскоре после кончины поэта Н. Н. Страхов и великий князь Константин Константинович выпустили посмертное собрание его стихотворений, задуманное еще самим автором. Издание 1894 г. оказалось неполным. Однако это обстоятельство вряд ли могло каким-то образом сказаться на заключенном Марксом и наследниками поэта соглашении[100]. Скорее всего, сыграло свою роль неожиданно проявленное современниками внимание к посмертному изданию. Вот тут-то Маркс и заинтересовался тем, действительно ли книги Фета пылятся на складе. Представленный ему реестр нераспроданных сочинений и переводов поэта убедительно опроверг созданную критиками легенду, хотя общая стоимость книг и слагалась в весьма внушительную цифру — 15 тыс. руб.!

Дело в том, что подавляющую часть нераспроданных книг составляли переводы античных авторов (да и то далеко не все), сочинений А. А. Шопенгауэра и «Фауста»



Фет А. А. Стихотворения. Переплет

Гете (второе издание вышло в 1889 г.). Из собственных произведений Фета «застряли» лишь две части его воспоминаний (1550 экз.), вышедшие незадолго до смерти поэта, и посмертное издание «Ранние годы моей жизни» (350 экз.). Что же касается «Вечерних огней», то выпуск второй оказался целиком распроданным, остаток первого составлял 198 экз., третьего — 26, четвертого — 77 экз.[101]

Дополнив собрание сочинений целым рядом произведений покойного поэта, Маркс выпустил в 1901 г. его трехтомник. Переиздан он был уже наследниками в 1910 г.,

а в 1912 г. пущен бесплатным приложением к «Ниве». Современники высказали ряд упреков в его адрес[102]. Столь же категоричны были и потомки.

Трехтомник к изданию готовил Б. В. Никольский. Оценивая его работу, современный исследователь писал, что примененные им текстологические приемы «во многом малоудовлетворительны. Полное отсутствие научного аппарата не дает возможности судить об источниках текста. Самым неудачным в изданиях Никольского следует считать расположение стихотворений: он перетасовывает авторские циклы, сочиняет новые вроде «Звезды», «Грезы», «Сны», «Бессонница», «Сердце» и др.[103] В доказательство своей правоты он даже приводит слова В. Я. Брюсова: «Убил Маркс Фета ⟨...⟩ через благосклонное участие ⟨...⟩ Никольского, обратившего собрание сочинений Фета в собственную статью: рубрики над отделами — это текст статьи Никольского, а стихи Фета — его цитаты»[104].

Брюсову нельзя отказать в образности сравнений, но, чтобы объективно оценить работу Никольского, надо знать, какими материалами он располагал и на каких условиях взялся подготовить это издание. Как явствует из его расписки, он получил от издателя 13 июля 1898 г. оригинал для набора стихотворений Фета (не исключено, что речь идет об оригинале предшествующего издания сочинений поэта) — восемь тетрадей, две переплетенные книги подлинных рукописей и еще девять тетрадей со стихотворениями. Всего девятнадцать книг и тетрадей подлинных рукописей Фета (часть из них со стихотворениями 1886—1892 гг. ныне потеряна)[105]. Следовательно, он имел полную возможность сверить большую часть публикуемых текстов с подлинниками, что и было им сделано при подготовке издания. Но в своих редакторских обязанностях Никольский оказался связан условиями договора.

Судя по этому договору, одним из участников подготовки собрания стихотворений Фета значился великий князь Константин Константинович, который оставил за собой право рекомендовать для помощи Никольскому компетентное лицо. Намерение это, по всей вероятности, не было осуществлено, но участие самого великого князя несомненно. Что же касается аппарата издания, то его полностью подготовил Никольский, обязавшийся принять «на себя составление предисловия и надлежащих указателей и оглавления к изданию, а равно все сношения и обязан-

ности, вытекающие из участия Его императорского высочества в трудах по редакции»[106]. Не исключено, что многие обвинения, выдвинутые против Никольского, следовало адресовать не ему, а анонимному редактору.

Со своей стороны и издатель приложил немало усилий, чтобы «удовлетворить по возможности и взыскательным требованиям научной критики как относительно точности текста и полноты собрания, так и в отношении хронологических указаний». «С этой целью,— писал он в предисловии к книге,— впервые был привлечен к делу весь печатный и весь доступный в настоящее время рукописный материал, а издание снабжено биографическим очерком, вступительными статьями, хронологическим и алфавитным указателем, четырьмя портретами и снимком с почерка автора»[107].

Оформлено издание было по тем временам безупречно: печаталось оно на высококачественной бумаге, каждое стихотворение располагалось на отдельной полосе.

Оценивая это собрание сочинений, нелишне привести мнение одного из крупнейших знатоков творчества поэта, Б. Я. Бухштаба, писавшего, что «издания Маркса сыграли большую роль в распространении стихов Фета и утверждении его в сознании среднего интеллигента в качестве классика»[108]. Кстати, он очень точно указал и причины, предопределившие успех «нивских» изданий поэта. По его словам, он был подготовлен громкими выступлениями символистов, изменением отношения русской критики к поэзии Фета после его смерти и живым интересом к его поэзии в широких читательских кругах, забывших к этому времени об его реакционной общественной позиции.

Говоря о выпущенных Марксом сочинениях Фета, следует помнить, что автора и издателя связывало многолетнее и тесное сотрудничество. (За период с 1889 по 1893 год в «Ниве» было опубликовано 36 произведений поэта.) Пересылая Фету в канун полувековой годовщины его литературной деятельности том переведенного им «Фауста», Маркс писал: «Я употребил все зависящие от меня средства, чтобы внешняя сторона издания вполне соответствовала бессмертному произведению Гете и его прекрасному переводу. Смею думать, что, насколько мог, достиг этой цели и буду весьма рад, если издание мое понравится Вам и оправдает Ваши ожидания»[109].

Я. П. Полонский

С Полонским Маркса связывали не только деловые, но и дружеские отношения. Поэтому вполне закономерно, что именно ему выпала честь издания в 1896 г. пятитомного собрания стихотворений поэта. Хотя оно и для своего времени было неполным, но волею судеб оказалось не перекрытым до наших дней.

Полонский был давним автором «Нивы». Печатался в журнале он регулярно, на протяжении длительного времени (с 1876 по 1894 г.). Отношения издателя и поэта далеко не всегда были идиллическими. Со слов Е. А. Штакеншнейдер, известно, например, что летом 1883 г. Полонский, еще не знавший о поездке Маркса в Париж к Тургеневу, послал в «Ниву» стихотворение «У одра», отклоненное перед тем Стасюлевичем за чрезмерное, по его мнению, упование автора на бога. К удивлению Полонского, оно было отклонено и Бергом, но на этот раз за «проповедь атеизма», недопустимую в «семейном журнале»[110].

Как бы то ни было, но вечно стесненный в деньгах поэт не только не разорвал связей с «Нивой» после всего случившегося, но продолжал пользоваться добрым участием Маркса. Об этом свидетельствует его письмо от 17 сентября 1893 г.: «С сегодняшнего дня, несмотря на головную боль, примусь писать для Вас. Если удастся, то в декабре или январе вы успеете напечатать новый плод трудов моих. Если же не удастся, я продам картину Судковского и верну Вам денежный долг мой. Верьте, что в конце концов я честно с Вами рассчитаюсь и мне не будет стыдно с Вами встречаться». Слово свое Полонский сдержал, и в 1894 г. «Нива» опубликовала ряд его произведений. На этом его сотрудничество с журналом прекратилось, хотя Маркс и платил ему чрезвычайно высокий для того времени гонорар — 2 руб. за строку. Причиной тому стало издание собрания стихотворений поэта.

Разговор об издании собрания сочинений Полонского возник, как позволяет об этом судить его переписка с Марксом, в самом начале 1895 г. По чьей инициативе — сказать трудно. Скорее всего, по предложению Маркса, так как из письма Полонского, отправленного в начале февраля, можно заключить, что первоначально он сам намеревался осуществить подобное издание за счет какого-то высокопоставленного лица*: «Что касается до куп-

*Речь шла о великом князе Константине Константиновиче.

ли моих сочинений,— писал он в этом письме,— то я бы желал, чтобы этот вопрос был решен в принципе». Маркс не замедлил выразить готовность их приобрести. Боясь допустить какой-либо промах, поэт передал решение этого жизненно важного дела на усмотрение жены, но в то же время все же сообщил примерные объемы будущего издания: не менее 16 больших томов, за которые, по его словам, жена «не возьмет менее 80 000». «Что для Вас выгоднее,— спрашивал он Маркса,— купить все и издавать по усмотрению то одно, то другое, или сначала купить то, что я Вам предлагаю в этом письме? зависит от Вас»[111].

Маркс изъявил согласие приобрести «отдельные произведения», но только в том случае, если будет найдено «средство договориться об условиях». В первую очередь он просил Полонского прислать в одном экземпляре все его поэтические произведения и заодно сообщить, на какой гонорар он рассчитывает в случае издания полного собрания его стихотворений при тираже 10 тыс. экз., детской книжки «Кузнечик-музыкант», выпущенной дорогим и дешевым изданием тем же тиражом. И, наконец, какую сумму он предполагает получить за издание всей его «поэзии с авторскими правами с неограниченным сроком?». «Мне нужен ясный и четкий ответ на все эти вопросы для того,— писал Маркс,— чтобы составить себе ясное представление о возможностях осуществления этого предприятия, о базе, на которую можно рассчитывать»[112].

Отвечая Марксу, Полонский предлагал выпустить «Полное собрание поэтических произведений» (включая стихотворения в прозе) сравнительно большим тиражом в 10 тыс. экз., с тем чтобы довести цену тома до 2 руб., «Избранные стихотворения», предназначаемые учащимся различных средних учебных заведений, в количестве 3 тыс. экз. по цене «никак не дешевле 3 руб. за экземпляр», сказку «Кузнечик-музыкант» в виде подарочного издания (3 тыс. экз., цена 3 руб.) и дешевого издания (10 тыс. экз., цена 50 к.) и неограниченным тиражом издать два его рассказа для так называемого «народного читателя» по цене от 5 до 10 коп. «За все это, смею думать, Вы согласитесь выплатить мне 20 тыс. руб. Если Вы найдете, что это дорого, то объясните почему? Я не хочу причинять Вам убытков, но, уступая Вам все лучшее, что я написал, не желал бы и обездолить семью мою»[113]. Вместе с тем Полонский медлил с решением столь важной для него проблемы, так как на роль издателя его сочинений претендовал еще и муж дочери, который даже занял под это изда-

ние деньги, но по размышлении поэт предпочел все же Маркса, написав ему, что верит его вкусу: «Вы лучший издатель в России, и на Вас можно положиться». Однако цену за уступку авторских прав оставил прежнюю — 80 тыс. руб.

Маркс отклонил условия Полонского, сославшись на перегруженность типографии, и в свою очередь предложил «пока ограничить наше условие только двумя изданиями «Полного собрания стихотворений» и «Собрания избранных стихотворений», для чего препроводил одновременно с письмом проект договора. Вопрос о судьбе остальных книг откладывался таким образом на неопределенный срок.

Порядок расположения стихотворений в издании по периодам определил сам поэт*: «На мысль так расположить стихи свои навело меня последнее издание стихотворений Надсона... Другого способа привести стихи свои в хронологический порядок я не найду, так как не подписывал годов под ними или под многими из них, не помню где и что писал»[114]. Полонский сам подготовил рукопись к изданию, но корректуру держали его близкие.

Маркс заплатил поэту за право издания собрания стихотворений 10 тыс. руб. Первоначально он намеревался установить цену за четырехтомник 5 руб., но, выпустив издание в пяти томах, поднял ее до 6 руб. Обычная коммерческая комбинация, бесспорно выгодная издателю, вызвала протест сына поэта, который по поручению отца держал корректуру последних томов**. «Издание, выходящее в 5 томах почти при том же количестве листов, не может Вам стать, по существу, дороже, и, по-видимому, только внешнее обстоятельство, что оно в 5 томах, а не в 4-х, является для Вас основанием надбавить цену в 1 рубль, т. е. на 10 тысячах экземплярах неожиданно вернуть все, что Вы заплатили отцу. Имеет ли отец право на известную долю в этой 10 000 премии — вопрос...» — писал он, судя по всему, осенью 1895 г.[115] Однако выкладки сына Полонского не точны. Во-первых, он не учитывал увеличения производственных издержек. Во-вторых, не принял во внимание дополнительной книготорговой скидки

*1 период: от 1839 по 1845 (по выходе из университета до отъезда в Одессу); 2 период: от 1845 до 1859 (в Одессе, на Кавказе и Москве, до отъезда в Петербург); 3 период: от 1852 до 1862 (писанные за границей и в Петербурге)... и т. д.

**Сохранился лишь черновик письма. Отправил ли он его Марксу, неизвестно.

(не менее 30% с номинала пятого тома). В-третьих, он явно не учитывал того, что с увеличением числа томов и, следовательно, цены замедлялась продажа издания, находившаяся в прямой зависимости от выпуска планируемых параллельно «Избранных произведений» поэта.

В отличие от подавляющего большинства изданных Марксом русских писателей, Полонский не рассчитывал на широкую читательскую аудиторию, хотя и уверял издателя, что «до сих пор не растерял своих поклонников». Но тиражи, предлагаемые им для своих книг, свидетельствуют об ограниченности этой аудитории определенными сословными кругами. Поэтому он легко соглашался с назначаемой Марксом сравнительно высокой ценой на свои сочинения (предшествующие издания его избранных произведений продавались от 15 до 18 руб. за экз.).

Как было обусловлено соглашением 21 марта 1896 г., Маркс послал Полонскому расклейку его пятитомника, с тем чтобы тот отобрал произведения для «Избранных стихотворений». Но то ли сам задержал выпуск издания, то ли поэт вовремя не ответил, но только через год, в мае 1897 г., он вновь выслал автору расклейку его пятитомника, сопроводив аналогичной просьбой. Что весьма характерно для Маркса, он обращал внимание Полонского на необходимость продумать структуру будущего издания, расположение материала, форму публикации отрывков и т. д. Заодно он просил поэта, используя свои связи, ускорить одобрение этого издания Ученым комитетом Министерства народного просвещения, что открывало для него двери школьных библиотек[116].

Как позволяют судить об этом ответные письма Полонского, поэт со своей стороны сделал все возможное, чтобы облегчить своим избранным произведениям путь к читателю, обратившись за содействием к своему старому знакомому, члену Ученого комитета Министерства просвещения поэту К. К. Случевскому, которое тот ему обещал оказать. Полонский даже по просьбе Маркса навестил в начале июня 1895 г. бывшего редактора «Нивы» кн. Волконского (которого терпеть не мог), с тем чтобы совместно обсудить состав тома[117].

Переписка Маркса и Полонского свидетельствует, что их взаимоотношения выходили за рамки чисто деловых контактов, обычных для издателя и автора, и носили поистине дружеский характер. В ряде писем поэт заверял Маркса в своем «дружеском расположении» к нему, относил к числу своих друзей и т. п. Они были знакомы дома-

ми, сравнительно часто навещали друг друга (насколько это было возможно для больного Полонского).

Маркс называет жену поэта по имени (Жозефина), а не по имени и отчеству, в день 75-летия Полонского посылает ему одновременно с поздравлениями 100 гаванских сигар лучшей марки с пожеланием «курить их с таким же удовольствием», как курит сам; в другой раз он дарит «по случаю» самое дорогое свое издание — «Офорты» Шишкина, выпущенное в крайне ограниченном числе экземпляров (это не считая постоянно посылаемых очередных изданий), и т. п. «Вы знаете, как дорога для меня каждая Ваша вещь,— обращаясь к Полонскому, писал Маркс,— и Вас, конечно, не удивило, что на Ваше колебание, кому отдать «Мирам»—«Ниве» или «Русской мысли»,— я ответил настоятельной просьбой о присылке этой вещи мне. Но я не знал, что «Мирам» уже обещан Лаврову и что для исполнения моей просьбы Вам пришлось бы, как Вы говорите, «нарушить обещание, данное Лаврову»*. Этого я ни в каком случае не хотел и не считаю себя вправе требовать подобного, несмотря или, вернее,— именно вследствие наших добрых отношений, не желая испортить Ваших отношений к «Русской мысли» и причинить неудовольствие Лаврову, с которым я также в хороших отношениях. Не считая поэтому возможным настаивать на отдачу мне «Мирама» и возвращая при сем рукопись, я надеюсь, что, бог даст,— вы найдете и досуг, и покой и в награду за лишение меня «Мирама» Вы подарите моей «Ниве» еще немало хороших вещей»[118].

Оценить в полной мере деликатность Маркса можно только вспомнив, что рукописью Полонский обычно расплачивался за ранее авансированный труд. Добрые отношения с поэтом помешали Марксу настаивать на приобретении авторских прав на его сочинения, что в конечном счете лишило писателя возможности издать свое полное собрание сочинений массовым тиражом.

---

*Лавров В. М. — совладелец и соредактор В. В. Гольцова по журналу «Русская мысль».

* * *

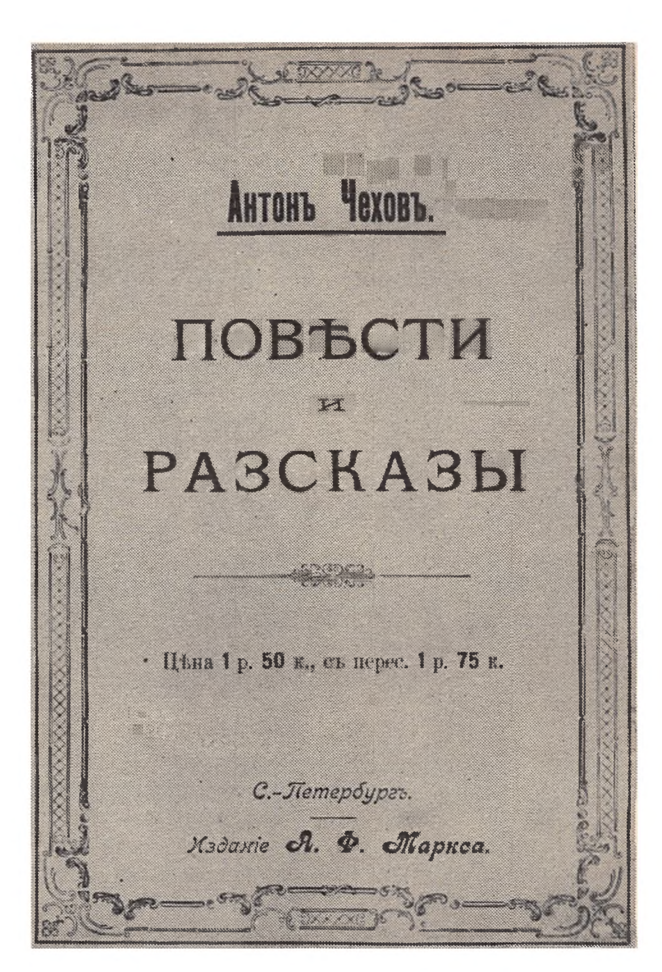
В царской России все было «императорским»: академия, университеты, научные общества, и даже театры и библиотеки. Лишь литература и пресса (за исключением реакционных и откровенно рептильных изданий) ни в какой форме не получали государственной поддержки.

В год выпуска полного собрания сочинений Достоевского, положившего начало «нивским» приложениям, гофмейстер двора и поэт Константин Константинович Случевский составил проект адреса на имя Александра III с просьбой о принятии русской литературы под высочайшее покровительство[119]. Будучи консервативно настроенным человеком, он видел в монаршем благоволении единственное средство, способное содействовать ее развитию. Выдвинутая им идея не была оригинальна: под покровительством высочайших особ находились, например, российское театральное и русское техническое общества. В стране существовали и некоторые другие профессиональные корпорации, созывались даже съезды, но попытка объединить литераторов показалась властям чрезвычайно дорогостоящей и опасной затеей. Одно дело — содержать государственные театры, другое — издательства. В конце концов, сколько бы ни стоил балет, никаких подвохов от него не следовало ожидать, другое дело — литература, даже облагодетельствованная монаршими милостями. Нет уж, пусть ей способствуют частные лица и несут за это ответственность перед богом, законом и своим карманом. И они несли ее.

Десять лет — небольшой срок, но именно за период с 1894 по 1904 г. (год смерти А. Ф. Маркса) вышли в свет в качестве приложений к «Ниве», кроме названных, полные собрания сочинений Д. В. Григоровича (1896), Г. П. Данилевского (1901), В. Ф. Жуковского (1902), А. К. Шеллера-Михайлова (1904—1905), И. Ф. Горбунова (1904), двадцатидвухтомное собрание романов, повестей и рассказов П. Д. Боборыкина (1897) и др. В виде

самостоятельных изданий — собрания сочинений А. Н. Плещеева, И. Н. Потапенко, К. К. Случевского, С. Н. Терпигорева (Атавы), Н. Ф. Головина (Орловского), В. Г. Авсеенко, А. А. Тихонова (Лугового). В это же время Маркс приобрел права литературной собственности на сочинения М. Н. Альбова, И. С. Баранцевича, П. Г. Вейнберга, Вл. И. Немировича-Данченко, Т. П. Пассек, И. М. Станюковича, А. К. Толстого (на пять лет) и др. Безуспешными оказались лишь попытки переговоров с М. Горьким.

Не все равноценно в этом богатейшем наследии, но уже простой перечень имен свидетельствует о том существенном вкладе, какой внес издатель Маркс в сокровищницу русской культуры. Нет, совсем недаром помянул добрым словом «старую „Ниву“» Леонид Леонов, вспоминая, как много она сделала «в государственном деле развития и поддержки русской литературы».



Чехов А. Повести и рассказы. Титульный лист

Вокруг Чехова*

Почти в самый канун 1899 г. гимназический товарищ Чехова Петр Алексеевич Сергеенко сообщил ему о желании Маркса приобрести право собственности на его сочинения. Известно, что и сам писатель давно подумывал о такого рода соглашении. «Чехов нуждался... Как это странно звучит теперь! Но в те годы,— писал близко знавший его Потапенко,— в этом не находили ничего странного... Ведь незадолго перед тем нуждался и умер в нужде Достоевский. А после него нуждались Гаршин и Надсон. У всех это вызывало сочувствие, но никто не удивлялся. Так полагалось. Книга, как бы ни была она талантлива, была тогда достоянием немногих»[1].

Стремясь обеспечить себе условия для работы, Чехов еще в августе 1893 г. обратился к другому, не менее известному издателю — Алексею Сергеевичу Суворину, которого не без оснований считал весьма расположенным к себе, с такого рода предложением: «Не согласится ли Ваш магазин похерить мой долг ⟨...⟩, а взамен этого взять себе право издавать и продавать все доселе изданные Вами книги мои в течение 10 лет? Кроме погашения долга, он обязуется выплачивать мне еще 300 р. ежегодно или 3000 единовременно ⟨...⟩ Фантастический проект? Увы! Это я сам чувствую»[2] (5, 226).

Видимо, ответ адресата не оставлял никаких сомнений, так как в отправленном через шесть дней письме Чехов писал: «Мое предложение — глупая шутка? Но ведь было бы еще глупее, если бы я, состоя должным, попросил выслать мне в Серпухов еще тысячу рублей. Вы пишете, что я на книгах заработаю 20—30 тысяч. Прекрасно. Говорят также, что я буду в раю. Но когда

---

*В основу главы положен доклад «А. П. Чехов и его издатели», прочитанный автором 22 ноября 1974 г. на заседании секции книги Московского дома ученых АН СССР (Секция книги Московского дома ученых АН СССР. XXX лет. М., 1983. С. 45).

это будет? А между тем хочется жить настоящим, хочется солнца, о котором вы пишете» (5, 229). Однако Суворин не принял предложений Чехова. О мотивах, которыми он руководствовался, можно лишь догадываться, так как почти все суворинские письма были возвращены автору после смерти писателя (счастливый случай уберег лишь несколько телеграмм, относящихся к периоду заключения договора Чехова с Марксом).

Один из богатейших русских издателей, Суворин нажил капитал в основном не изданием и продажей книг, хотя выпускал их немало и имел магазины в крупнейших городах страны, а благодаря весьма популярной в те годы газете «Новое время». Книги он выпускал, как правило, последовательными изданиями (фактически «заводами»), выходившими небольшими тиражами. По мере распродажи книги ранее отпечатанные листы брошюровались, сопровождались новым титулом и пускались в продажу как новое издание. При такой практике риск был невелик, но и прибыль возрастала постепенно, поскольку основные издержки приходились на первые издания.

Держась „такой методы", Суворин не выпускал многотомных изданий, особенно собраний сочинений современников, помня печальный опыт Базунова и Стелловского. По его словам, издателями сочинений Чехова они «состояли оба или, если хотите, он один»[3]. Типография «Нового времени» печатала книги писателя в кредит, затем они поступали в магазин с книгопродавческой уступкой в 30%. Калькуляцию работ составляла контора «Нового времени», да так, что Чехов никогда не знал истинного положения дел и вечно был ее должником. При малом тираже (как правило, не свыше 1 000 экз.) книги Чехова не доставляли постоянного и верного дохода, хотя стоили сравнительно дорого. Прибыльными для автора они стали лишь во второй половине 90-х годов, когда выявился заметный интерес к его творчеству, и Суворин стал выпускать несколько названий в год повторными изданиями.

Впоследствии, уже после смерти Чехова, Суворин уверял, что десятитомное собрание сочинений, которое он намеревался выпустить, обеспечило бы писателя. Однако дело с его изданием продвигалось столь медленно и с такими проволочками, что, по выражению Чехова, грозило затянуться до 1948 г. А Чехов спешил, хорошо понимая опасность своей болезни (8, 19).

Предложение Маркса пришлось как нельзя кстати: оно давало возможность порвать отношения с опостылев-

шим издательством, получить сразу солидное вознаграждение и, главное, выпустить собрание сочинений в том виде, в каком сам автор хотел предстать не только перед современниками, но и перед потомками. Маркс мог осуществить не только это пожелание, но и издать сочинения, как никто другой, быстро и большим тиражом. Впрочем, издатель был заинтересован в этом договоре не менее, если не более, автора. На это обстоятельство указывал незыблемый для Маркса авторитет — Л. Н. Толстой. «Для Маркса это почти вроде Синая»,— писал Сергеенко[4]. Относительно близкий к Толстому человек, он вряд ли бы рискнул при жизни писателя что-либо присочинить или исказить высказанную им мысль.

Есть еще одно обстоятельство, которое следует учитывать, говоря о договоре Чехова с Марксом. В год его подписания Чехов еще не был для своих современников, по крайней мере для подавляющего их большинства, тем Чеховым, которым он стал для потомков. С громадным успехом прошла премьера «Чайки» на сцене МХАТа, но остальные театры не спешили следовать его примеру. Суворин ежегодно выпускал небольшими тиражами очередные сборники писателя, но никто не предлагал Чехову более выгодных условий. Всероссийская, всеобщая слава пришла чуть-чуть позже, и в какой-то мере ее приход был ускорен описываемым событием. «Я был бы очень не прочь продать ему (т. е. Марксу.— *Е. Д.*) свои сочинения, даже очень, очень не прочь, но как это сделать? ⟨...⟩ Я продам все, что есть, и, кроме того, все, что отыщу когда-либо в старых журналах и газетах и найду достойным. Продам все, кроме дохода с пьес ⟨...⟩ Мне и продать хочется, и упорядочить дело давно уже пора, а то становится нестерпимо» (8, 8),— писал Чехов, отвечая на предложение Сергеенко в первый же день нового, 1899 г.

Получив согласие Чехова, Сергеенко, увы, не столь уж бескорыстно, как это будет видно из последующего, но энергично приступил к делу...

Связанный многолетними отношениями с Сувориным, Чехов не хотел ставить его в неловкое положение, не известив о предполагавшихся переговорах с Марксом, тем более что к этому времени он наконец получил от него начальные листы корректуры первого тома своих сочинений. Кроме того, его, безусловно, интересовало мнение многоопытного в издательских делах человека.

«Вчера, получив твою телеграмму,— писал Сергеенко Чехову 18 января 1899 г.,— я фразу о Суворине почел

обязательной в смысле свидания с ним ⟨...⟩ Из очень продолжительной и интересной беседы с ним я вынес относительно нашего дела самое удручающее впечатление. Нам не дают ничего кроме жалких слов, которые могут только затемнить наше и без того перемежающееся умосостояние. Что такое 75 т.? 75 т.— вздор. Чехов всегда стоит дороже. И зачем ему спешить? Денег он всегда может достать. ⟨...⟩ Когда же я, пользуясь раскаленностью железа, сказал: значит, вы дадите больше, чем Маркс?— послышалось шипение и только.—„Я не банкир. Все считают, что я богат. Это вздор. Главное же, меня останавливает нравственная ответственность перед моими детьми, и так далее. А я дышу на ладан"... Словом, я вышел от него сбитым с толку и даже в тревоге, уж не сооружаю ли я леса будущих нареканий за то, что продешевил тебя...»[5] Не очень-то верил в Чехова Алексей Сергеевич Суворин, если сразу заговорил о «нравственной ответственности» перед детьми и возможности ухода в лучший мир, отвечая на поставленный вопрос. (Суворин пережил Чехова и Маркса на восемь лет и полностью познал горечь своей ошибки.)

Сергеенко ни на йоту не исказил основного мотива отказа. В точности передачи слов Суворина также не приходится сомневаться. Они подтверждаются и сохранившимися телеграммами его Чехову. Одна из них содержала ответ на просьбу писателя сообщить состояние его дел по издательству («понедельник переговорю с Колесовым») и рекомендовала воздержаться от продажи прав собственности на будущие произведения. Ссылаясь на мнение Толстого, Суворин убеждал Чехова не спешить с заключением договора («...за одно приложение к „Ниве" ваших вещей можно дать 50.000. „Нива" этого не избегнет года через два» и со своей стороны предлагал одолжить ему 20 000 руб. Видимо, аргументируя свое решение, Чехов писал, что подталкивает его на этот шаг и плохое самочувствие («Разве Ваше здоровье плохо?»— спрашивал Суворин[6]).

Аванс в двадцать тысяч на неопределенных условиях Чехова явно не устраивал, да и прогноз Толстого относительно соглашения с Марксом был более чем проблематичен, хотя в размере возможного гонорара Суворин вряд ли ошибался. Но весьма сомнительно, чтобы Маркс предпринял новое издание сочинений Чехова, пока Суворин не выпустил бы и не распродал своего.

Суворин яснее Маркса представлял место Чехова в

русской литературе, но при этом не верил в успех издания. Он явно руководствовался старыми представлениями о русском книжном рынке и недооценивал возросшую роль демократического читателя, да и в издательской интуиции явно уступал Марксу.

Прежде чем познакомиться с поистине драматической историей одного из самых значительных начинаний Маркса, следует рассказать, когда и с чего началось его знакомство с Чеховым, тем более что по этому поводу существуют разноречивые мнения. По словам Сергеенко, Маркс до подписания договора с писателем был почти незнаком с его творчеством, прочел, как он говорил, «в своей жизни только две ⟨...⟩ вещи» Чехова (Сергеенко имел, очевидно, в виду произведения, опубликованные в «Ниве»). И только после заключения договора Маркс пришел в восторг от чеховских «мелких» рассказов. Современные исследователи, не исключая такой возможности, все же полагают, что издатель, кроме того, «знал критические работы о Чехове, слышал отзывы о нем в литературной среде»[7]. Высказанное предположение в какой-то мере объясняет, почему издатель столь легко согласился с О. Ю. Грюнбергом, посоветовавшим ему приобрести авторские права на сочинения писателя[8].

И все же версия эта в целом неубедительна. Вряд ли такой обстоятельный и деловой человек, как Маркс, купил бы, и за немалую сумму, «кота в мешке». Он, бесспорно, имел более точные сведения о Чехове, чем это хотел представить Сергеенко, преувеличивая, может быть и невольно, свои посреднические услуги. Известно, например, что Чехов в конце 1893 г., уйдя из «Нового времени», обратился с просьбой к Потапенко узнать у Маркса о возможности его сотрудничества в «Ниве». Ответ был получен скорее, чем этого можно было ожидать. 12 января 1894 г. Маркс писал Потапенко: «Князь М. Н. Волконский передавал мне, что А. П. Чехов уже имел с ним разговор относительно сотрудничества своего в „Ниве" и что вопрос этот был решен между ними в утвердительном смысле. Если у А. П. Чехова имеется что-нибудь готовое, прошу прислать — охотно помещу в „Ниве"». Маркс соглашался приобрести и предлагаемый Чеховым роман, но писал, что сможет его опубликовать, по техническим причинам, «только через два года»— в 1896 году — срок, согласитесь, слишком долгий. «Если же окажется возможность окончить роман раньше, то гонорар, как Вам известно, всегда уплачивается мною немедленно по принятию ру-

кописи»[9]. Размер установленного гонорара — 350 руб. за лист — свидетельствует о достаточно высокой оценке предлагаемого материала. Легко можно согласиться с тем, что Маркс не имел представления о творчестве Чехова в полном объеме, но с отдельными публикациями его произведений в «Петербургской газете», «Северном вестнике» или «Русской мысли», бесспорно, был знаком. Тем более, что, как помнит читатель, находился в добрых отношениях с издателем «Русской мысли», на страницах которой была опубликована прогремевшая на всю Россию «Палата № 6». Он искренне, по словам Сергеенко, удивился, узнав о числе предназначенных к публикации произведений, но этот факт еще не свидетельство его невежества в делах современной ему русской литературы.

Трудно судить, почему Чехов немедленно не воспользовался предложением Волконского, и сменившему его на посту редактора А. А. Луговому вновь пришлось обращаться к нему с просьбой о сотрудничестве. «Могу с уверенностью сказать, что рассказ я Вам дам непременно и что мне хочется работать в „Ниве"»,— отвечал А. А. Луговому в самом конце следующего года Чехов (6, 112). Но только в июне 1896 г. выполнил свое обещание и послал в журнал начало повести «Моя жизнь» (6, 156).

В отличие от многих своих современников Чехов никогда, насколько известно, не предъявлял никаких претензий к журналу и весьма высоко оценивал издательскую деятельность Маркса. В ряде писем к родным и знакомым он высказывал уверенность, что его сочинения будут наконец издаваться добросовестно. «Маркс издает великолепно,— сообщал он сестре о предполагаемом собрании сочинений.— Это будет солидное издание, а не мизерабельное» (8, 52). «Я забрал бы у Маркса все его издания. Он прекрасно издает»,— писал он Луговому тремя годами ранее (6, 217). Столь же высоко отзывался он и о «Ниве». Даже выделял некоторые материалы, в ней опубликованные: «Литературные приложения к „Ниве" в текущем году имели успех благодаря, главным образом, статьям серьезного содержания»,— писал Чехов в 1896 г., имея в виду критический очерк Вл. Соловьева «Поэзия Я. П. Полонского» (1896, №№ 2 и 6) и «Гигиенические беседы» профессора Ф. Ф. Эрисмана (1896, №№ 4, 5, 7, 8). Отмечая причину успеха этих публикаций, он писал, что «русский пестрый читатель если и не образован, то хочет и старается быть образованным; он серьезен, вдумчив и неглуп» (6, 179).

В дальнейшем, правда, из-за цензурных вмешательств, касавшихся его повести «Моя жизнь», сотрудничество с «Нивой» принесло писателю немало огорчений (6; 215, 217, 221), но имелась и другая сторона — Чеховым явно заинтересовались. Отвечая в августе 1898 г. редактору «Нивы» Сементковскому, писавшему Чехову о желании Маркса повидаться с ним, писатель выражал полную к этому готовность в случае, если тот желает встретиться с ним «по делу» (7, 252). Речь, несомненно, шла о возможных переговорах, равно интересовавших обе стороны. Сказанное подтверждается письмом Чехова к Н. И. Горбунову-Посадову, отправленным вскоре после заключения договора: «До меня давно уже доходили слухи, что Маркс хочет купить меня, но я не ожидал никак, что это произойдет так скоро, что я вдруг ни с того ни с сего стану марксистом» (8, 49).

Договор сроком на 20 лет был подписан 26 января 1899 г. Чехов получил 75 000 руб. за все произведения, ранее напечатанные под собственной фамилией или псевдонимом. Редакция издания принадлежала автору, доход от пьес являлся собственностью писателя или его наследников. За будущие, предварительно напечатанные в повременной печати произведения следовал гонорар в 250 руб. с листа, возрастающий через каждые пять лет на 200 руб.[10]

Ничуть не обманываясь в характере заключенного договора, Чехов писал сестре: «Продажа, учиненная мною, несомненно, имеет свои дурные стороны. Но, несомненно, есть и хорошие. Во-1х, произведения мои будут издаваться образцово; во-2х, я не буду знаться с типографией и с книжным магазином, меня не будут обкрадывать и не будут делать мне одолжений; 3) я могу работать спокойно, не боясь будущего; 4) доход не велик, но постоянен» (8, 35—36). Наконец, последний мотив (из письма к брату Михаилу): «Полное собрание моих сочинений начали печатать в типографии (А. С. Суворина — *Е. Д.*), но не продолжали, так как все время теряли мои рукописи, на мои письма не отвечали и таким неряшливым отношением ставили меня в положение отчаянное; у меня был туберкулез, я должен был подумать о том, чтобы не свалить на наследников своих сочинений в виде беспорядочной, обесцененной массы» (9, 36). Все эти мотивы побудили Чехова заключить договор с Марксом.

Литературная общественность оценила его следующим образом.

«Боясь продешевить тебя, я предварительно зондировал почву везде. А суворинцы так прямо говорят, что нужно быть сумасшедшим на месте Маркса, чтобы связывать себя таким договором»,— писал Сергеенко[11]. «Когда узнали, что нашелся издатель, оценивший сочинения Чехова в определенную солидную сумму и предложивший эту сумму, стон удивления пронесся по всему литературному стану»,— свидетельствует Потапенко[12].

В письме к Чехову чрезвычайно близкий к нему (а также и к Суворину) беллетрист Николай Михайлович Ежов сообщал в конце января 1899 г.: «В Москве, ⟨...⟩ узнали, что Вы продали Марксу свои сочинения (настоящие и будущие) за 75 000 руб. Цифра „75 000" ошеломляющая, но не знаю, хорошо ли это для Вас? Ведь будущие сочинения, на мой взгляд, кроме 75 000 р. Вы должны были обложить еще особой пеней, хоть по 500 р. с листа.

Во всяком случае, поздравляю. Спрыска с Вас.»[13].

Через три года эта «особая пеня» достигла не 500, а 1 000 руб. Тем не менее именно к этому времени Чехов весьма робко, но выразил недовольство заключенным договором. Невольно возникает вопрос: на какую сумму он первоначально надеялся? «Насколько я мог судить по некоторым фразам,— писал Сергеенко,— он рассчитывал получить „тургеневскую плату", т. е. 60 000 р.»[14]. Откуда взял Сергеенко цифру 60 000 руб. и какие фразы он имел в виду, неизвестно. Поскольку с Чеховым он в этот период не встречался, можно было бы предположить, что речь идет о каком-то не дошедшем до нас письме. Однако это маловероятно. Скорее всего, имеется в виду телеграмма от 16 января, но в ней весьма четко определена сумма: «Желательно 75.000» (18, 21).

На следующий же день после заключения договора Чехов послал Марксу для первого тома 65 рассказов, не вошедших еще ни в один из сборников, и одновременно отказал одному из руководителей издательства «Посредник» в сотрудничестве: «Ваше намерение выпустить в свет для интеллигентных читателей мои последние три рассказа — ныне неосуществимо, ⟨...⟩ В договоре дальнейшее печатание оговорено крупной неустойкой. И этот договор представляется мне теперь собачьей конурой, из которой глядит злой, старый, мохнатый пес» (8, 49).

Шутка объясняет само собой разумеющееся положение, но в ней легко можно уловить некоторое неудовольствие. Со временем степень неудовлетворенности писателя договором, несомненно, возросла. Судя по одно-

му из позднейших писем, Антон Павлович считал договор с Марксом «ошибкой», а продажу сочинений «довольно неудачной». Объясняя причины, побудившие его заключить договор, Чехов напоминал адресату, что в 1899 г. он постоянно нуждался, с другой стороны, «теперешних больших (горьковских) цен на литературные произведения еще не было» (12; 21, 51).

Цитированные письма — далеко не единственный источник, по которому можно судить не только о переоценке договора, но и о причинах, ее вызвавших. В самом начале века общественный подъем и неожиданный, громадный интерес к творчеству так называемых «молодых» писателей вызвали необычайный для русского книжного рынка спрос на их произведения. С другой стороны, благодаря развертывающейся деятельности издательства «Знание» резко возросли гонорары за литературные произведения: писатель фактически стал получать почти весь доход с издания. В этих условиях Чехов начал подумывать о возможности пересмотра или какого-то уточнения договора: «Похоже, будто над моей головой высокая фабричная труба, в которую вылетает все мое благосостояние», — писал он брату Михаилу (8, 320).

Однако ни о каких решительных действиях он не помышлял. В ответ на предложение Горького разорвать договор с Марксом, выплатить неустойку и войти в товарищество «Знание» с гарантированным годовым доходом чуть ли не в 25 тыс. руб. он писал 24 июля 1901 г.: «Вы ждали ответа, именно, насчет моих произведений и Маркса. Вы пишете: взять назад. Но как? Деньги я уже все получил и почти все прожил, взаймы же взять 75 тыс. мне негде, ибо никто не даст. Да и нет желания затевать это дело, воевать, хлопотать, нет ни желания, ни энергии, ни веры в то,что это действительно нужно» (10, 53). Посылая затем Горькому копию договора с Марксом, он уточняет свою позицию: «С Марксом, который теперь, кстати сказать, очень болен, я могу разорвать не иначе, как только лично поговорив с ним. Так, здорово — живешь он ни за что не станет разрывать условие, ибо сей разрыв, помимо всего прочего, лег бы пятном на его издательскую деятельность»[15].

Чехов отлично понимал, что дело упирается не только в деньги, но и в авторитет фирмы. К тому же ему явно импонировала возможность издания своего собрания сочинений небывалым еще в истории русской литературы 250-тысячным тиражом. «За сообщение о том, что мои со-

чинения в будущем году выйдут приложением к „Ниве“, приношу Вам сердечную благодарность»,— писал он в конце октября 1902 г. Марксу (11, 66).

Однако Горький не оставил своих намерений, подключив к хлопотам и О. Л. Книппер. Посоветовавшись с известным адвокатом О. О. Грузенбергом, он выяснил любопытную деталь. Договор с Марксом вступает в законную силу лишь после подписания Чеховым неустоечной записи. Но таковой в делах не оказалось. Появилась возможность на «законных» основаниях расторгнуть или изменить договор. Тем не менее Чехов не хотел прибегать к такому средству давления на Маркса, считая, что, подписав условие, надо и держаться его честно, каково бы оно ни было. На настойчивые советы О. Л. Книппер обратиться к адвокату он писал 9 января 1903 г.: «Неустоечной записи у меня нет, но это не значит, что ее нет у Маркса. Помнится, что я не подписывал ее, но, быть может, память обманывает меня ⟨...⟩ Мне кажется, что если я теперь напишу Марксу, то он согласится возвратить мне мои сочинения в 1904 г., 1 января, за 75.000. Но ведь мои сочинения уже опошлены «Нивой», как товар, и не стоят этих денег, по крайней мере, не будут стоить еще лет десять, пока не сгниют премии „Нивы“ за 1903 г. ⟨...⟩ Да и как-то нелитературно прицепиться вдруг к ошибке или недосмотру Маркса и, воспользовавшись, повернуть дело „юридически“». И опять уже знакомый довод: «не надо все-таки забывать, что когда зашла речь о продаже Марксу моих сочинений, то у меня не было гроша медного, я был должен Суворину, издавался при этом премерзко, а главное, собирался умирать и хотел привести свои дела хотя бы в кое-какой порядок. Впрочем, время не ушло и не скоро еще уйдет, нужно обсудить все как следует, а для сего недурно бы повидаться с Пятницким» (11, 119).

Пятницкий как издатель понимал, что Чехов прав. После того как его сочинения начали выходить приложением к «Ниве», не могло быть и речи о новом их издании. Поэтому он, в отличие от Горького, предлагал добиваться лишь изменения условий, с тем чтобы получить с Маркса третью часть заработанных им на Чехове «400 тысяч» и откупить право публикаций будущих произведений[16].

Роль посредника в переговорах с Марксом взял на себя издатель «Журнала для всех» Виктор Сергеевич Миролюбов. Почему не Пятницкий или Грузенберг, который довольно охотно соглашался взяться за это «дело»? Да

потому, что Чехов не хотел придавать ему никакой огласки. И как выясняется из письма к нему Миролюбова, он и ему не дал никаких документально подтверждающих полномочий на переговоры с Марксом. Именно на этом основании Маркс и не пожелал с ним беседовать по этому поводу, выразив желание говорить лично с Чеховым. Никаких полномочий Миролюбову Чехов, несмотря на его желание выступить в роли посредника и в дальнейшем, не послал. И не потому, что его убедили приведенные Миролюбовым слова Маркса, что он вынужден «„доходами от ходких книг“ покрывать „убытки от книг, плохо идущих“»[17]. Чехов лишний раз убедился в том, что с Марксом по столь деликатному поводу может говорить лишь один человек — он сам.

Такая беседа состоялась 14 мая 1903 г. О том, как она проходила, известно немного, лишь то, что писатель сообщал сестре: «С Марксом я говорил, но особенного пока ничего не вышло. Он дал мне очень много (около 4 пудов) книг в роскошных переплетах; предлагал „на лечение“ 5 тысяч, я, конечно, не взял» (11, 219—220).

Руководители «Знания» весьма и весьма были заинтересованы в сотрудничестве Чехова. Этого они никогда не скрывали, но было бы ошибкой объяснять их горячее участие в его делах только этой причиной. Шла борьба за право литератора полностью распоряжаться плодами своего труда, поэтому неудивительно, что частному инциденту придавался широкий, общественный характер.

Искренне желая помочь Чехову, М. Горький и Л. Андреев подготовили письмо к Марксу, приуроченное к 25-летнему юбилею литературной деятельности Чехова, которое подписала целая группа литераторов (И. Бунин, В. Вересаев, В. Гольцев, А. Серафимович, Е. Чириков и др.): «Мы знаем,— писали авторы письма,— что за год, протекший с момента договора, вы в несколько раз успели покрыть сумму, уплаченную вами А. П. Чехову за его произведения: помимо отдельных изданий, рассказы Чехова, как приложение к журналу „Нива“, должны были разойтись в сотнях, тысячах экземпляров и с избытком вознаградить вас за все понесенные издержки. Далее, принимая в расчет, что в течение многих десятков лет вам предстоит пользоваться доходами с сочинений Чехова, мы приходим к несомненному и печальному выводу, что А. П. Чехов получил крайне ничтожную часть действительно заработанного им. Бесспорно нарушая имущественные права вашего контрагента, указанный договор имеет и другую

отрицательную сторону, не менее важную для общей характеристики печального положения Антона Павловича: обязанность отдавать все свои новые вещи вам, хотя бы другие издательства предлагали неизмеримо большую плату, должна тяжелым чувством ложиться на А. П. Чехова и, несомненно, отражаться на продуктивности его творчества... Он лишен возможности давать свои произведения даже дешевым народным издательствам. И среди копеечных книжек, идущих в народ и на обложке своей несущих имена почти всех современных писателей, нет книжки с одним только дорогим именем — именем А. П. Чехова»[18].

Н. Д. Телешов, опубликовавший этот документ, писал, что, узнав о письме, Чехов просил не обращаться с ним к Марксу, аргументируя свою просьбу в таких приблизительно словах: «Я своей рукой подписывал договор с Марксом и отрекаться мне от него неудобно. Если я продешевил, то значит, я и виноват во всем: я наделал глупостей. А за чужие глупости Маркс не ответчик. В другой раз буду осторожней»[19].

По странной забывчивости Телешов, публикуя это письмо, не назвал в числе подписавшихся М. Горького и В. Дорошевича, а это обстоятельство имело немаловажное значение. Нисколько не сомневаясь в искренности порыва, побудившего целую группу писателей поставить свои подписи под письмом, следует все же сказать о некоторых преувеличениях, заключенных в его строках, поскольку помимо воли его авторов они сыграли известную роль в развернувшейся после смерти Чехова полемике[20].

Маркс дважды выпускал собрание сочинений Чехова: в 1899—1901 гг.— десятитомное издание тиражом в 20 тыс. экз. и в 1903 г.— шестнадцатитомное, выпущенное приложением к «Ниве». Тираж последнего составлял не менее 235 тыс. экз. (таков был тираж журнала в 1902 г.). Подписчики могли отказаться от приложения, поскольку требовалась доплата в 1 руб., но на практике подобного не случалось.

Том первого издания стоил 1 руб. 50 коп., комплект— 15 руб., следовательно, при тираже 20 тыс. экз. (наивысший тираж отдельных томов) общая сумма номинала составила 300 тыс. руб. За вычетом гонорара оставалось 225 тыс. руб. Хотя сочинения Чехова Маркс печатал в собственной типографии, нельзя забывать о производственных издержках, расходах на бумагу, весьма дорогую в начале века, и т. п. По обычной для того времени кальку-

ляции они составляли не менее трети номинала, т. е. примерно 100 тыс. руб. К этой сумме следует добавить книготорговую скидку в 30% и расходы по пересылке издания, которые в общей сложности составляли не менее 90 тыс. руб. Таким образом, чистый доход Маркса от первого издания вряд ли мог превысить 35 тыс. руб.* Что же касается сочинений, приложенных к «Ниве», то все 16 томов стоили подписчику журнала всего 1 руб., другими словами, 6 коп. за том. Ни одно «народное» издание не стоило так дешево. Маркс отнюдь не кривил душой, когда писал Чехову: «Приложение ваших сочинений при „Ниве“ сделает их доступными для большого круга читателей, притом таких, которые по недостатку средств не имели возможности приобрести отдельное издание». Объясняя Чехову, почему он не может последовать его совету и исключить из собрания «Остров Сахалин» и драматургические произведения, Маркс в другом письме утверждал, что «это несколько уменьшило бы предстоящие ⟨...⟩ на будущий год огромные затраты. Но сделать это я не могу, так как, объявив полное собрание ваших сочинений, считаю своей обязанностью дать все, что вошло в отдельное 10-томное издание»[21].

Издатель не остался в накладе, доход от первого издания покрыл убытки второго, а если и не покрыл, то почти бесплатное собрание сочинений Чехова стало хорошей рекламой для «Нивы» и немало способствовало увеличению ее тиража.

Авторы письма имели основания утверждать, что договор лишил Чехова возможности «давать свои произведения даже дешевым народным издательствам», хотя и оставлял за ним право печатать их «в литературных сборниках с благотворительной целью». Когда в январе

---

*В одной из столичных газет был приведен иной расчет, исходивший из того, что общий номинал выпуска при тираже сочинений в 12 тыс. экз. составлял сумму в 180 тыс. руб. По мнению анонимного автора, в каждом томе насчитывалось около 25 печатных листов (в действительности объем был несколько меньшим). Отсюда делался вывод, что издание каждого тома обходилось Марксу около 2500 руб. (стоимость печатного листа при 12 тыс. экз. исчислялась в 100 руб.), 10 томов — в 25 тыс. руб., книгопродавческая уступка (у Маркса не было собственных магазинов) в 30% (аноним считал, что в данном случае она не превышала 20%) составляла 54 тыс. руб., реклама, пересылка и другие расходы — еще 26 тыс. руб. Таким образом, «набегало» примерно 105 тыс. руб. Следовательно, у издателя оставалось в кармане 75 тыс. руб. Но их он должен был возвратить в качестве гонорара автору. (Н. Г. О самооправдании г-на А. Ф. Маркса (Письмо в редакцию). — С.-Петербург. ведомости. 1904. 16 июля.)



Чехов А. П. Полное собрание сочинений. Том первый. Фронтиспис и титульный лист

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АНТ. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

съ приложеніемъ портрета Антона Чехова.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1903.

1899 г. И. И. Горбунов-Посадов от имени «Посредника» обратился к Чехову с просьбой выпустить некоторые его рассказы копеечными изданиями, предназначенными народному читателю, то писатель уже был не волен ими распоряжаться. Позднее с аналогичной просьбой Горбунов-Посадов обратился к Марксу, но не получил его согласия, хотя незадолго перед тем тот охотно разрешил «Посреднику» перепечатку рассказов Лескова[22]. Возможно, отрицательный ответ объяснялся тем, что Маркс сам намеревался выпустить чеховские рассказы дешевыми изданиями. Так, например, И. П. Видуэцкая считает, что Маркс намечал «издать вслед за собранием сочинений серию сборников чеховских произведений для народа, включив в них по преимуществу те произведения, которые не вошли в собрание сочинений»[23] (на манер иллюстрированных изданий произведений Гоголя). Этот вывод обосновывался анализом сохранившихся в архиве издательства трех вариантов списков «Брошюры из сочинений А. П. Чехова. Серия 1-я (для самых неподготовленных читателей)», в составлении которых принимали участие А. Ф. Маркс и Н. А. Рубакин. Думается, однако, что списки эти связаны с начинанием, предпринятым уже после смерти Маркса его вдовой Лидией Филипповной, о чем будет сказано несколько ниже.

Высказанную мысль скорее подтверждает другой документ — письмо Н. П. Кондакова писателю (5 февраля 1901 г.), в котором тот сообщал, что «Маркс обратился в Общество вспомоществования художников ⟨...⟩ с предложением художникам (которые там подешевле) заняться иллюстрацией рассказов и повестей А. П. Чехова. Пока не получено рисунков, художники говорят: за этими иллюстрациями просидишь за одною месяц, а заработка выше 20 рублей не обретешь»[24]. И. П. Видуэцкая предполагает, что в данном случае речь идет о намерении Маркса проиллюстрировать собрание сочинений Чехова. Но какое? То, что он собирался пустить приложением к «Ниве»? Но, как известно, Маркс никогда никакие собрания сочинений не иллюстрировал, тем паче предназначенные для приложений. Следовательно, не исключено, что он действительно предполагал выпустить серию дешевых изданий произведений Чехова или поместить эти рисунки в «Ниве» под постоянной рубрикой «Литературный альбом».

Но если утверждение о намерении Маркса выпустить серию произведений Чехова для народа нуждается все же в более веских доказательствах, то бесспорно другое —

именно благодаря «нивским» приложениям они стали общедоступны. «Читающая Русь получила сочинения Чехова за гроши, и Чехов разошелся в сотнях тысяч экземпляров» только благодаря А. Ф. Марксу не без основания писала после смерти писателя одна столичная газета[25].

Не в пример многим другим издателям Маркс, как правило, соглашался на перепечатку старых чеховских произведений в изданиях, предпринятых с благотворительной целью. Впервые публикуемыми, согласно договору, распоряжался сам автор. Именно этим положением и воспользовались руководители издательства «Знание», когда вознамерились включить в очередной сборник пьесу Чехова «Вишневый сад».

История публикации «Вишневого сада» на страницах второго сборника «Знание» вкратце такова: 16 октября 1903 г. Горький и Пятницкий попросили Чехова дать пьесу для сборника, оговорив свое предложение очень высоким гонораром — 1500 руб. за лист. Горький не был в восторге от пьесы, как об этом можно судить по его письму Пятницкому («Слушал пьесу Чехова — в чтении она не производит впечатления крупной вещи»), однако как «гвоздь» она безусловно была необходима[26]. К сожалению, обстоятельства складывались неблагоприятно. Цензура из-за рассказов Е. Чирикова и С. Ю. Юшкевича задерживала сборник, и он вместо января вышел лишь в самом конце мая 1904 г. Факт этот имел немаловажные последствия, так как для того, чтобы оправдать расходы по изданию, нужно было продать несколько десятков тысяч экземпляров сборника: «Летом покупают мало. Можно рассчитывать только на осень. Всякий удар, нанесенный сборнику до осени, должен сильно отразиться на его успехе»,— писал Пятницкий, встревоженный сообщением о подготавливаемом Марксом дешевом издании пьесы[27].

Не ведая истории мытарств, которые претерпел сборник «Знание», Маркс в начале года заручился согласием Чехова на отдельное издание пьесы. В письме к нему от 12 марта 1904 г. он писал: «Пьеса, как Вы мне сообщили в письме от 3 февраля, будет в скором времени обнародована, я распорядился уже теперь о наборе пьесы для моего издания ⟨...⟩ Само собой разумеется, что мое издание будет выпущено только после того, как пьеса будет вами обнародована в повременном издании или, как вы предлагаете на этот раз, в сборнике с благотворительной целью». Одновременно Маркс выслал и гонорар — 2 500 руб.

Чувствуя свою невольную вину перед «Знанием», Чехов 31 мая просил Маркса задержать выпуск пьесы в свет, на что 2 июня последовала ответная телеграмма Маркса: «Крайне огорчен невозможностью исполнить Вашу просьбу и удивлен, что не предупредили меня своевременно ⟨...⟩ О выходе пьесы помещено объявление в номере 23 ,,Нивы", которого уже отпечатано около ста тысяч экземпляров, часть которых сегодня разослана. Будут поступать заказы, отказывать в высылке объявленной книги для меня более чем неудобно, поэтому при всем желании не могу ничего сделать»[28].

Нет никаких оснований сомневаться в правдивости приведенных слов. Журнал выходил и рассылался по графику с точностью утренней газеты, и не вина Маркса, что конфликт, приняв характер конкурентной борьбы, стал широко известен в литературных кругах, чем доставил немало огорчений смертельно больному писателю.

Многие биографы Чехова и исследователи его творчества так или иначе касались договора писателя с Марксом. Одни из них рассматривали его как акт благоприятный для Чехова и в конечном счете имевший больше положительных сторон, чем отрицательных, другие считали его невыгодным для писателя, а некоторые — просто кабальным, закрепостившим его чуть ли не на вечные времена, хотя, как известно, договор был ограничен двадцатилетним сроком. Многое, по мнению наиболее объективных исследователей, объяснялось тем, что подъем издательского дела на рубеже двух веков кардинально изменил ситуацию в гонорарной политике, чего, естественно, не мог учесть Чехов[29]. Думается, однако, что в явной недооценке чеховского литературного наследия сыграла немалую роль современная критика, относившая его еще в начале нынешнего века к числу «крупных второстепенных писателей»[30]. Это высказывание В. Буренина (он ставил Чехова в один ряд с Лесковым, Гаршиным, Гл. Успенским и Короленко) опиралось на общественное мнение, перелома в котором он не уловил. Да и не мог Маркс оценить талант Чехова в полную меру.

Кто бы и как бы ни судил об этой сделке, но не следует забывать о том, что Маркс — единственный из издателей — предложил Чехову сумму, устроившую писателя. Поэтому обвинять издателя во всех смертных грехах, как это делалось вплоть до недавнего времени, нет никакого основания[31]. Договор нельзя оценить однозначно. Тем более, что, как справедливо считает И. П. Видуэцкая,

«Чехов согласился на условия, предложенные Марксом, с полным сознанием всех предстоящих выгод-потерь ⟨...⟩ Необходимость заставила Чехова продать свое право литературной собственности, и договор с Марксом был для него не худшим выходом»[32].

Чтобы закончить разговор о договоре, следует сказать несколько слов о человеке, сыгравшем важную роль в его заключении, — Петре Алексеевиче Сергеенко.

Как явствует из его писем к Чехову, разговор о желательности приобретения собственности на сочинения писателя возник по инициативе Ю. О. Грюнберга. Его и следует считать инициатором заключения договора. Этот факт подчеркивает сам Сергеенко. («Грюнберг — наш и все сделает, чтобы не допустить туч на твое чело»; «больше всего сделка обязана Юл. Ос. Грюнбергу и его горячему отношению к тебе»)[33].

Что касается какой-то личной заинтересованности Грюнберга в этом деле, то возможность такого рода предположений категорически отрицалась самим Сергеенко. («Я попробовал, — писал Сергеенко, — заезжать насчет благодарности, но он осадил меня и хорошо бы сделал, если бы заехал, что называется, в морду»). Но если Грюнберг был бескорыстен в своем содействии заключению договора, то этого никак нельзя сказать о Сергеенко.

Уверяя Чехова, что моральное удовлетворение от совершенного искупает полностью все его усилия, Сергеенко всячески подчеркивал свой расчет на возможность «сорвать» в дальнейшем с Маркса «какой-нибудь куш для доброго дела» или «аванс»[34]. Другими словами, пытался завязать более тесные отношения с могущественным издателем «Нивы».

Такое объяснение выглядело вполне правдоподобно и, видимо, устраивало Чехова. Однако вскоре отношения между ними испортились настолько, что Чехов, как вспоминал Потапенко, старался избегать всяческих встреч с ним, а в письме В. Л. Кигну писал, что продажу сочинений устроил «некий Сергеенко». Охлаждение наступило вскоре после заключения договора, но до того, как Чехов стал проявлять первые признаки недовольства им. И вряд ли причиной этому послужил характер Сергеенко[35]. Виной всему были неожиданно проявившиеся поползновения Сергеенко на часть, хотя и отраженную, славы своего знаменитого однокашника. 15 февраля 1899 г. он писал Чехову: «Теперь по самому главному! При-

нявши некоторое участие в твоих делах, мне бы хотелось довести мою роль до конца и принять участие (с правом совещательного голоса) в издании полного собрания твоих сочинений. Прежде всего, мне кажется, издание должно быть хорошо проредактировано и вещи сомнительного достоинства отделены безусловно...»[36] Советы Сергеенко не оставляли никакого сомнения, на какую роль он претендовал. Однако Чехов не нуждался в соредакторе. Не только Сергеенко, но и никого другого в этой роли он не хотел видеть.

Не получив никакого отклика на это предложение, Сергеенко еще раз, но более робко напомнил о нем через месяц. Ответа и на это письмо не последовало.

* * *

В ночь на 2 июля 1904 г. в немецком курортном городке Баденвейлере умер Чехов. Случилось так, что, несмотря на все перипетии весьма сложных его отношений с Марксом, выпущенные последним собрания сочинений сыграли исключительную роль в популяризации творчества писателя и в громадной степени обогатили представления о нем современников. С полной уверенностью можно сказать, что если бы со временем Суворин и выпустил собрание сочинений Чехова, то оно не могло бы идти ни в какое сравнение с марксовским ни по своему составу, ни по степени той громадной работы по авторедактированию, которую проделал писатель. Известно, например, что из посланных для первого тома марксовского собрания сочинений 65 рассказов, до этого не включавшихся в сборники писателя, только половина была в корректурных листах. Другими словами, их число вдвое превышало число рассказов, включенных в предполагавшееся издание Суворина. Из переписки Чехова с Марксом хорошо видна громадная помощь, оказанная издателем по разысканию ранних произведений писателя. В качестве доказательства можно сослаться на письмо А. Ф. Маркса от 16 марта 1899 г.: «...Посылаю Вам ценной посылкой журналы „Зритель“ за 1882 г. и „Сверчок“ за 1887 г. Они взяты из Императорской публичной библиотеки, и мне нужно возвратить их в самом скором времени. В Ялте, как Вы мне писали, у Вас нет переписчика, то не найдете ли Вы более удобным только отметить Ваши статьи и одновременно с возвращением журналов прислать мне точные указания, а я уже здесь позабочусь о том, чтобы статьи были верно и

точно списаны»[37]. Помощь была особенно важна потому, что добровольные помощники писателя вне Ялты явно не справлялись с этой задачей.

Чехов спешил с выпуском своих сочинений. И в этом плане Маркс также шел ему навстречу: «Вы говорите, — писал он Чехову 20 февраля 1899 г., — что для Вас было бы удобнее, если бы к изданию было приступлено до мая. Я этому весьма рад, и с моей стороны никаких препятствий к скорейшему выходу издания не встречается»[38].

Наконец, нельзя забывать, что благодаря весьма значительной сумме, полученной им от Маркса, Чехов оказался материально обеспеченным человеком и смог последние пять лет жизни спокойно работать и даже позволить себе длительные заграничные путешествия.

Смерть писателя как бы снимала все пересуды, доказывая разумность договора. В то же время она заставила недругов писателя сменить деготь на елей. Редактор «Гражданина» В. Мещерский объявил Чехова примерным христианином и кадил его памяти. «Новое время», забыв, что буквально месяц назад печатало статьи-пасквили В. Буренина, поспешило объявить о своей готовности взять на себя расходы по похоронам Чехова. Правда, это предложение тут же было отклонено. Влас Дорошевич не без сарказма писал: «Русское общество, я уверен, с удовольствием узнало, что благочестивое и великодушное предложение „Нового времени“ принять похороны А. П. Чехова на свой счет отклонено»[39].

Однако и Маркс почувствовал тяжесть десницы известного фельетониста. Когда он прислал в редакцию «Русской мысли» для возложения на гроб почившего писателя венок с надписью «Незабвенному сотруднику и дорогому другу от издателя „Нивы“ А. Ф. Маркса», послышались негодующие голоса (а может быть, и просто инспирированные), заставившие его снять с ленты слова „дорогому другу“. На венке осталась только скромная надпись: „Незабвенному сотруднику от А. Ф. Маркса“[40]. Вот тут-то „Русское слово“, правда в анонимной заметке (хотя в ней явно чувствовалась рука В. Дорошевича), попыталось показать всю несостоятельность претензий издателя „Нивы“. Статья не случайно оказалась без подписи — от уничижительного заголовка („Мщение г. Маркса“) до дешевой игры слов, приведенной чуть ли не в качестве главного аргумента, попахивало скорее духом бульварной газеты, чем солидного либерального органа:

«г. Маркс написал „дорогому другу" просто по незнанию русского языка? Кто-нибудь объяснил ему неудобство такого самозванства? И г. Маркс поспешил уничтожить вовсе не лестную для покойного надпись. Слава Чехова, конечно, ничего не потеряет от того, что г. Маркс лишил его звания своего „дорогого (?) друга". Вся эта „месть" способна вызвать улыбку. И улыбку только пренебрежительную»[41].

Невольно напрашивается вопрос: зачем анониму понадобился столь дешевый прием уничижения издателя „Нивы"[42].

Для того, чтобы на него ответить, следует вспомнить, с чего загорелся сыр-бор. На следующий день после смерти Чехова „Русское слово" напечатало большую статью В. Дорошевича, посвященную памяти писателя. Статья состояла из ряда миниатюр-воспоминаний, в том числе касающихся взаимоотношений Чехова с Сувориным и Марксом. Ни на минуту не сомневаясь, В. Дорошевич писал, что «Чеховым Россия обязана Суворину. Не пригласи его „Новое время", Чехов, в силу нужды, сгиб бы в юмористических журналах и мелких газетах». В то время как Суворин „облагодетельствовал" Чехова, Маркс лишь разжился на нем. «В наше время, когда репортер жалуется, что зарабатывает всего триста рублей, когда 12 тысяч рублей в год — гонорар очень заурядного журналиста, а мало-мальски выдающийся получает от 25 до 35 тысяч в год, — 75000 р. „за Чехова" очень и очень маленький гонорар»[43].

К бойкости пера Дорошевича читатели «Русского слова» привыкли и даже любили за это, но такие неумеренные восторги по адресу «благодетеля» Суворина не могли их не смутить. Имелось в статье и немало откровенных передержек. Это обстоятельство заставило другого, не менее известного в те годы журналиста А. В. Амфитеатрова указать на них, в том числе и на колоссальную разницу в курсе рубля в конце века и в период русско-японской войны, и весьма деликатно заметить, что «при бесспорной высоте цен мне все-таки показались преувеличенными примерные цифры, выставленные Дорошевичем в статье „Русского слова". Ну, где же они, эти „мало-мальски выдающиеся" журналисты с доходами в 25—30000 рублей в год?! Одного я такого знаю, но он не „мало-мальски", а чрезвычайно выдающийся, и зовут его Влас Михайлович Дорошевич. А еще кто же? Нет, о журналистах столь высокой доход-

ности Влас Михайлович мог написать только, сидя в очень многозеркальном кабинете, каковой и был у него в Петербурге».

В статье Амфитеатрова содержалось и другое недвусмысленное высказывание, заставившее Дорошевича подумать о своей репутации: «В числе негодующих на г. Маркса голосов есть и издательские...” — писал Амфитеатров, упоминая строкой ниже имена издателей „Русского слова” и „Нового времени”. По его словам, Чехов „взял наибольшую сумму предложения”, почему его произведения и „очутились в руках совершенно чужого ему издателя, г. Маркса, а не у дружески связанного с ним А. С. Суворина в Петербурге и не у Сытина в Москве”[44] (в свое время Сытин намеревался издать только избранные юмористические произведения Чехова, но отнюдь не собрание его сочинений).

Нет никаких оснований думать, что Дорошевич хотел кому-то из них «подыграть», тем более что о добром отношении Сытина к Марксу ему хорошо было известно. Но неловкость создавшегося положения Дорошевич, несомненно, почувствовал. Человек, поставивший свою подпись под гневным письмом „братьев-литераторов”, он никак не мог прослыть выразителем интересов издателей-конкурентов. Поэтому ему ничего не оставалось, как, придравшись к случаю, поиздеваться и над „Новым временем” за попытку спекулировать именем Чехова, а заодно „кольнуть” и А. Ф. Маркса, как бы подтверждая справедливость высказанных ранее обвинений (даже если анонимная заметка и не принадлежала перу Дорошевича, она, бесспорно, направлена в защиту его позиции). Это тем более необходимо было сказать, что „Русское слово” оказалось, вероятно, единственной газетой, перепечатавшей с рекомендательной врезкой („Самую интересную статью о Чехове должен был написать А. С. Суворин...”) воспоминания издателя „Нового времени”, направленные против Маркса[45].

По словам Суворина, Маркс купил у Чехова за 75 000 руб. и то, что было, и то, что будет напечатано, с уплатой этих денег в течение трех лет. Издатель требовал от писателя как можно больше рассказов и составил из них несколько томов. Естественно, что Маркс выручил выплаченную Чехову сумму первым же изданием. В это время автор, получая деньги частями, неосмотрительно затеял строительство дачи. Деньги очень быстро растаяли, и Чехов снова остался без гроша

в кармане[46]. Кроме того, он писал об известной уже читателю попытке Чехова изменить условия договора и о предложенных Марксом 5 000 руб. «на поездку за границу».

В ответном письме в редакцию журнала Маркс сообщал, что 75 тыс. руб. им заплачено лишь за произведения, напечатанные до заключения договора. За все последующие, ранее напечатанные в повременных изданиях, следовал особый гонорар, доведенный до 1 000 руб. за лист. Собрание сочинений редактировалось самим автором, и поэтому в него вошли только произведения, им самим отобранные. Гонорар был выплачен не в три, а менее чем в два года.

Письмо Маркса издатель „Нового времени" снабдил своими примечаниями, в которых пытался свести на нет все его опровержения, признавая лишь „неточность" в определении срока выплаты общей суммы гонорара. Жонглируя словами, он писал: „Я так и говорил о напечатанном, а не о написанном, но и написанное все принадлежит г. Марксу, как скоро оно где-нибудь появится в печати". Ссылаясь на условия договора, он утверждал, что 1 000 руб. с листа Чехов мог бы получить лишь в 1923 г. Хотя этот факт и не составлял секрета для современников, Суворин требовал от Маркса предъявления конторских книг (большего оскорбления для владельца конкурирующей фирмы он не мог придумать!). Изворачиваясь, Суворин невольно оскорблял и память Чехова, когда, ссылаясь якобы на его слова, писал, что «Маркс желал получить как можно больше из тех рассказов, которые Чехов печатал под псевдонимом Чехонте и которые сам считал слабыми. Уступая просьбе г. Маркса, он жертвовал своим литературным вкусам в пользу прибылей издателя». Далее опять следовал старый тезис об издательских барышах и убытках автора, что в устах Суворина выглядело особенно неубедительно[47].

В ответ на комментарий издателя „Нового времени" Маркс направил в газету еще одно письмо, в котором приводились документы, подтверждающие факт выплаты с начала 1904 г. гонорара Чехову 1 000 руб. с листа. И на этот раз письмо сопровождалось весьма пространным комментарием Суворина. Ссылаясь на Гончарова и Григоровича, бравших «с г. Маркса за печатный лист по 1 000 р. только за однократное помещение произведения в „Ниве"», он доказывал мизерность такой же ставки при приобретении права литературной собствен-

ности (правда, при этом Суворин почему-то забывал, что в одном случае речь шла о первой публикации, а в другом — о переиздании). Вновь требовал он от Маркса обнародования „полного отчета об изданиях Чехова" и как доказательство хищнических поползновений Маркса приводил слова писателя, что пункт о доходе с пьес он „отвоевал, приступом взял"[48] (этот пункт забыл включить Сергеенко). Что же касается Маркса, то он тоже забыл получить от Чехова подпись под „неустоечной записью". А ведь это ставило под угрозу столь выгодную для него сделку.

Дальнейшая полемика делалась явно бессмысленной. Марксу ничего не оставалось, как обратиться к суду общественного мнения, но уже со страниц другой газеты.

Маркс не был ни социалистом, ни филантропом. Он был предпринимателем, капиталистом в прямом значении этого слова. Но в деловом отношении он имел безупречную репутацию. Никому, кроме Суворина, не могла прийти мысль о ревизии его конторских книг. Да и Суворин помянул о них лишь для того, чтобы уязвить счастливого соперника, искренне не понимавшего, в чем же его вина. Ведь никто не обвинял Глазунова, за то, что он приобрел у Тургенева право литературной собственности за ту же сумму (по другой версии, за 60 тыс. руб.), что он у Чехова. А в глазах Маркса Тургенев был фигурой чуть ли не равной Толстому.

Последнее письмо Маркс опубликовал в „С.-Петербургских ведомостях". В нем он резонно спрашивал Суворина, почему тот, будучи человеком весьма и весьма состоятельным, не пришел в свое время на помощь Чехову и не заплатил ему за его сочинения такую же или бóльшую сумму? Не потому ли, что «он до сих пор был о них невысокого мнения, как видно из многочисленных статей, появившихся в „Новом времени“[49]».

С явным неодобрением встретили завязавшуюся полемику родные писателя. Его вдова О. Л. Книппер-Чехова публично протестовала против нее[50]. Сосед А. П. Чехова по Мелехову В. Н. Семенкович, передавший ему еще до Сергеенко предложение Маркса приобрести право литературной собственности, писал в редакцию „С.-Петербургских ведомостей“: «Антон Павлович всегда благодарил меня, что я первый подал ему мысль сойтись с ним (т. е. с Марксом. — *Е. Д.*). Все его домашние тоже были очень довольны и находили эту сделку очень выгодной» —

и приводил слова писателя, из которых явствует, что он „давно хотел разделаться с А. С. Сувориным“[51]. Маститый издатель Н. П. Карабасников в интервью с сотрудником «Петербургской газеты» заявил, что, кроме Маркса, «ни один из издателей не мог бы заплатить такой громадной суммы 〈...〉 Только при условии громадной подписки можно платить такие гонорары». Это интервью было перепечатано журналом Русского общества книгопродавцев и издателей как выражение общего мнения[52].

Не остались в стороне и другие столичные газеты: так, не отличающиеся в политическом плане от „Нового времени“, но враждебные суворинской газете, „Московские ведомости“ поместили статью П. Минина, в которой подробно разбирались все доводы Суворина и отвергались один за другим. Обвиняя мнимых друзей Чехова в спекуляции его памятью, П. Минин писал, что они в свое время могли и не ограничиваться «платоническими пожеланиями. Ведь есть у них и свое книгоиздательство, и свой театр. Все есть, только *гражданского мужества* не хватает. Рискнуть боялись, за *карман* страшно было... Нет, не искренны все эти вопли! Сквозь слезы здесь видна досада»[53].

Из чисто спекулятивных соображений воспользовался завязавшейся перепалкой и небезызвестный редактор „Гражданина“ кн. В. Мещерский, поспешивший „лягнуть“ своего давнего недруга — Суворина[54].

Нельзя сказать, что глубоко разобрались в вопросе более умеренные и даже либеральные газеты, увидевшие в конфликте лишь оборотную сторону конкурентной борьбы и простую досаду упустившего свой куш предпринимателя. Весьма симптоматично само заглавие статьи анонимного автора, опубликованной на страницах газеты „Новости“ — „Дешево стоит“. Дешево стоит вся шумиха, затеянная Сувориным, раз он сам ничего не сделал, чтобы как-то помочь писателю, обладая такими же возможностями, что и Маркс. „Маска упала и не закрывает своим фальшивым благообразием натуральных, скаредных очертаний“[55].

Возможно, еще какие-то столичные или провинциальные газеты в той или иной степени касались развернувшейся полемики. Одно лишь можно утверждать определенно: ни одна из них не поддержала Суворина (иначе бы он, несомненно, воспользовался этим обстоятельством). Столь прочная изоляция издателя „Но-

вого времени" не была случайностью. Реакционная, архишовинистическая позиция, которую занимала газета во всех вопросах внутренней и внешней политики России, никак не могла привлечь к ней общественных симпатий. Другое дело, что полемика приняла своеобразный оборот, затеняющий истинные причины неожиданной спекуляции Суворина.

Случилось так, что его явно не поняли. Не барыши Маркса волновали хитрого политика. Тем более, что он, как опытный издатель, отлично понимал, какой груз обязательств брала на себя фирма, приобретая право литературной собственности такого популярного и много написавшего автора, как Чехов*. В создавшейся ситуации Суворин увидел возможность поднять свое реноме, подыграв прогрессивным кругам. Ведь ему хорошо была известна история с неотправленным групповым письмом русских литераторов, предлагавших Марксу отказаться от прав собственности на сочинения Чехова. На это обстоятельство он прямо и указывал в одном из своих комментариев к письмам Маркса, правда, как всегда, слегка передергивая факты[56].

Но коль справедливо высказанное предположение, резонно встает вопрос: почему Суворин не воспользовался возможностью прямой апелляции к общественному мнению? Факт остается фактом. Такого рода выступления в печати не появилось. Однако это не значит, что оно не подготавливалось.

История иногда сохраняет удивительные свидетельства, да еще с такой полнотой, что приходится только удивляться. Остались черновики, корректуры и окончательный вариант ответа Суворина своим оппонентам. Ответа напечатанного, но не обнародованного. Как можно судить по этим материалам, Суворин взялся за него после того, как полемика между ним и Марксом перешла со страниц "Нового времени" на страницы других газет (в черновике содержится ответ кн. В. Мещерскому).

*Когда «Т-во А. Ф. Маркса» в 1911 г. переиздавало приложением к «Ниве», но уже в 23 томах, сочинения Чехова, то в него были включены многие из тех ранних произведений, которые автор по чрезмерной мнительности и придирчивости к себе исключил из первого собрания. «Остается лишь пожелать, чтобы в бумагах Чехова нашлось как можно больше материалов, годных к изданию, так тем более будет расти цифра вновь отпечатанных листов, а следовательно, и цифра чеховского литературного наследства. Сейчас оно ⟨...⟩ приблизительно выражается в тысячах 150—200», — писал один из его современников (Амфитеатров А. В. Курганы. 2-е изд., доп. Спб., 1909. С. 30—31).

"Считаю необходимым прежде всего сказать ему (т. е. Марксу — *Е. Д.*), — писал Суворин, — что он ничего не понимает в таком вопросе, о котором заговорил. Дело совсем не в том, дорого или дешево заплатил Маркс Чехову, а в том, что Чехов мучился тем, что продал право собственности на свои сочинения не только прошедшие, но и будущие"[57].

Однако, написав эти строки, Суворин понял, что уподобится гоголевской унтер-офицерской вдове, если их обнародует. Чего не разумел капиталист Маркс, то должен был понимать „просветитель" Суворин. В любой момент ему могли припомнить, что деньги, истраченные на одну постановку в его театре, перекрывали затраты на издание собрания сочинений Чехова; да и сам Суворин, как всякий предприниматель, упорно (и с пользой для дела) торговался с фабрикантами бумаги, пытаясь добиться от них уступок под большой заказ[58]. Поэтому ему ничего не оставалось, как попытаться доказать, сколь выгодно было Чехову у него печататься, самому оплачивая все производственные расходы, при книготорговой скидке в 30%. (Он умолчал лишь, что долг писателя конторе „Новое время" на март 1899 г. составлял 5 248 руб. 48 коп.).

Статья была сверстана в двух вариантах, но ни один из них не удовлетворил автора[59]. Коренным образом переработав статью и исключив всякий элемент полемики, он превратил ее фактически в справку, долженствующую подтвердить выгодность сотрудничества с ним для Чехова. (Не преминул он напомнить и о том, что за изданный им сборник „В сумерках" Чехов „получил Пушкинскую премию в 1000 р.".) Этот вариант был также набран и должен был увидеть свет как очередное „Маленькое письмо" под № DXVI, видимо, в середине июля[60]. Однако и на сей раз автор остался недоволен статьей. Во-первых, при всех раскладах выходило, что среднегодовой гонорар писателя почти за 11 лет сотрудничества не превышал 3 тыс. руб. Во-вторых, оставалось неясно, почему, если сотрудничество было таким безоблачным и выгодным для обеих сторон, Чехов рискнул его разорвать.

Подумав, Суворин решился было совсем не отвечать своим недругам, резонно предположив, что все рано или поздно канет в Лету. Вероятно, так бы оно и случилось, если бы не одно обстоятельство, заставившее его через два месяца после описываемых событий вновь

взяться за перо. «Мне не хотелось отвечать кн. Мещерскому, г. Любошицу, г. Семенковичу и проч., которые по поводу моего рассказа о продаже сочинений Чехова Марксу наговорили мне много упреков в такой злобной форме, что она избавляла меня от ответа, — писал Суворин. — Но в августовской книжке „Вестник Европы" занялся тоже этим вопросом»[61].

Хотеть-то хотелось, как видно из предшествующего изложения, но разумнее было смолчать. Однако, когда один из самых „солидных" русских журналов обвинил Суворина в том, что он поднял спор „из-за барышей" и его филиппики не имеют „вообще никакой связи с литературой", то молчание могло быть воспринято как полная капитуляция, тем более, что безымянный автор статьи, детально разбирая по пунктам все обвинения, выдвинутые Сувориным, доказывал их полную несостоятельность[62].

Волей-неволей приходилось оправдываться. Собрав все ранее написанное по поводу возникшего конфликта, Суворин пытался доказать, сколь важен был для Чехова союз с ним и с каким трудом писатель отвоевывал пункт за пунктом в договоре с Марксом. Когда Маркс, апеллируя к общественному мнению, ссылался на письма Чехова, то Суворин резонно замечал, что, как каждый деликатный и интеллигентный человек, Антон Павлович избегал резких формулировок, и любезности, встречающиеся в его письмах, никак нельзя принимать за истинное выражение его чувств. Но когда дело коснулось лично его, Суворина, то именно такого рода документ он и попытался использовать в качестве главного своего козыря. Речь идет о письме Чехова, в котором тот сообщал о заключении договора с Марксом и расторжении деловых отношений с Сувориным. Желая смягчить горечь свершившегося, писатель в весьма элегических тонах обрисовал их прошлое сотрудничество (хотя, если вчитаться в строки его письма, станет ясно, что в них исключалась какая-либо оценка прошлого). И наоборот, отношения с Марксом характеризовались фразой, свидетельствующей, что при заключении договора Чехов „отвоевал, приступом взял пункт о доходе с пьес". Художественное преувеличение, приятное адресату, выдавалось за непреложный факт.

Далее приводились расчеты, долженствующие подкрепить выгодность для Чехова суворинских изданий и обрисовать размеры барышей Маркса. Суворин не оста-

навливался перед прямой фальсификацией, утверждая, что „г. Маркс, купив сочинения Чехова, предъявил к нему требования на оставшиеся в продаже книжки“. На самом деле речь шла о чистых листах изданных Сувориным книг Чехова, которые он намеревался, выпуская небольшими тиражами, продавать под новыми титульными листами. Естественно, такая практика нарушила бы монополию Маркса.

Столь же достоверно было утверждение, что в задержке собрания сочинений Чехова оказался виноват сам автор. („Первая книжка приготовлялась довольно медленно, так как Чехов переделывал для нее свои маленькие рассказы“.) Не мог же знать Суворин о документах, подтверждающих вину фирмы, которые сохранились в архиве писателя (см., например, упомянутые письма управляющего конторой „Нового времени“). И опять же, говоря о предложенных Чехову за продолжение издания 20 000 руб. („без всяких обязательств, и, если б ему понадобилось больше, я дал бы с удовольствием, в чем Чехов никогда не мог сомневаться“), „забывал“ о подлинном тексте своей телеграммы („... если вы можете *обойтись* (курсив наш. — *Е. Д.*) двадцатью тысячами, я вам их тотчас вышлю“)[63].

Суворин с пафосом утверждал, что ему „всегда было противно покупать право литературной собственности у живого человека“, но „Вестник Европы“ резонно спрашивал, почему тогда „за капитальное сочинение покойного Н. К. Шильдера об Александре I уплачено было автору только три тысячи рублей и затем впоследствии добавочных три тысячи: быть может, всего 50 или 60 рублей за печатный лист“. Напоминание вполне уместное, поскольку именно в те дни, когда писались эти строки, Суворин объявил подписку на второе издание этого сочинения. На основной же вопрос своих оппонентов „почему он сам не купил сочинений Чехова“, Суворин отвечал весьма уклончиво: „Это очень сложный психологический вопрос и объяснять его здесь не место“.

Попытка реабилитации и самооправдания (последнее было для него не менее важно, чем первое) явно не удалась. Показав, сколько Маркс заработал на Чехове, Суворин отнюдь не предстал в качестве ближайшего друга покойного писателя, не доказал ошибочность избранного Чеховым пути. В конце концов получилось так, что писал он, скорее всего, для успокоения соб-

ственной совести и утверждения разумности содеянного.

„Знаньевцы“, на чью поддержку Суворин явно рассчитывал, не только не включились в завязавшуюся полемику, но не обмолвились по этому поводу ни единым словом; либеральные газеты не спешили обличать капиталиста-издателя, видимо, памятуя, что десятитомное издание сочинений Чехова, выпущенное тиражом в 10 тыс. экз., было бы значительно менее доступно народу, чем 16-томное, выпущенное более чем 200-тысячным тиражом, особенно если учесть, что в первом случае 1 руб. 50 коп. надо было платить за один том, а во втором — 1 руб. за все 16.

Все свидетельствовало о том, что очередная филиппика Суворина не встретит никакой поддержки. А раз так, то он приказал отпечатать в одном экземпляре свое очередное «маленькое письмо» (в треть авторского листа) на отличной бумаге в виде небольшой брошюры, поместив, вопреки обычаю, свою подпись не в конце текста, а над заголовком. Пусть будущие читатели узнают, что последнее слово осталось за ним.

* * *

Стоило ли столь долго и пространно доказывать, что общество всегда в состоянии отделить „овец от козлищ“, даже тогда, когда кто-то пытается спекулировать на самых гуманных чувствах? Вероятно, да! Время подчас стирает из памяти детали и оставляет слишком общие воспоминания о том или другом событии. То, что было широко известно и не вызывало сомнений у современников, становится со временем предметом пересудов и кривотолков, в которых нетрудно уловить отзвуки былой полемики.







Лидия Филипповна Маркс

Жизненный долг

По образному выражению одного известного публициста, Адольф Федорович Маркс сделал „для России больше, чем иной министр народного просвещения"[1]. Подобным же образом много лет спустя скульптор С. Т. Коненков охарактеризовал деятельность другого русского издателя — И. Д. Сытина[2]. Вряд ли такого рода совпадения объясняются случайностью, скорее всего, их порождает общность явлений да известная давно истина, что министром становятся по назначению, а издателем — по призванию. По такому же точно призванию, какое должно быть у писателя, художника, артиста, инженера, врача. Естественно, если речь идет не о ремесленнике, а о настоящем враче, инженере, артисте, художнике, писателе; если речь идет о человеке, который видит в избранной профессии свое назначение.

Книжному делу Адольф Федорович Маркс посвятил всю свою сознательную жизнь. Он начинал мальчиком в магазине, а в день смерти владел крупнейшими в России издательством и типографией. История сохранила мало его портретных зарисовок, а те, что остались, чрезвычайно фрагментарны. Но суммируя отдельные высказывания и клочки воспоминаний, можно составить известное представление о нем.

«Я видел Маркса всего три раза в жизни, — писал А. В. Амфитеатров, — и единственными личными впечатлениями, которые вынес я из этих свиданий, остались необычайная деловитость, быстрая сметливость и решительность его в издательских вопросах. Это был огневой старик, даром что плохо слышал. Видел я также, что обожают его служащие и держит он всех на крепкой хозяйской узде, но его все уважают и любят. Он сумел остаться с народом, от него зависевшим, на полутоварищеской ноге, как мастера на то порядочные хозяева больших немецких фабрик, сами вышедшие из ра-

бочих,у которых за станками еще трудятся старые сверстники либо дети старых сверстников. В „Ниве“ Маркса было очень „просто“, именно по-фабричному просто — веяло духом деятельнической работы, а не бюрократического священнодействия»[3].

Рабочий день издателя „Нивы“, как вспоминал ее редактор Луговой, начинался в 9 часов утра, минута в минуту, строго по заведенному ритму. Не по годам легко поднявшись по широкой лестнице, Адольф Федорович сразу входил в свой кабинет и, „точно боясь опоздать“, садился за огромный письменный стол, „обремененный со всех сторон кипами уложенных в строгом порядке бумаг, книг, рисунков, рукописей“. Открыв все ящики стола, он надевал очки и приступал к сортировке корреспонденции и разборке бумаг. Бегло ознакомившись с наиболее важными из них, он быстро проходил по анфиладе комнат, чтобы поздороваться с сотрудниками и, обменявшись с некоторыми из них деловыми репликами, возвращался к себе. На этот раз он более внимательно просматривал накопившиеся бумаги и только после этого вызывал для доклада управляющего конторой, затем редактора, с которым обсуждал материал очередного номера, после чего принимал авторов.

К концу дня занятия принимали иной характер. Обычно, если в том была надобность, он сам отвечал немецким и французским корреспондентам, но чаще эти часы посвящал редакционной работе или самому любимому делу — подготовке карт для атласов. В последнем случае он мог забыть обо всем на свете и засидеться с профессором Э. Ю. Петри до позднего вечера. Тогда установленный порядок нарушался и уже в неурочное время вызывался „управляющий типографией брат А. Ф., Рудольф Федорович, которому по телефону был назначен этот час аудиенции для объяснения по делам типографии“[4].

После окончания работы, в 19.00, он, как правило, еще некоторое время оставался в своем кабинете, аккуратно укладывал бумаги и очень часто брал с собой домой очередную из предложенных рукописей.

«Осенью 1897 года А. Ф. заболел настолько серьезно, что доктора опасались за исход его болезни. Никого, кроме жены да управляющего конторой, покойного Грюнберга, к нему не допускали. Он, всегда точный и пунктуальный, задержал тогда на две недели выпуск

«Иллюстрированной библиотеки „Нивы“», так как не мог себе представить, чтобы книга вышла без его присмотра. Едва поднявшись с постели, с одышкой, слабым голосом, побелевший, похудевший, кутаясь в халат, вопреки угрозам доктора, он „по четверти часа в день“ занимался корректурными листами и беседовал с редактором»[5]. Случай оказался из ряда вон выходящим, и его многие запомнили.

„Маркс был издателем исключительного трудолюбия и работоспособности; дни и ночи безвыходно он проводил в редакции, следя за малейшими деталями дела и внимательно изучая читательские требования“, — свидетельствовал хорошо его знавший художник И. Н. Павлов[6]. Тесно связанный с редакцией „Нивы“ на протяжении ряда лет И. Э. Грабарь считал необходимым отметить еще одно качество Маркса — исключительное умение подбирать себе дельных помощников: „Осторожный и умный Маркс создал свое гигантское издательское дело не столько сам, собственными усилиями, сколько умелым подбором людей. Особенно ⟨...⟩ ему повезло с выбором Грюнберга, давшего делу тот его размах, который обозначился уже в 80-х годах, но достиг своего апогея к началу века. Адольф Федорович умел неотступно вести намеченную линию, не сбиваясь на мелочи. Он не был жаден и скуп, как большинство людей, превратившихся из бедняков в миллионеры. Он шел на широкие перспективы и не жалел затрат, если его удавалось убедить в своевременности и беспроигрышности той или другой затеи“[7].

В черточках набросанного портрета издателя „Нивы“ проглядывают качества, обеспечившие успех его начинаний: любовь к делу, железное трудолюбие, неукротимая энергия, организаторский талант и деловая безупречность. Сын своего времени, он руководствовался теми принципами, которые выработало общество, которому он принадлежал и законами которого следует его судить. Наивно было бы полагать, что, вступая на издательское поприще, Адольф Маркс думал исключительно о просвещении русского народа. Ничего подобного. В тот момент перед ним стояла одна цель, одна задача: создать свое „дело“. Но преуспеть он мог и в других, более легких и выгодных предприятиях. Однако из всех путей к успеху выбрал любимое им книжное дело и посвятил ему всю свою жизнь. Сознательно или интуитивно он сделал свой выбор, понимал ли в полной

мере, что нужно тому народу, интересам коего собирался послужить, вопрос, в сущности, праздный, ибо никто и никогда не ответит на него с полной определенностью.

Маркс начинал с „ничего". У него не было ни имени, ни денег, ни связей. Он зависел от авторов не менее, чем от подписчиков. Не имея высокопоставленных друзей, он всегда должен был помнить о „власть предержащих". И все же он ничем и никогда не запятнал своего имени. И. Н. Потапенко писал, что Маркс „в своей издательской карьере действовал смело, с риском, но никогда не прибегал к шахер-махерству и всегда добивался успеха честными средствами"[8]. «Издательским тактом он был наделен в высокой степени. Для изданий, подобных „Ниве", русские цензурные условия тяжелы чрезвычайно, и, чем более распространеннее издание, тем более строго и подозрительно следящее за ним „недреманное око". „Политика", в каком бы то ни было виде, в „Нивах" и т. п. совершенно невозможна, и потому „направления" от них нельзя и требовать. Но сплошь и рядом видели мы примеры, как эти издания, в изворотливости перед цензурною властью, старались обеспечить свое существование таким угодничеством даже не учреждению, а вкусам и взглядам того или другого лица, ведавшего учреждением, стремились доказать свою благонадежность таким святошеством и „квасным патриотизмом", что цензора и то ⟨...⟩ говорили о них с отвращением. ⟨...⟩ Маркс провел „Ниву" незапятнанною в этом отношении», — отмечал другой, не менее известный, публицист А. В. Амфитеатров[9]. Автор „Господ Обмановых" знал, как создаются богатства на Руси, а потому и счел необходимым сказать несколько добрых слов об удачливом чужеземце, резко выделив его из ряда многочисленных охотников за золотым тельцом.

Современники не без оснований называли Маркса одним из творцов высоких литературных гонораров. Казалось, не считая денег, опережая конкурентов, перекупал он права литературной собственности за десятки тысяч рублей. А ведь, что греха таить, русские литераторы до него не могли похвастаться большими гонорарами. При продаже имущества А. Ф. Базунова, после его разорения, по оглашенной расписке Глеба Успенского выяснилось, что издатель платил ему 8 руб. с листа, а Николаю Успенскому — еще меньше: за целый сборник рассказов было уплачено всего-навсего 25 руб. Немногим больше получал и Лесков — 30 руб. за лист. Писемский

был счастлив, когда продал Ф. М. Стелловскому на пять лет право издания всех написанных им восемнадцати романов, повестей и пьес за 8 тыс. руб., и с гордостью писал, что русская беллетристика встала на прочные ноги, раз находятся люди, идущие на подобный риск. (Как помнит читатель, надежды Стелловского на успех этого издания не оправдались.[10])

В 80-е годы литературные гонорары несколько поднялись. Недаром некий издатель в одном из стихотворений Некрасова, сокрушенно вздыхая, говорил:

«Дорог ужасно Тургенев —
Публики первый герой —
Это Елена, Берсенев,
Этот Инсаров... ой-ой!
Выгрузишь разом карманы
И поправляйся потом!
На Гончарова романы
Можно бы выстроить дом».[11]

Но эти писатели уже при жизни считались классиками. Поэтому когда Маркс в октябре 1883 г. предложил Григоровичу за его новую повесть «Гуттаперчевый мальчик» 400 руб. с листа, то Виктор Павлович Гаевский, самою судьбой призванный защищать авторские интересы, советовал писателю не раздумывая нести рукопись в „Ниву". Прочитав повесть, Маркс увеличил ставку и уплатил автору 2 000 руб., исходя из расчета 500 руб. за лист. «Григорович в восторге»,— отмечал в „Дневнике" Гаевский[12].

Мало кто мог упрекнуть издателя „Нивы" в скаредности. «Я знаю многих литераторов, — писал Амфитеатров, — которые, отправляясь к Марксу для условий, соображали, сколько бы „заломить" с него, и возвращались весьма сконфуженные, потому что старик, не дав еще им высказаться, сам предлагал гораздо больше, чем они собирались просить»[13]. И так было всегда, даже задолго до того, как состояние Маркса стало оцениваться в несколько миллионов. Когда в 1887 г. никому не известный автор двух рассказов П. П. Гнедич „заломил" с Маркса за повесть, как ему самому показалось, громадный гонорар — 10 коп. за строку, «Маркс сейчас же на это согласился»[14]. А ведь три года спустя редактор „Стрекозы" платил начинающему Чехову половину этой ставки.

Гонорары, установленные в „Ниве" с первых же дней существования журнала, заметно отличали его от других аналогичных изданий. Беллетристы получали за лист 100,

150, 175 руб. и более. Библиографы и переводчики — от 20 до 50 руб. Тогда как Суворин гораздо позднее (1884) все еще платил за лист переводного текста 25 руб.[15] Гонорары художникам были более высокими, поскольку издатель поначалу особо заботился о художественной стороне журнала. Не считаясь с расходами, он пригласил в „Ниву" известного петербургского гравера Л. А. Серикова с группой учеников и даже доски для них заказывал у лучших русских и зарубежных мастеров. О гонорарах знаменитостей и говорить не приходится. В 1892 г. издатель заключил с И. И. Шишкиным договор, согласно которому художник переуступал ему право на 60 досок с картин 1866—1892 гг. (для различного рода их воспроизведения) за 3 800 руб. Сумма эта по тем временам была более чем значительная[16]. Впрочем, перед Шишкиным Маркс всегда благоговел и издал выполненные художником офорты (правда, небольшим тиражом) столь великолепно, что, несмотря на весьма и весьма высокую цену (100 руб.), они были быстро распроданы.

Бывало, что благорасположенность, отличавшая Маркса, вступала в противоречие с его экономическими интересами, и тогда последние брали верх; случалось и обратное. Например, известно много случаев, когда Маркс разрешал авторам досрочно использовать проданные ему права на опубликованные в „Ниве" произведения, которые писатели намеревались выпустить отдельными изданиями. Он был расчетлив, но не мелочен.

Современному читателю начатый разговор может показаться не стоящим и выеденного яйца. Велик ли ущерб или доход, полученный от брошюры даже самого известного писателя? От того, что Маркс охотно откликнулся на такого рода просьбы Н. С. Баранцевича, С. Н. Елеонского, В. В. Крестовского и даже А. П. Чехова, он ведь не мог разориться[17]. Однако сам по себе этот вопрос не так-то уж и прост, как может показаться на первый взгляд. Ведь в такого рода просьбах многие издатели видели покушение на их собственность, а то и умаление своего престижа. Примером тому может служить конфликт, возникший между одной из крупнейших книжных фирм — издательством И. И. Глазунова и связанным с Л. Н. Толстым «Посредником» из-за выпущенного последним рассказа И. С. Тургенева «Перепелка».

«Посредник» выпустил брошюрку дешевым изданием, рассчитанным на народного читателя, руководствуясь тем, что рассказ этот был написан Тургеневым по просьбе

Софьи Андреевны Толстой для подготавливаемого ею сборника рассказов для детей и подарен ей автором, к сожалению, не закрепившим своего презента соответствующим актом.

Воспользовавшись этим обстоятельством, Глазунов предъявил иск «Посреднику». „Как-то плохо верится, чтобы Ваша почтенная фирма желала начать судебное преследование против нашей фирмы, которая ни в коем случае не является ей конкурентом, так как работает исключительно для своего народного лубочного рынка, очищению и просвещению которого мы посвящаем все наши силы“, — оправдывая свои действия, писал Глазунову в январе 1892 г. руководитель „Посредника“ Горбунов-Посадов. Однако Глазунов передал дело в Московский окружной суд. Встревоженный начавшейся перепиской, другой руководитель „Посредника“, В. Г. Чертков, просил известного юриста С. В. Унковского «помочь миролюбивому разрешению возникшего недоразумения в том смысле, чтобы у нас не была отнята возможность издавать для народа этот рассказ». Пытался он уговорить и Глазунова «задержать дальнейший официальный ход дела», предлагая возместить понесенный убыток, но напрасно. Глазунов требовал от «Посредника» не только возмещения ущерба, который он якобы понес от выпуска брошюры, но и публичного признания факта принадлежности ему всех ранее опубликованных произведений Тургенева.

Закон был на стороне Глазунова; „Посреднику“ пришлось выплатить ему 500 руб. компенсации, хотя фирма не получила от издания этого рассказа и рубля прибыли, а также нотариально признать свою ошибку. Глазунов даже не согласился на рассрочку штрафа[18].

Аналогичная ситуация возникла, когда „Посредник“ вознамерился переиздать рассказы Лескова, написанные специально для них, но юридически принадлежавшие Марксу, так как писатель не оформил дарственной. Не в пример Глазунову, выполняя волю покойного, Маркс разрешил „Посреднику“ бесплатную перепечатку рассказов.

«А. Ф. любил говорить, — писал Луговой, — что „у него такой масса материал“ — и ни одной минуты не останавливался перед покупкой нового, свежего, лучшего»[19]. Стремление Маркса приобрести авторские права на возможно большее число произведений русских писателей, купить рукописи, часть которых заведомо имела

ничтожные шансы увидеть свет, современники объясняли желанием увеличить вероятность получения наиболее ценных и интересных материалов или чуть ли не благотворительными целями. Несомненно, основания для тех или других предположений имелись, но все же руководствовался он иными соображениями.

Конкуренция, и ничто другое, заставляла его идти на громадные затраты и заведомые издержки. Он отлично понимал законы экономической борьбы и не надеялся ни на свою издательскую интуицию, ни на основательное знание рынка. Чтобы опередить конкурента, надо было заранее обладать тем, что в тот или иной момент могло вызвать общественный интерес. Вряд ли ему импонировало творчество М. Горького, тем не менее он упорно и настойчиво домогался его участия в „Ниве"[20]. Маркс чувствовал веяния времени и в своей практике, насколько это было для него возможно, их учитывал.

Покупая рукописи, он никогда не руководствовался принципом „авось пригодится", он брал только то, что, так или иначе, могло послужить для дела. Во многих случаях эти расчеты не оправдались. Но тому были свои причины[21].

В этом отношении весьма показателен ответ Маркса на предложение критика Н. М. Соколова издать его очерк „Лирика Я. П. Полонского". Обращаясь к Марксу, автор, по-видимому, рассчитывал на то, что тот ранее выпускал подобные работы (например, в 1888 г. был издан биографический очерк М. Златковского „Аполлон Николаевич Майков"). К тому же Полонский часто печатался в „Ниве", и, главное, за два года перед этим Маркс издал его „Полное собрание стихотворений". Однако, вопреки ожиданиям, издатель не принял заявки, мотивируя отказ возможностью выпуска лишь такой критической работы, „которая, будучи сама вполне популярна и общедоступна, поставила бы себе задачей сделать популярным и разбираемого автора в том смысле, чтобы вызвать в большем круге образованных читателей интерес к произведениям этого автора"[22]. Очерк же Соколова касался сложных проблем поэтики и задач художественной критики и был рассчитан на узкий круг ценителей поэзии. Другими словами, не отвечал задаче, сформулированной издателем. Если в данном случае речь шла о соответствии рукописи целевой установке печатаемого издания, то столь же требователен он был, когда имелась в виду литературная сторона вопроса.

Сохранилось любопытное письмо некоего А. Я. Погодина, искренне недоумевающего, почему отклонен его перевод, текстуально повторяющий со всеми отмеченными Марксом недостатками подлинник[23]. Переводчик никак не мог уразуметь, что от него требовалось отнюдь не слепое следование букве оригинала.

Тот же Луговой вспоминал, как в бытность его редактором „Нивы" Маркс безжалостно отклонял произведения, которые, по его мнению, не подходили для круга читателей журнала, были мелкотемны и серы: „Это такой маленькие вещи и такой большой смертный скука", — говаривал он, отказываясь от предложенных редактором рукописей[24]. Правда, далеко не всегда отказ вызывался экономическими или эстетическими моментами. Бывали случаи, когда он объяснялся и политическими причинами. Так, например, в начале века (1902) Маркс отказался от предложения сына Толстого Льва Львовича перевести для него сказки французского публициста и общественного деятеля Эдуарда Лабуле, откровенно объясняя свой шаг тем, что они ему „не совсем удобны по своей чисто политической подкладке"[25].

Имя писателя далеко не всегда служило гарантом положительного ответа. Сохранилось письмо Г. П. Данилевского от 18 (30) июля 1889 г., в котором он предлагал Марксу выпустить иллюстрированным изданием свои сказки, неоднократно выходившие перед этим без рисунков у Суворина. Судя по сохранившейся переписке, Маркс соглашался сделать это только на условиях, как бы мы сейчас сказали, „заказного издания"[26].

Аналогичной оказалась и судьба предложения А. И. Куприна (январь 1902 г.), рекомендовавшего Марксу издать небольшой сборник рассказов Н. Д. Телешова о переселенцах. Отвечая Куприну, Маркс писал, что готов отпечатать книгу в своей типографии, но только за счет автора, и распространить на комиссионных началах, так как его „контора чужих изданий для продажи не держит"[27]. (В чем, кстати, заключалось одно из основных его отличий от подавляющей части издателей-современников).

Что сыграло в данном случае свою роль: острота темы и осторожность издателя или какие-то иные соображения — сказать трудно. Важно другое — заинтересованный в сотрудничестве с Г. П. Данилевским и А. И. Куприным, Маркс отказывался от их предложений, хотя возможные убытки от рекомендуемых изданий не могли

идти ни в какое сравнение, допустим, с теми, которые вызывались изданием „Мертвых душ".

Сколь решительно Маркс отвергал непонравившиеся ему рукописи, столь же быстро он принимал решение, когда они его интересовали. Так, прямо на письме Я. П. Полонского от 4 апреля 1895 г., в котором поэт выставлял условия издания собраний своих сочинений, он делает расчет его себестоимости, заодно проверяя правильность выкладок Полонского[28]. На письме Николая Успенского, предложившего свои „Воспоминания забытого литератора", Маркс, не тратя времени на лишние слова, произвел расчет и вывел сумму следуемого гонорара[29].

Не следует, однако, думать, что отношения его с литераторами были если не всегда идилличны, то прямолинейны и просты. И что история с приобретением авторских прав на сочинения Чехова — единственное исключение из этого правила. В жизни все оказывалось гораздо сложнее. И не всегда с достаточной точностью можно сказать, кто же в сложившейся ситуации был прав — автор в своих претензиях или издатель в своих требованиях.

В июле 1901 г. Маркс заключил договор с профессором Казанского университета Александром Сергеевичем Архангельским, взявшимся подготовить к изданию 12 томов Собрания сочинений В. А. Жуковского. Кроме текстологических работ и отбора писем для публикации, Архангельский должен был написать биографический очерк писателя. За весь труд, который переходил „в полную литературную собственность А. Ф. Маркса", составитель получал 1500 руб., но обязывался „не принимать на себя редактирование другого издания В. А. Жуковского ни за свой счет, ни по поручению другого лица"[30]. (В дальнейшем Архангельскому было выплачено еще 750 руб. за найденные и впервые опубликованные в этом издании произведения поэта.)

Выбор кандидатуры составителя был вполне обоснован. Речь шла о человеке, уже известном своими исследованиями творчества Жуковского*. Может быть, поэтому Маркс и рассчитывал использовать подготовленные Архангельским материалы в последующих изданиях.

*Известный историк литературы А. С. Архангельский (1854—1926) впоследствии был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1883 г. в Казани вышла написанная им книга «Жуковский. Первые годы его жизни и поэтической деятельности».

и специально оговорил в договоре свои права на них.

Полное собрание сочинений Жуковского вышло в 1902 г. А в начале следующего года Маркс узнал, что на основе проведенных розысканий профессор Архангельский собирается выпустить новую работу о Жуковском. Его письмо Архангельскому не сохранилось, но, как дает основание думать ответ адресата, он напоминал ему о своих правах на материалы, связанные с собранием сочинений, и оговаривал возможность издания новой работы тиражом не свыше 1 000 экз.

Усматривая в письме Маркса покушение на свои права, Архангельский исключал саму мысль о возможности контроля над его дальнейшими исследованиями. В скупых телеграфных строках он в полных достоинства выражениях писал о безосновательности претензий издателя: «Письмо Ваше получил. Содержанием его до глубины души удивлен и возмущен. Контрактом обязался лишь редактировать издание при „Ниве". Дальнейших ученых трудов своих над Жуковским не продавал. Не продавал и того ученого издания, над которым работаю. Оно принадлежит пока мне и русской науке. Напрасно думаете, что его приобрели за полторы тысячи (здесь Маркс не удержался и сделал пометку карандашом: „Две (тысячи) двести пятьдесят руб." — *Е. Д.*). Великодушным позволением издать его в тысяче экземпляров тронут и благодарен. К сожалению, издательством не занимаюсь и должен предоставить это другим»[31].

К чести Маркса, он этого вопроса больше не касался. Правда, и Архангельский не нашел издателя для своего труда, который так и не увидел света.

В мае 1904 г. Маркс за 10 тыс. руб. приобрел „право полной и вечной литературной собственности на все без исключения сочинения" Михаила Ниловича Альбова. За предшествующее двадцатилетие писатель выпустил 13 изданий своих трудов общим объемом свыше 150 авторских листов. Как писал его доверенный, „Адольф Федорович не согласился прибавить лишнюю тысячу рублей, на которой я от имени Альбова настаивал на переговорах" из-за „существования условия с Вольфом", поскольку на складах «Товарищества» оставалось чуть более тысячи экземпляров его романа „Ряса"[32]. Помешать распространению сочинений Альбова, которые вознамерился издать Маркс, нераспроданные остатки книги не могли, да и тысяча рублей была для

него не столь уж значительной суммой, но формально издатель вправе был учитывать этот фактор.

В данном случае никто, как говорят, ничего не терял и ничего не приобрел. Но порой возникали ситуации, которые связывали автора и издателя, заставляя даже такого человека, как Маркс, подчиняться силе обстоятельств.

Всеволод Сергеевич Соловьев, сын известного историка С. М. Соловьева, родной брат философа и поэта Владимира Соловьева, был автором многочисленных исторических романов и пользовался у невзыскательной публики большой популярностью. Современники даже называли его „нашим Вальтером Скоттом“[33]. Считалось, что Маркс платил Соловьеву „крупнейшие гонорары“, поскольку именно эти романы обеспечивали успех журнала[34]. На самом деле Маркс платил Соловьеву 200 руб. за лист, в то время как его бывший друг издатель „Огонька“ Герман Гоппе платил другому русскому „Вальтеру Скотту“, графу Е. А. Салиасу, на 100 руб. больше.

Как бы то ни было, но делать ставку на одного автора, даже уверившись в успехе его произведений у широкой публики, Маркс не хотел, понимая, что это ставило его в зависимое положение. Поэтому он искал, и небезуспешно, новых исторических романистов.

В начале 1881 г. он попытался снизить гонорар Соловьеву. В ответ тот пригрозил, что предложит свои услуги „Огоньку“. Расчет был абсолютно точен: усилить своего конкурента Маркс не намеревался. К тому же он резонно полагал, что разрыв мог создать Соловьеву рекламу и вызвать повышенный интерес к его произведениям. Положение Маркса несколько осложнялось тем, что осенью того же года он открыл собственную типографию и на первых порах, видимо, еще не знал, чем ее загрузить. Поэтому ему пришлось принять предложение Соловьева и приобрести право на одно издание его романов „Касимовская невеста“, "Капитан гренадерской роты“ и "Наваждение“. Но когда в начале следующего года Соловьев предложил на аналогичных условиях издать его самый известный роман „Сергей Горбатов“, то Маркс просто ему не ответил. В конце месяца автор вновь повторил свое предложение, угрожая выпустить роман собственным иждивением, прибавив при этом, что в таком случае он не сможет «до появления в продаже этого издания начать печатание в „Ниве“ „Вольтерьянца“. Если же издание купите Вы, то уж это не будет до меня касаться»[35].

Роман «Вольтерьянец“ являлся продолжением „Сергея Горбатова“ и был объявлен подписчикам. Марксу ничего не оставалось, как, перечитав письмо и подчеркнув в сердцах синим карандашом строки, содержащие условия Соловьева (он любил во всех документах подчеркивать основную мысль), их принять. Однако на этом история злосчастного романа не кончилась. Вознамерившись уйти со службы, Соловьев в следующем письме выдвинул дополнительное требование: выплатить ему две тысячи сверх того, что было обусловлено договором за роман, купить за две тысячи право его издания и приобрести за полцены нераспроданные 900 экз. выпущенного самолично автором романа „Царь-девица“. Тут уж Маркс не сдержался и оставил на письме помету: «Публике в 1881 для 1882 был объявлен „Вольтерьянец“ — и вот какой штуки Соловьев начинает».

О накале возникшего конфликта свидетельствует ответная записка Соловьева, которую следует, пожалуй, привести, так как она отлично характеризует литературные нравы того времени:

„Любезный Адольф Федорович,

Приехать мне к Вам, конечно, нетрудно; но я боюсь (так как мы оба горячие люди), что у Вас испортится кровь, а у меня лопнет сердце — кто тогда будет кончать роман?!

Ведь я ровно ничего не могу прибавить к тому, что написал в письме моем. Если бы Вы знали состояние моих нервов, то ответили бы прямо на мои вопросы...“[36].

И на этот раз условия были приняты. За «Вольтерьянцем» последовал роман „Старый дом“, явившийся третьей книгой из серии исторических романов, объединенных общей темой — хроникой дворянского рода Горбатовых, завершившейся в 1886 г. романом „Последние Горбатовы“. В том же году между Марксом и Соловьевым произошел окончательный разрыв. Причиной конфликта послужило предложение Соловьева подписать с ним „Основные условия“, суть которых заключалась в том, что он за ежегодную плату в 12 тыс. руб. обязывался писать для „Нивы“ один большой роман или несколько небольших повестей или рассказов и никогда не печататься в конкурирующих с „Нивой“ журналах. Неустойка определялась суммой в 30 тыс. руб.

С „Основными условиями“ Соловьев явно опоздал. В год предложения тираж журнала перевалил за 100 тыс. экз., и Маркс получил возможность приглашать более именитых авторов. Со спокойной совестью, от-

правляя письмо в архив, он сделал на нем помету: „Не принятое мною условие“[37].

Не менее сложно складывались взаимоотношения и с другим „нивским“ автором, весьма популярным в свое время писателем И. Н. Потапенко, у которого Маркс в 1900 г. приобрел права литературной собственности на все написанные и будущие произведения за 65 тыс. руб. (Правда, новые произведения Потапенко приобретались по несравненно меньшей ставке.[38]) Потапенко был плодовитым автором, но, как говорят, и „легким“ в жизни человеком. Адольф Федорович не единожды выручал его непредусмотренными договором авансами. А однажды просто спас: очутившись одновременно с ним за границей, он выплатил его карточные долги.

Чехов и Потапенко были добрыми знакомыми, пожалуй, их можно назвать и друзьями. Но это были совершенно разные люди не только по своему характеру, но и по отношению к писательскому труду. В этом Марксу очень скоро пришлось убедиться. Чрезвычайно требовательный к себе, Чехов, по словам редактора „Нивы“ Сементковского, при подготовке собрания сочинений не только перерабатывал многие ранние произведения, но и „выкидывал много, очень много, между прочим и такие вещи, которые Марксу нравились, и ни разу не уступил в этом вопросе“[39].

Опыт, приобретенный при подготовке сочинений Чехова, для Маркса не пропал даром. По его настоянию Потапенко также обязался проредактировать свои сочинения. В кратком предисловии к ним он писал: „Приступая к столь ответственному делу, я тщательно пересмотрел весь материал, многое исправил, а многое устранил вовсе...“ Однако заниматься кропотливой работой ему оказалось недосуг, тем более что вскоре пришлось выехать за границу. Пример Чехова был еще очень свеж, и разгневанный издатель высказал свое недовольство брату писателя.

„Я редакторскую работу исполнил (эта фраза подчеркнута Марксом синим карандашом. — *Е. Д.*), — отвечал Потапенко,— но сокращать и уничтожать это не значит редактировать, и этого относительно моих собственных произведений я добровольно делать не могу. Я сделал Вам любезность, написал предисловие, в котором принял на себя эту операцию, но чтобы я сам производил ее, этого от меня едва ли можно было требовать“.

Спорить с автором было бессмысленно*, но издатель со своей стороны сделал весьма неприятные для автора выводы, отказав во внеочередном авансе. Всегда испытывавший острую необходимость в деньгах, Потапенко с горечью писал Марксу: „Для меня теперь стало ясно как день, что у писателя с издателем не могут существовать человеческие отношения. Я давно думал так относительно других издателей, но о Вас думал иначе. Теперь вижу, что все делается на основании контракта“[40].

Возникший конфликт в известной степени толкнул писателя на весьма неосторожный шаг: он решил под своим единоличным редактированием выпускать ежемесячный иллюстрированный журнал (подписная плата — 7 руб.), для чего сколотил небольшую писательскую артель, состоявшую из него самого, Д. Н. Мамина-Сибиряка и Вас. Ив. Немировича-Данченко, а четвертым участником пригласил А. П. Чехова. Журнал должен был состоять из двух разделов: беллетристики и отечествоведения. Собственниками его являлись все члены товарищества. „Если даже первый год не даст пяти тысяч подписчиков, то небольшой недочет мы покроем на кредите — бумаги и типографии — до следующей подписки. Словом, материальная сторона не представляет затруднений...“ — убеждая Чехова принять участие в артели, писал Потапенко[41]. Как можно мягче Чехов попытался дать понять, что от этой затеи несет откровенной маниловщиной, но Потапенко упрямо решил ее осуществить. Нового журнала он не создал, но перекупил старый — „Живописное обозрение“.

В подписке на 1905 г. анонсировалось, что журнал отныне издается и редактируется Потапенко. В числе авторов назывались Д. Мамин-Сибиряк, Вас. Немирович-Данченко, Ф. Сологуб, П. Гнедич, Т. Щепкина-Куперник и прочие, тогда никому не известные писатели. Подписная цена на этот еженедельный журнал составляла 8 руб., а в качестве приложения придавались 24 книжки собрания романов Ч. Диккенса, 12 книг иллюстрированного журнала „Театр“, 12 книг детского иллюстрированного журнала, 400 страниц этнографических очерков, 12 номеров модного журнала и 1 альбом — 12 снимков

---

*Смерть Маркса заставила Потапенко более объективно посмотреть на их былые взаимоотношения, свидетельством чему может служить его статья (см.: Фингал (Потапенко И. Н.). Общественная польза//Русь. 1904. 31 окт. (13) нояб.).

красивых головок с картин знаменитых русских и иностранных художников.

Простое перечисление приложений к „Живописному обозрению" напоминает строчки из юмористического журнала. Но финал у этой затеи оказался трагическим. 23 марта 1907 г. Потапенко был объявлен несостоятельным должником[42].

Судьба потапенковского начинания показательна во многих отношениях: она служит доказательством бесплодности попыток отдельных писателей в дореволюционные годы вырваться из зависимости от предпринимателей, свидетельствует и о сложности конъюнктуры и сравнительной узости рынка, говорит и об остроте чисто человеческих отношений между автором и издателем.

И все же именно по-человечески Адольф Федорович Маркс во многом отличался от своих собратьев-издателей. «Когда петербургский литератор попадал в тиски нужды,— писал Амфитеатров,— то его последней надеждой бывало „Маркс выручит!", и Маркс выручал. Он не швырялся авансами, но с ним можно было всегда как-то необычайно удобно, легко и необидно устроиться...Маркс платил деньги, часто очень крупные, за вещь совершенно ему ненужную и неподходящую. Я старика почти вовсе не знал и дел с ним не имел, так что не судья тому, поступал ли он так по любви к литературе и уважению к литераторам или из голого коммерческого расчета, но как „хозяин" он был редкостью на русском литературном рынке, где в среде издателей до сих пор нередки типы настоящих ростовщиков, эксплуататоров писательской нужды»[43].

Подтверждением слов Амфитеатрова может служить история договора, заключенного Марксом с Вл. Ив. Немировичем-Данченко на уступку его авторских прав. В марте 1903 г., испытывая финансовые трудности, автор предложил Марксу приобрести в полную собственность все им написанное к этому времени за 20 тыс. руб. Не очень-то веря в приемлемость своих условий, он просил издателя в крайнем случае выслать „немедленно три тысячи рублей", обещая компенсировать эту сумму каким-нибудь новым произведением или возвратить ее. Финал оказался несколько неожиданным: в январе следующего года между Марксом и Немировичем-Данченко был заключен договор „на продажу права полной собственности, за исключением поспектакольной платы, на все сочинения" автора. Гонорар устанавливался в 250 руб. с листа,

но общая его сумма не должна была превышать 18 тыс. руб.[44].

И так было в большинстве случаев. Рано или поздно каждый уважающий себя литератор рассчитывался с издателем. Но Адольф Федорович никогда не использовал своего положения заимодавца. Естественно, в письмах некоторых авторов можно найти следы неудовлетворенности полученным гонораром или просьбы об его увеличении. Так, в октябре 1903 г. свое неудовольствие суммой гонорара, полученного за редактирование тома стихотворений Шеллера-Михайлова, выражал П. В. Быков. Просил о повышении гонорара и автор книги „История письмен" Я. Б. Шницер и получил доплату, как свидетельствует помета на его письме[45]. Недаром даже такой саркастический, едкий журналист, как А. Г. Кугель, считал, что „Маркс был добрый и очень искренний человек", и сожалел, что „после смерти Чехова его поспешили кое-где объявить эксплуататором"[46].

Академик А. Ф. Кони, вспоминая о нем, писал, что, „несмотря на обстановку материального довольства", окружавшую Маркса, его действиями во многом руководило „не сварившееся вкрутую" сердце[47].

Свое дело Маркс начинал в маленькой квартире небольшого двухэтажного дома на углу М. Конюшенной и Невского, в котором помещались и контора, и редакция журнала. Даже после переезда на М. Морскую контора и редакция примыкали к квартире самого издателя, теснившегося в двух комнатах и жившего более чем скромно. В чем-то отказывая себе, пока журнал не встал на твердую почву, он всегда с подчеркнутой аккуратностью выплачивал сравнительно высокое жалование сотрудникам и гонорары авторам. Это было широко известно и, безусловно, поднимало его авторитет. Если в течение 35 лет редакторы „Нивы" сменялись семь раз и далеко не всегда соответствовали своему назначению, то его помощник по издательству — лишь единожды, и то по случаю смерти: Грюнберга заменил в 1900 г. Лазарь Евсеевич Розинер. При всем том, что Маркс всецело на них опирался (что хорошо видно по сохранившейся части переписки), он всегда оставался не только хозяином дела и его фактическим руководителем, но и по меньшей мере соредактором журнала. Один из его ведущих сотрудников, Григорий Вольтке, вспоминал, что „в выборе тем для очерков и статей для перевода А. Ф. принимал нередко большое участие.

Он просматривал все статьи по естествознанию, помещавшиеся в получавшихся редакцией иностранных журналах, отмечал наиболее интересные и предлагал перевести их или написать что-либо на затронутую тему. И надо сказать, что в выборе статей А. Ф. ошибался очень редко. Хотя он не получил систематического научного образования, но постоянное чтение и общение с писателями развили в нем литературный вкус и умение отличать новое, талантливое и интересное от скучного и бездарного повторения уже известных вещей»[48].

Маркс шел к поставленной цели исподволь, но уверенно и твердо. Всю свою жизнь он работал и учился, постигая не только коммерческую, но и техническую, и литературную стороны дела. Недаром его считали одним из самых крупных в России специалистов по приправке клише и отменным знатоком картографического дела.

Он умел прислушиваться к мнению людей, вкусу которых доверял, и шел подчас на уступки, казалось, противные его убеждениям. «Как я ни старался хоть несколько переключить „Ниву" на более приличные художественные рельсы, мои тайные мечты и хитроумные планы разбивались о личный вкус Маркса, считавшего идеалом немецкий „уютный", „семейный" журнал „Cartenlanbe",— пишет Грабарь в „Автомонографии".— И все же упорно и медленно, „тихой сапой", мне понемногу удалось внести — правда, в самой скромной дозе — освежающую струю в подбор картинок из иностранных журналов и русских выставок. На страницах чопорной „Нивы" постепенно стали появляться художники, которые за несколько лет перед тем и мечтать не могли о такой „чести"»[49]. Результат подобной политики окружения Маркса общеизвестен. Итоги ее подвел П. П. Гнедич, когда утверждал, что „Маркс всегда старался проводить на первом месте русских художников и писателей"[50].

Он был решителен в действиях, но в не меньшей мере осторожен и расчетлив. Как позволяют судить документы, он не принимал решения, всесторонне не взвесив все „за" и „против". Весьма показательна в этом отношении история издания им популярного в свое время „Звездного атласа" для астрономов-любителей. Впервые этот путеводитель, составленный астрономом Тартуского (тогда Юрьевского) университета К. Д. Покровским, был издан в Москве в 1894 г. сравнительно небольшим тиражом (1 500 экз.) и быстро распродан, после чего

автор предложил Марксу переиздать „Звездный атлас" двойным тиражом, за что запрашивал 1 500 руб. (при 100 экз. авторских). Будучи деловым человеком, он гарантировал издателю рекомендацию Министерства просвещения, открывавшую книге доступ в школьные библиотеки, и предлагал за дополнительную плату передать список западноевропейских оптических фирм, заинтересованных в рекламе своих товаров в России. Он уверял издателя, что они охотно пришлют свои объявления, «особенно если назначить умеренную плату, руб. 50—75 за страницу» (последние слова были жирно подчеркнуты Марксом синим карандашом). Договор, однако, был заключен лишь 20 июля 1902 г. За право издания 4 000 экз. (плюс 50 авторских и 100 экз. для бесплатной раздачи заинтересованным лицам) Маркс выплатил Покровскому всего 1200 руб.

О том, как и почему возникли цифры „4000 экз." и «1200 руб.», рассказывают сохранившиеся расчеты Маркса.

Первоначально Покровский согласился на гонорар в 1 200 руб., но потребовал сократить тираж до 1 600 экз. Издатель быстро подсчитал ожидаемую прибыль. При себестоимости издания в 4 238 руб. (1 200 руб. гонорар плюс производственные расходы 3 038 руб.) она составила всего 242 руб. (3 р. 50 к.×1 600 экз.=5 600 руб.), после вычета книготорговой скидки (1 120 руб.) оставалось 4 480 руб. Маркса такой вариант не устраивал, и он предложил как непременное условие повысить тираж до 4 000 экз. В этом случае он, правда, вынужден был понизить номинал до 3 руб. для той части тиража, которая предназначалась для учебных заведений.

Во втором варианте затраты составили более значительную сумму — 6 586 руб. (1 200 руб. гонорар плюс 5 386 руб. производственные расходы). Но прибыль оказалась более высокой, так как общая стоимость издания составила 5 760 руб. (2 400 экз. по 3 руб. при 20% скидке), а остальной части тиража, как известно, — 4 480 руб. Валовая стоимость всего выпуска достигала 10 240 руб., а общая сумма затрат — 6 586 руб. В итоге прибыль возросла до 3 654 руб.[50]

„Я всегда держался такого правила: вместо того чтобы издать 2 000 экз. книги по 15 рублей, я издавал 5 тыс по 7. И редко ошибался в расчете. Если бы даже мое пятнадцатирублевое издание все разошлось с успехом, я более был бы счастлив, распространив

ту же книгу в двойном количестве экземпляров, но по цене вдвое более дешевой", — говорил Маркс[51].

Является ли этот неизвестный тогда еще для русского книжного дела принцип ускорения оборота капитала открытием самого Маркса или заимствован им из зарубежной практики, сказать трудно. Скорее всего, он явился плодом его собственных раздумий. Ведь в то время даже в такой промышленно развитой стране, как Англия, подобные идеи поначалу встречали не только непонимание, но и откровенное противодействие. Например, известно, что в 1877 г. фармацевт Джесси Бут решил снизить, насколько возможно, цены на продаваемые им лекарства, с тем чтобы реализовать большее их количество, хотя и меньше заработать на каждом из них, тогда как все остальные предпочитали меньше продать, но с большей прибылью. Этим Бут обратил против себя всех своих коллег, не увидевших на первых порах выгод, открывавшихся от большого по объему и более быстрого товарооборота.

Мы теперь знаем, что далеко не одно бескорыстие двигало Марксом, когда он принимал подобные решения. Кстати, издатель, как позволяют судить документы, нередко оговаривал в договоре с автором гарантию реализации части тиража каким-либо заинтересованным ведомствам. Так, например, в договоре, заключенном в июне 1897 г. с П. А. Антроповым на составление им „Финансово-статистического атласа России", имелся специальный пункт, оговаривающий право Маркса оплатить полностью труд автора только „по получении им от Министерства финансов заказа на 300 экз. вышеуказанного атласа, на каковые экземпляры А. Ф. Маркс делает Министерству скидку в двадцать пять (25%) процентов с объявленной цены"[52].

Профессор Лесотехнической академии Ф. К. Арнольд, тесно связанный с Лесным департаментом (вице-директор коего Тихонов был соавтором одной из его книг, выпущенной Марксом), в письме к издателю обязывался доставить „заказ Лесного департамента, а вместе с тем оказать содействие тому, чтобы ввиду затрат ваших на новое издание Лесной департамент по дальнейшим заказам его на издание вместо двух рублей номинальной цены книги, платил Вам за нее по одному руб. 30 коп. за экземпляр, а не по одному рублю, как платил Департамент за второе издание"[53].

Такова была обычная практика того времени, вполне согласующаяся с нормами издательской этики, хотя и ведущая к всевозможным злоупотреблениям. С другой стороны, нельзя забывать, что фирма Маркса, как всякое капиталистическое предприятие, ставила конечной целью своей деятельности извлечение прибыли, что сказывалось не только на неизбежном ущемлении интересов авторов (хотя бы в доле дележа полученного дохода), но и на интенсификации труда сотрудников и рабочих, хотя они и находились по отношению к служащим других издательств в явно привилегированном положении. «В Ваше отсутствие, — жаловался Грюнберг Сементковскому, — мне ни разу не приходилось пользоваться высочайше дарованным мне днем — „средою". Я все-таки все еще надеюсь (может быть, по прибытию Вашему), что мне удастся несколько дней провести на даче»[54].

Гнедич вспоминает, что, будучи вынужден платить В. В. Матэ по рублю за дюйм гравюры, Маркс неизменно сокрушался «о потере барышей из-за необходимости прибегать к дорогостоящим способам печати „тонких" по качеству ксилографий»[55]. Он не терпел совместительства у своих собственных сотрудников и требовал от них „монопольного участия в журнале", хотя далеко не каждый из них, по словам И. Н. Павлова, «выдерживал педантичность Маркса и его вмешательство в творческую сторону художника. Примиряли, конечно, высокая оплата и популярность „Нивы" в публике»[56].

Педантичность Маркса и его плохое владение разговорным русским языком не раз служили предметом различного рода пересудов, далеко не всегда носивших характер безобидной шутки. Эту тему не раз пытались использовать спекулятивно, как это случилось в мемуарах И. И. Ясинского. Чаще, правда, подобным образом подчеркивалась некая „чудаковатость" издателя. Когда Сергеенко живописал трудности, которые он преодолел, крепя союз Чехова с Марксом, то и он оказался не в силах отрешиться от привычек, выработанных годами службы в дешевых сатирических журналах. Характеризуя Маркса, он писал своему бывшему соученику: «Если бы ты читал его послания ко Льву Николаевичу! Того он прямо изводил своей пунктуальностью. В последние дни я „открыл Америку" и стал относиться юмористически. Это только и спасало. Надо тебе сказать, что Маркс о делах может говорить только в углу, шепотом и оглядываясь...»[57].

Письма Маркса к Толстому сохранились (во всяком случае, подавляющая их часть); многие из них воспроизведены в комментариях юбилейного собрания сочинений писателя, а потому доступны каждому, кто ими заинтересуется. В них нет и капли той назойливости, о которой писал Сергеенко; добавим от себя, как и в тех, что адресовались впоследствии Чехову и полностью сохранились в архиве писателя. Их, действительно, немалое число, но это только делает честь издателю, с глубочайшей ответственностью относившемуся к своей почетной роли.

Стоит ли столь подробно говорить о вещах, представляющихся лишь частностью, деталью? Заслуживают ли они внимания читателя? Все сказанное — проявление общественного мнения, своеобразная оценка деятельности того или иного лица. А коль скоро это так, то с ней следует считаться и необходимо понять, справедлива она или нет, чем вызвана и т. п. И не так уж важно, опубликованы письма Сергеенко к Чехову или нет. Ведь подобные шутки позволяли себе и более известные писатели, и в конце концов они становились известны широкому кругу лиц[58]. Подспудно в сознание каждого современника, слышавшего эти анекдоты, невольно закрадывалась мысль: а мог ли человек, не чувствующий языка, оценить по достоинству то или иное произведение словесности (коль скоро речь идет об издателе). Для того чтобы доказать несостоятельность такого рода утверждений, следует противопоставить подобным высказываниям свидетельства более авторитетных современников. Вряд ли такой принципиальный и откровенный человек, как В. В. Стасов, написал бы, обращаясь к Марксу: „...искренно и давно уважаемый мною Адольф Федорович“, если бы только руководствовался правилами приличия (кстати, они и не требовали такой откровенности)[59]. Не назвал бы И. А. Гончаров издателя „Нивы“ „Дорогим и любимым Адольфом Федоровичем“, если бы, как и Стасов, не ценил его усилий на поприще издательского дела[60]. Другое дело, что Маркс далеко не сразу стал тем издателем, который заслуживает благодарности своих сограждан.

В начальную пору своей деятельности (в 1873 г.) Маркс именовал себя „книгопродавец-издатель“[61]. Однако собственной книжной торговли, в отличие от многих своих собратьев-издателей, так и не открыл, хотя это дело и было ему хорошо знакомо. Постепенно, все более и более проникаясь важностью добровольно взятой миссии, он

ставил перед собою и более широкие в общественном плане задачи. Недаром Маркс был единственным человеком в Российской Империи, поместившим в личный дворянский герб КНИГУ как эмблему своей жизненной цели[62]. Не шпагой и не рублем, а просветительской деятельностью завоевал безродный чужеземец себе эту честь.

Обладая громадными организаторскими способностями и будучи чрезвычайно энергичным человеком по натуре, Маркс тем не менее в общественном плане не отличался активностью. Он значился членом-учредителем Общества книгопродавцев и издателей, за особые и многократные пожертвования которому удостоился даже звания „почетного члена", но в жизни его не принимал почти никакого участия. Даже на заседания Общества он делегировал вместо себя Грюнберга[63]. Единственное, в чем проявлялось его общественное лицо, — это в благотворительности. Он основал специальный фонд, предназначенный на благотворительные цели, широко оказывал через контору „Нивы" помощь неимущим накануне церковных праздников, являлся членом почти всех благотворительных учреждений России. В завещании он оговорил значительные пожертвования на „богоугодные дела". Все это он делал, надо отдать ему должное, без всякой аффектации: Сергеенко отмечал, что, как-то, предоставив в его распоряжение „значительную денежную сумму на организацию помощи нуждающимся, Адольф Федорович заявил, что это делается не для славы, а для бога, и поставил условием, чтобы о его пожертвовании не знала улица"[64]. Как бы критически мы ни относились к такого рода деятельности, все следует видеть в рамках своего времени. На фоне того малого, что делало царское правительство для просвещения и блага народа, шереметьевская и солдатенковская больницы, Третьяковская галерея и Бахрушинский музей, Румянцевская библиотека и другие подобные, „дарованные" государству учреждения оказали народу неоценимую услугу. Значение деятельности Маркса или Сытина, понятно, не в их вкладах на „божьи дела". И если об этом и говорится на страницах книги, то только для того, чтобы ярче обрисовать человеческий облик издателей.

За свою, как когда-то говорили, „общеполезную деятельность" Маркс еще в начале 80-х годов был награжден орденами Станислава II степени и Анны II степени, затем пожалован в „почетные граждане", а 1 февраля

1895 г. по ведомству Человеколюбивого общества, почетным членом которого являлся, был награжден орденом Святого Владимира IV степени, что делало возможным его переход в дворянское сословие. 17 мая 1897 г. ему были предоставлены все права и преимущества по пожалованному ордену, и 27 ноября того же года царским указом он был возведен в потомственное дворянство. Однако только 4 июня 1901 г. Маркс обратился в Департамент геральдики правительствующего сената с просьбой об изготовлении для него дворянского герба, о котором шла речь выше[65].

В 90-е же годы он был награжден Саксонским и Вюртенбергскими „крестами" и Черногорским орденом князя Даниила[66].

В отличие от многих людей его круга, он не владел ни особняками, ни дачами, ни имениями; все его состояние было вложено в дело (если не считать собственного выезда, и то приобретенного уже в последние годы). Все свободные средства (0,5 млн. руб.), оставшиеся после его смерти, также предназначались на нужды благотворительности. Не был Маркс и „собирателем". По-видимому, у него была небольшая библиотека (во всяком случае, имеется экслибрис). Владел он и небольшим собранием картин, в основном — любимых им художников: И. Шишкина, Ю. Клевера, Ф. Чумакова, Н. Каразина, К. Маковского, В. Орловского, Петра Соколова, И. Айвазовского, Г. Семирадского, И. Репина, Р. Судковского, Ф. Якоби, Л. Лагарио, Ел. Самокиш, И. Левитана, М. Зичии и др. Иностранные художники были представлены единичными вещами (Ленбах, Каульбах, Гартман и др.). В вестибюле редакции, на площадке лестницы, висела известная картина Н. Рериха „Нива".

Адольф Федорович скоропостижно скончался от разрыва сердца в ночь на 22 октября 1904 г. Накануне вечером он был здоров, весел и дольше чем обычно сидел и работал в своем кабинете. Согласно завещанию, его тело кремировали в Германии, а прах захоронили в России, на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в Петербурге.

Судьба издательства

Есть у Чехова небольшой рассказ, как он сам его назвал, «мелочишка» — «История одного торгового предприятия». Сюжет рассказа чрезвычайно прост: молодой человек, полный «передовых идей», получив в наследство четыре тысячи рублей, открыл в городе, «коснеющем от невежества», книжный магазин. Однако покупатели не спешили почтить вниманием его предприятие. Герой рассказа «сидел за прилавком, читая Михайловского, и старался честно мыслить». Видя, что у него ничего не получается, он постепенно начал расширять ассортимент своей торговли и в конце концов стал одним из самых видных купцов в городе, широко торгующим «посудой, табаком, дегтем, мылом, бубликами, красным галантерейным и москательным товаром, ружьями, кожами и окороками». «Он снял на базаре рейнский погреб и, говорят, собирается открыть семейные бани с номерами. Книги же, которые когда-то лежали у него на полках, в том числе и третий том Писарева, давно уже проданы по 1 р. 5 к. за пуд»,— с горькой иронией заключает свой рассказ писатель (5, 48).

Шутка есть шутка, хотя в ней и содержится скрытая полемика с Писаревым, произведения которого, по словам Чехова, не избежали судьбы, предсказанной неистовым критиком стихам Фета. Впрочем, так или иначе, но этот маленький рассказ нельзя расценивать иначе как раздумье о печальных перспективах всего отечественного книгоиздания.

Вряд ли Маркс был знаком с чеховским рассказом, не читал он, по всей вероятности, и бесчисленных статей о коснеющей в невежестве провинции, а если и читал, то отнюдь не спешил клятвенно пообещать сделать все возможное, чтобы его искоренить. Тем не менее после смерти Маркса, когда досужие статистики подсчитали валовой тираж «Нивы» и книжных приложений к ней,

громадные, поистине фантастические цифры поразили воображение современников. И было от чего прийти в изумление: им было выпущено 250 млн. экз. «Нивы» и 50 млн. экз. книг! Причем и те и другие, в отличие от многих подобных изданий, не легли мертвым грузом на полки магазинов и складов, а дошли до самого широкого читателя.

Только благодаря приложениям к «Ниве» многие тысячи русских людей почувствовали себя сопричастными родной литературе, поставив томики сочинений крупнейших отечественных писателей на полки *личной* библиотеки. Более того, Маркс практически открыл для массы малоимущих читателей неизвестные ей имена. Сказанное верно не только по отношению к Фету или Лескову, но и некоторым другим писателям, в частности Салтыкову-Щедрину, круг читателей которого был ранее ограничен образованными слоями общества.

Сделав подписчика «Нивы» обладателем личной библиотеки, Маркс тем самым приучил его хранить и беречь книгу, благодаря чему этот новый читатель постепенно воспитал в себе «любовь и уважение к книге, стал увлекаться покупкой книг и создал спрос известных авторов на книжном рынке»[1].

Планомерный выпуск собраний сочинений русских писателей массовыми тиражами по ценам, доступным демократическому читателю,— главная заслуга издателя, но не единственная. Немало было им сделано и для того, чтобы познакомить русское общество с западноевропейской литературой, особенно немецкой. Во всей его деятельности, безусловно, была историческая обусловленность. Недаром в годы Первой русской революции одновременно появились подготовленные им к изданию сочинения Салтыкова-Щедрина и Гейне.

Как и многие другие издатели, он стремился не только пропагандировать достижения западноевропейской культуры, но и приблизить их к отечественной практике. В договоре с переводчиком популярного в прошлом пособия Анны Фишер-Дюнкельман «Женщина — домашний врач»— доктором медицины О. А. Литинским — имелся специальный пункт, обязывающий последнего «обратить особое внимание на приспособление ее (т. е. книги.— *Е. Д.*) к потребности русских читателей посредством внесения в нее тех изменений и дополнений, которые будут признаны необходимыми», причем, в случае надобности, должны быть указаны «источники, из которых

можно заимствовать для воспроизведения соответствующие иллюстрации»[2].

Следует, пожалуй, напомнить, что иллюстрированию текста Маркс, как никакой другой издатель, придавал особое значение. Недаром он называл свою фирму «артистическим заведением». По технике исполнения его иллюстрированные издания были одними из лучших и в то же время самыми дешевыми. Факт, кстати, немаловажный, когда речь идет о книге.

Оценки «Нивы» в историографии отечественной журналистики не однозначны, а порой и противоречивы. При жизни своего создателя «Нива» в литературном плане претерпела эволюцию более разительную, чем в художественном, оставаясь при этом все годы журналом «всесословным», равно ориентирующимся на все классы общества, от крестьянина и ремесленника до особ царствующей фамилии. Достигнув к началу нынешнего века невиданных прежде тиражей, «Нива» продемонстрировала тем самым громадные возможности массовой печати. Правда, успех этот объяснялся не столько содержанием самого журнала, сколько прилагаемыми к нему собраниями сочинений лучших писателей того времени. Однако сам издатель придерживался на этот счет иного мнения. По словам одного из редакторов журнала, «для Маркса „Нива“ была предметом культа. Он сам всю жизнь служил „Ниве“, требовал от других беззаветной преданности делу „Нивы“ ⟨...⟩ Вне „Нивы“ для него как будто не было никаких радостей, он не хотел знать и усталости, и все вокруг него было подчинено постоянной заботе о развитии и совершенствовании журнала и связанных с ним предприятий. Семья, родные, близкие и он сам — все было на втором плане, на первом — была „Нива“»[3].

Для Маркса «Нива» была не просто любимым детищем, но сутью всей его жизни, вне ее он не мыслил себя как личность. Недаром в телеграфном адресе фирмы «Маркс —„Нива“»— сливались воедино человек и его дело. Поэтому он и не мог физически отделить дело от себя, превратить фирму в просто предприятие, не нуждавшееся в его непосредственном каждодневном участии. Это было выше его сил. Вместе с тем его деятельность стала одним и ярчайших проявлений процесса капитализации русского книжного дела. «Он не любил „откладывать“ капиталов — весь доход шел на расширение дела: открывались свои типографии, литографии, цинкографические заведения, строились колоссальные дома, печата-

лись все в большем и большем количестве книги»,— свидетельствовал Гнедич[4].

Сфера деятельности Маркса ограничивалась, вернее, характеризовалась, как говорят экономисты, горизонтальным комбинированием производства, т. е. непосредственно областью книгоиздания, выпуска журнальной продукции и полиграфического производства, в то время как его основного конкурента и в конечном счете воспреемника, И. Д. Сытина,— вертикальным комбинированием производства. Созданное последним акционерное общество владело паями бумагоделательных предприятий, типографиями, сетью книжных магазинов и складов, выпускало различного рода печатную продукцию.

Ограничивая свою деятельность лишь сферой производства, Маркс получил возможность не распылять капиталов. Правда, это обстоятельство определяло, если так можно выразиться, монохарактер его продукции. Ее реализация фактически не требовала услуг посредников-книгопродавцев. Помимо приложений к журналу он выпускал книги в весьма ограниченном количестве (в основном издания, к которым проявлял особый интерес).

Несмотря на то, что Марксу удалось сосредоточить в своих руках авторские права на сочинения многих крупнейших писателей страны, его трудно все же назвать монополистом в этой области, так как, не располагая достаточными средствами, он часто приобретал права на одно, от силы на два издания сочинений того или иного автора. Благодаря планомерности своих изданий, а главное, их громадным тиражам и доступности, он оказывал определяющее влияние на формирование книжного рынка и в какой-то мере предопределил попытки синдицирования отрасли в дальнейшем. История имеет тому прямые доказательства.

В 90-е годы прошлого века в стране происходил интенсивный процесс монополизации многих отраслей народного хозяйства. По мнению советского исследователя П. И. Лященко, «к концу первого десятилетия XX в. в России не было ни одной отрасли промышленности или транспорта, в которой не имелось бы налицо монополий и синдикатов»[5]. Монополии возникли в результате конкурентной борьбы на базе высокой концентрации производства и централизации капитала. Характеризуя эпоху империализма, В. И. Ленин писал о закономерности смены «капиталистической свободной конку-

ренции капиталистическими монополиями»[6]. Централизация довершила «дело накопления, давая,— по словам К. Маркса,— возможность промышленным капиталистам расширить масштаб своих операций». Отсюда можно было сделать вывод, что «производство, которое ведется отдельным предпринимателем ... все больше и больше становится исключением»[7].

Сказанное относится и к книжному делу, в котором в силу специфических условий страны крупнейшие фирмы, стремясь к союзу и достигая порою негласных соглашений, все же не создали официально признанных объединений в виде картелей, синдикатов, трестов или концернов, как это случилось с рядом областей промышленности, где они уже имелись в середине 90-х годов[8]. Тем не менее не следует думать, что попытки создания такого рода объединений не предпринимались. И. Н. Павлов, равно хорошо знавший А. Ф. Маркса и И. Д. Сытина, приводит в воспоминаниях эпизод, свидетельствующий о намерении последнего объединить свое предприятие с издательством Маркса. Проект этот в тот момент не был реализован, а нюансы переговоров остались неизвестны, но об их характере можно судить по словам Маркса: «Вы знаете, Павлов, был Сытин... Он очень опасный человек!» «В чем тут было дело, я тогда не понимал,— пишет далее мемуарист.— Впоследствии в редакции „Нивы“ мне рассказали, что Сытин приезжал со специальной целью предложить объединиться и быть монополистами в книжном деле. Но самолюбие Маркса было сильно задето возможностью такого мезальянса»[9].

Речь, понятно, не столько о «мезальянсе» (что, впрочем, никак нельзя сбрасывать со счетов), сколько о личности самого Маркса, его отношении к ДЕЛУ. Более того, можно утверждать, что он видел неумолимость хода истории, понимал, что необходимо превращать фирму в акционерное предприятие, но откладывал ее реорганизацию, надеясь, что она свершится, когда его уже не будет в живых. Тому было несколько причин. Во-первых, благоприятная конъюнктура на книжном рынке; во-вторых, почти монопольное положение на облюбованном им участке; в-третьих, отсутствие равных ему конкурентов (речь идет о середине 90-х гг.) и, в-четвертых, личные качества Маркса как человека и предпринимателя.

Наследникам он передавал дело, потомкам оставил труд, запечатленный в томах журнала и книгах. И

прежде всего он всячески стремился увековечить «Ниву». Готовясь отметить 25-летие журнала, Маркс 5 августа 1893 г. заключил договор с неким Николаем Васильевичем Гавриловым, обязавшимся за 1 250 руб. составить роспись материалов, помещенных в «Ниве» и приложениях к ней (по декабрь 1894 г.). Гонорар составитель получил, а подготовленный им указатель так и не увидел света. Остается предположить, что каталог не удовлетворил издателя, и он решил поручить его составление более квалифицированному специалисту, а может, и просто отказался на время от осуществления задуманного. Однако эту идею не оставил. Ровно через десять лет ее взялся осуществить известный библиограф А. Д. Торопов, правда, за гонорар, вдвое превышающий уплаченный его предшественнику (2 790 руб. 89 коп.!)[10]. Составленный им указатель и поныне служит образцом изданий подобного рода*.

Многим современникам долгое время казалось, что памятником Марксу станет «Нива», с увеличением тиража которой все шире и шире развертывалась его издательская деятельность, и только к концу жизни ее создателя самые дальновидные из них поняли, что его основная заслуга заключалась в демократизации сочинений русских классиков. Он сделал издававшуюся им литературу доступной не только жителям губернских или уездных городов, но и проживающим в самой отдаленной глухомани. «Нива» с приложениями попадала всюду, куда приходила почта, что, по словам Леонида Андреева, и дало Марксу «право на вечную благодарность со стороны русского народа»[11].

Как умный и наблюдательный человек, к тому же имеющий за плечами большой жизненный опыт, он понимал, что рано или поздно перед его наследниками встанет дилемма: куда вести корабль дальше. В преддверии своего шестидесятилетия —19 января 1897 г.— в присутствии П. Н. Полевого, Вас. Ив. Немировича-Данченко и полковника Е. И. Яковлева Маркс заверил у нотариуса духовное завещание. Все принадлежащее ему имущество он разделил на две категории: на не имеющее отношение к делу и непосредственно к нему относящееся. Всю первую часть он завещал жене, оговорив только размер капитала, передававшийся на благотвори-

---

*Торопов А. Д. Систематический указатель литературного и художественного содержания журнала «Нива» за 30 лет (1870—1899). Спб., 1902.

тельные цели (доля, передававшаяся родственникам и близким знакомым, устанавливалась наследницей). Вторая часть имущества также завещалась жене, но на определенном условии. По истечении трех лет со дня его кончины вдова обязывалась образовать или паевое товарищество (400 паев) или же акционерное общество (4 000 акций)[12].

История русского книжного дела насчитывает немало славных имен женщин-издательниц. Фамилии М. И. Водовозовой, А. М. Калмыковой, М. А. Малых, О. Н. Поповой украсили титульные листы не одной сотни книг и были широко известны читающей публике. Правда, ни одной из них не пришлось руководить предприятием с миллионными оборотами, как Лидии Филипповне Маркс, наследовавшей дела и капиталы своего покойного мужа. Поздравляя ее с новым, 1905, годом управляющий конторой императорских театров и давний сотрудник «Нивы» Петр Петрович Гнедич имел все основания заявить: «На Вас лежит огромная задача; не знаю, выпадало ли на долю не только русской, но и европейской женщины разрешение такого великого и сложного дела, какое выпало на Вашу долю... Кажется, сил у Вас много,— дай вам бог не устать»[13].

Лидия Филипповна, урожденная Собина, родилась в семье армейского генерала. Братья пошли по стопам отца, но дослужились лишь до подполковников. Один из них, Сергей Филиппович Собин, человек, по словам Грабаря, «мало даровитый и сухой, но знающий техник», заменил Рудольфа Федоровича Маркса на посту руководителя типографии, второй практического участия в делах фирмы не принимал. Лидия Филипповна была чуть ли не вдвое моложе Адольфа Федоровича, однако он «приобрел в ней неплохую и верную жену, которая умела вести дом в стиле, отвечавшем положению мужа, а после его смерти умела продолжать все издательское дело»[14].

Лидия Филипповна получила неплохое по тем временам для женщины образование. Кроме Коломенской гимназии, она окончила в 1884 г. Педагогические курсы при одной из петербургских гимназий, показав, как значится в аттестате, «весьма высокие знания»[15]. Затем Лидия Филипповна поступила работать в контору «Нивы», где и познакомилась со своим будущим мужем. После смерти Маркса, прождав приличествующий срок, она вторично вышла замуж за доктора медицины Василия

Павловича Всеволожского. Но их брак не был счастлив. Призванный в действующую армию Всеволожский соединил свою жизнь с работавшей с ним медицинской сестрой. После Октябрьской революции Лидия Филипповна, передав хранившиеся у нее рукописи в Пушкинский дом, служила некоторое время кассиршей в кинотеатре, а затем эмигрировала в Финляндию. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

Кроме состояния и имени Маркс оставил жене своих помощников: управляющего конторой «Нивы» Лазаря Евсеевича Розинера и редактора Валерия Яковлевича Ивченко, оставшегося в нашей памяти, скорее всего, благодаря своему псевдониму «Светлов», которым воспользовался впоследствии известный советский поэт. В 1912 г. Л. Е. Розинер уехал с женой в Италию и уже больше не возвращался в Россию. Его место занял брат Александр, за которым в литературных кругах прочно укрепилось прозвище «всесильный управитель». По словам К. И. Чуковского, «он был единственный человек в издательстве, неравнодушный к литературным интересам»[16]. Умер Александр Евсеевич в 1940 г., немало поработав в советской печати. Именно он и играл при Лидии Филипповне ту роль, что при покойном ее муже — Грюнберг.

Здесь, пожалуй, следует сказать несколько слов о человеке, который на протяжении почти четверти века был ближайшим помощником Маркса и пользовался исключительным авторитетом в литературном мире — Юлии Осиповиче Грюнберге (1853—1900). По характеристике И. Н. Павлова, это был «очень корректный, милый, опытный и честнейший издательский работник, безмерно любивший свое дело и буквально сгоревший на нем». «Самые сердечные строки» посвятил его памяти в автомонографии И. Э. Грабарь[17]. В Россию он приехал двадцатитрехлетним юношей из Вены, где окончил курс Коммерческой академии*, и поступил в контору «Нивы», в которой работал по день смерти, последовавшей после неудачной операции аппендицита.

Столь же высоким авторитетом пользовался и А. Е. Розинер, обладавший более волевым характером. На его долю и выпала роль последнего управляющего фирмой, основанной А. Ф. Марксом.

---

* Чуть позднее его приехал в Россию и другой выпускник этой Академии, ровесник Грюнберга, Иосиф Николаевич Кнебель, прославившийся впоследствии своими художественными изданиями.

Согласно воле ее покойного основателя, в 1907 г. фирма была преобразована в «Товарищество издательского и печатного дела А. Ф. Маркса в Петербурге» (Устав был «высочайше» утвержден 12 марта 1906 г.)[18]. На долю владелицы из 400 паев, по 4 тыс. руб. каждый, пришлось 204 пая, ее братья получили по 10 паев, брат Маркса — Рудольф Федорович —60 паев. Все его племянники, племянницы и прочие родственники стали владельцами в общей сложности 112 паев (4 пая были переданы наследникам Грюнберга). Таким образом, первоначально вновь образованное «Товарищество» мыслилось как семейное предприятие на манер «Товарищества М.О. Вольфа». Директором-распорядителем «с вознаграждением» стала Л. Ф. Маркс (Всеволожская), что было записано в решении учредительного собрания, состоявшегося 15 февраля 1907 г.

На том же собрании акционеры приобрели у Лидии Филипповны все наследованное ею движимое и недвижимое имущество за 1,6 млн. руб., которые составили основной капитал фирмы. Вскоре, правда, немецкие родственники Маркса покинули Россию* (видимо, реализовав впоследствии принадлежавшие им паи, так как в «Полном списке всех пайщиков Товарищества» на 1916 г. указано, что в их числе нет «неприятельских подданных»)[19]. После их отъезда последовали некоторые преобразования — заместительницей, как тогда говорили, «кандидатом в директора» стала Александра Николаевна Шульговская. Одновременно с организационной перестройкой второе собрание акционеров, состоявшееся 5 мая 1907 г., решило увековечить память основателя фирмы, образовав специальный фонд его имени, предназначенный для просветительных целей.

Дела фирмы шли не так успешно, как в былые времена. Полученная в 1910 г. прибыль составила 247 тыс. руб., а дивиденды — 5,5% (почти в два раза меньше, чем у «Товарищества» И. Д. Сытина!). Первая мировая война поначалу не изменила хода дел. В конце 1914 г. прибыль все еще исчисляется более или менее значительной цифрой — 147 тыс. руб., а дивиденды — 7%. Но затем положение заметно ухудшается. В 1915 г. чистая прибыль сокращается до 117 тыс. руб., а дивиденды вновь падают до 5,5%. На следующий год положение становится

---

*В мае 1907 г. они еще числились держателями паев (ИРЛИ, ф. 433, оп. 1, д. 3, л. 2—3).

просто угрожающим. Прибыль составляет всего 10,5 тыс. руб. Поэтому подводившее итоги минувшего года собрание пайщиков приняло решение утвердить отчет, а купон на «получение дивиденда на 1916 г. считать недействительным и не подлежащим оплате»[20].

Многое объяснялось трудностями военного времени, непрерывным увеличением затрат (дорожали бумага, материалы, оборудование, повышались гонорары) и сравнительно медленным увеличением тиража «Нивы» после бурных событий 1905 г. В 1911 г. тираж журнала достиг 185 тыс. экз. (подписка 161 тыс. экз.), в 1912 г. тираж поднялся до 200 тыс. экз. (подписка — 197,5 тыс. экз.), в 1913 г.— до 218 тыс. экз. (подписка превысила 200 тыс. экз.), в 1914 г. тираж достигает почти пика — 240 тыс. экз. (подписка 194 тыс. экз.). Но из-за начавшейся войны тираж издания в 1916 г. снова сокращается до 210 тыс. экз.[21]. Ограниченность ассортимента продукции, громадный объем приложений затрудняли возможность маневрирования, столь необходимого на книжном рынке военного времени. К тому же стал сказываться недостаток оборотных средств. На состоявшемся 24 апреля 1916 г. собрании пайщиков пришлось прибегнуть к экстраординарной мере: заложить личную недвижимость директора-распорядителя[22].

Именно в этот момент на авансцене вновь появляется человек, который два десятка лет ждал своего часа — Иван Дмитриевич Сытин. Не год и не два вместе со своим доверенным лицом А. В. Румановым приглядывался он к делам «Товарищества А. Ф. Маркса», ожидая момента, удобного для претворения в жизнь своей давней мечты.

История не сохранила документов о перипетиях закулисных переговоров и торгов вокруг крупнейшей сделки того времени. По косвенным свидетельствам, ее осуществили два человека: А. В. Руманов и секретарь «Нивы» И. М. Эйзен*. В Москве неоценимую услугу Сытину оказал Н. В. Тулупов, оставивший описание экстренного собрания пайщиков Сытинского товарищества, решавшего покупать или не покупать петербургское издательство: «Все предприятие Маркса оценивалось в миллион рублей золотом. Сытину сильно хотелось

---

*25 мая 1917 г. Эйзен писал Руманову: «Не могу не поделиться с Вами особым, торжественным чувством, испытываемым мною сегодня — в годовщину Вашего венчания с „Нивой“ ...» (ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 715, л. 8).

купить Маркса, но многих пайщиков пугал миллион, который надо было выложить на стол. Продажа должна была быть за наличные. Деньги немалые, большую часть их приходилось занимать в банке. На собрании много говорилось и за и против. Чтобы не провалить вопрос, надо было выбрать момент, когда поставить вопрос на голосование и в какой форме.

Вопрос я поставил вовремя, и собрание, правда, небольшим числом голосов, приняло решение купить Маркса. Сытин сиял, а многие пайщики хмурились и говорили: „За большим погонимся и малое потеряем". Но дело уже было сделано — Маркс перешел к Сытину»[23]. Заинтересованные лица получили извещение, уведомляющее что на общем собрании пайщиков 20 мая 1916 г. директором-распорядителем «Товарищества А. Ф. Маркса» был избран Иван Дмитриевич Сытин, директорами — Василий Петрович Фролов и Аркадий Вениаминович Руманов. Кандидатом в директора — Николай Иванович Сытин[24].

Как и следовало ожидать, вскоре часть паев предприятия попала на биржу, а оттуда в карманы тех, кто осуществил эту операцию. Наряду с «Товариществом И. Д. Сытина» паи оказались в сейфе Сибирского банка и Алексея Ивановича Путилова, директора Русско-Азиатского банка, финансировавшего «Товарищество Сытина». Не остались в накладе и его руководители: И. Д. Сытин, В. П. Фролов, В. И. Жигарев, И. Т. Соловьев, сыновья Сытина Иван и Николай, А. В. Руманов. Новыми лицами среди этой компании были лишь братья Борис и Ной Гордоны*, финансировавшие также и некоторые издательские начинания Горького[25]. Ничего необычного в свершившейся сделке не было. Капиталистические предприятия, стремящиеся занять монопольное положение в конкретной области, легко шли на сращивание своих капиталов с банковскими, а банки, приобретая акции патронируемой фирмы или получая их во временное распоряжение, охотно переходили от ее кредитования к финансированию, вводили в состав правления фирмы своих представителей (или наоборот), что вело к установлению личной унии между ними, «организационно закрепляющей складывающиеся отношения»[26].

---

*Н. А. Гордон — член правления Русско-Азиатского банка и Петроградского торгово-экспертного акционерного общества; Б. А. Гордон, промышленник, член правления Петроградского торгово-экспортного акционерного общества.



А. Е. Розинер

С того момента, как акционерные компании стали господствующей формой организации предприятий книжного дела, откровенно обнажились тенденции к его монополизации. Еще год-два, и в России появились бы свои концерны печати, если бы не свершившаяся вскоре Великая Октябрьская социалистическая революция.

Преобразование частной фирмы Маркса в акционерное общество не изменило характера ее деятельности ни в идейном, ни в организационном плане, если не считать некоторых изменений в адресах получателей дивидендов. Все объяснялось стремлением приспособиться к новым условиям бытования.

Мировая война осложнила положение «Товарищества А. Ф. Маркса», но кардинально не изменила

направления его деятельности. Расширять выпуск массовой литературы издательство не могло, так как с трудом реализовывало обязательства по выпуску традиционных своих изданий, круг потребителей которых с каждым годом войны все более и более ограничивался. В то же время безудержно росли цены на материалы, усугублялись трудности производства, а семейная, в сущности, форма организации предприятия исключала приток новых капиталов. Вести корабль в таких условиях дальше Лидии Филипповне становилось явно не под силу. Союз, предложенный Сытиным, был дальновидной и разумной мерой, осуществись он в свое время. Теперь же он грозил поглощением фирмы. Более целесообразным представлялся иной выход: следовало выйти из игры, сохранив свои капиталы. Директор-распорядитель фирмы выбрала именно этот путь, не чувствуя себя в силах продолжать начатое мужем дело*.

---

*Тех, кого интересует дальнейшая судьба этого издательства, отсылаем к страницам книги: Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин. М., 1983. С. 212—243.

Все остается людям

Говоря о заслугах Маркса перед отечественной культурой, следует отметить не только его участие в процессе демократизации сочинений русских классиков, но и справедливо приписанную ему современниками роль «творца литературных гонораров», какими бы намерениями он при этом ни руководствовался. Правда, последовательное повышение авторских гонораров, обусловленное в основном соображениями конъюнктуры, неизбежно вызывало и нежелательные последствия. В ажиотаже конкурентной борьбы подчас не учитывались конкретные потребности рынка и интересы отечественного книгоиздания. Известно, например, со слов С. А. Толстой, что издательство «Просвещение» (в значительной степени существовавшее на немецкие капиталы) намеревалось в июле 1902 г. приобрести права на сочинения ее великого мужа «на вечное владение за миллион рублей»[1]. С. А. Толстая отказалась от этого предложения*. Не исключено, что руководитель фирмы Н. С. Цетлин обуславливал сделку распространением ее юрисдикции на все сочинения писателя. Подробности переговоров остались неизвестны: но свершись она, вопреки первоначальной воле писателя, и судьба его произведений зависела бы от воли зарубежных толстосумов.

Да и Маркс был не безгрешен на этот счет; непрекращающийся процесс скупки его фирмой авторских прав отражал те же монополистические тенденции. Так, в начале нынешнего века он даже вознамерился перекупить у Московской городской думы права на все издания универсальной фирмы К. Т. Солдатенкова, завещанные городу бывшим владельцем[2]. В то же время наполнение сейфов фирмы приобретенными авторскими права-

*Права на произведения Л. Н. Толстого, написанные до 1881 г., остались собственностью семьи писателя.

ми нельзя объяснить лишь неуемной жаждой наживы. В какой-то мере этот процесс вызывался для фирмы и жизненной необходимостью: приходилось из года в год обновлять ассортимент издаваемой литературы, учитывать веяния времени, вкусы и интересы новых категорий читателей. «Круг читателей в России расширяется за счет так называемого „народа“, т. е. крестьянина и рабочего»,— писал в начале века Горький[3]. Именно это обстоятельство заставляло фирму ориентироваться на демократические слои русского общества. Указанная тенденция была всегда ей свойственна, но особенно резко обозначилась к концу века, заставив Маркса обратить внимание на так называемых «молодых» писателей, в первую очередь Чехова. Эти же причины вынуждали его искать контактов с А. М. Горьким, В. Г. Короленко, К. М. Станюковичем, приобрести права на издание сочинений А. К., Шеллера-Михайлова и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Особенно его интересовал Горький.

Воспользовавшись своим знакомством с Чеховым, он обратился к нему 13 июня 1901 г. с просьбой сообщить А. М. Пешкову, с которым не был лично знаком, о желании «приобрести право собственности на сочинения М. Горького или, во всяком случае, вступить с ним в переговоры». Не откладывая дела в долгий ящик, Чехов тут же сообщил Горькому о намерениях Маркса. «Сегодня я получил ответ от А. М. Пешкова-Горького,— отвечая издателю, писал Чехов 9 июля 1901 г.— Он просит меня написать Вам, что сочинения его издаются фирмой „Знание“, которой он вполне доволен и с которой разрывать не желает, так как находит это неудобным» (10, 51). Марксу ничего не оставалось, как поблагодарить Чехова за хлопоты[4].

Указанная Горьким причина имела известные основания, хотя «Знание» еще не в состоянии было выпускать полные собрания сочинений писателя тиражом, равным или хотя бы приближающимся к тому, каким выпускало их издательство Маркса. Но, противопоставив деятельность «Знания» всем «книгорыночным крокодилам» (выражение Горького), к числу которых он, безусловно, относил и Маркса, писатель не только не желал ему в чем-то содействовать, но в том же письме, где содержался ответ Марксу, предлагал Чехову разорвать свой контракт с ним.

Ответ Горького был недвусмысленным, но все же оставлял надежду на возможность каких-то вариантов.

Поэтому через год, 17 августа 1902 г., Л. Е. Розинер вновь обратился к писателю с аналогичным предложением, оговорив возможность приобретения авторских прав «только на одно издание в несколько сот тысяч экземпляров», с тем чтобы фирма, издающая его произведения (т. е. «Знание»), «могла бы не только сохранить право продажи уже напечатанных экземпляров, но и беспрепятственно повторять издания»[5]. Несмотря на исключительно выгодные для автора условия, Горький предложения не принял. По всей вероятности, сыграло свою роль его участие в кампании по расторжению договора Чехова с Марксом.

Переговоры возобновились лишь через десять лет опять по инициативе Розинера. На сей раз Горький переадресовал Розинера к Ивану Павловичу Ладыжникову, уполномоченному им для переговоров подобного рода, ссылаясь на то, что он «чувствует себя совершенно неспособным к этому занятию»[6]. Хотя Ладыжников, как видно из его письма, относился к предложениям Розинера положительно, ответ писателя не оставлял никаких надежд, и эти переговоры окончились безрезультатно; в начале июля Горький сообщил в контору «Знания» С. П. Боголюбову, что отказался от предложения «Товарищества А. Ф. Маркса» продать свои сочинения для издания их в качестве приложений к «Ниве»[7].

По-видимому, Ладыжников все же настаивал на продолжении переговоров с Розинером. Поэтому Горький в сентябре 1912 г. более четко сформулировал причины, по которым его не устраивали предложения «Товарищества А. Ф. Маркса»: «Поставленный „Нивой“ десятимесячный срок я не нахожу приемлемым, это свяжет меня по рукам и ногам. За это время может наступить момент, когда потребуется продать авторское право, и я буду лишен возможности сделать это. Я предложил бы „Ниве“ такие условия: она покупает на три года все, что опубликовано мною до сего дня и будет опубликовано на первое января 1916 г.— за 75 тысяч. Издание „Полного“ собрания в 15 тысяч преждевременно и ничем не оправдывается. Я предложил бы сделать дешевое издание в 5 больших томах осенью 1917 г., когда истечет 25 лет моей литературной работы»[8].

Откладывая заключение договора с «Товариществом А. Ф. Маркса», Горький более благожелательно относился к предложениям его конкурента, «Товари-

щества И. Д. Сытина», одновременно обратившегося к нему с аналогичной просьбой. Да и условия, предложенные Сытиным, были более выгодны. Тем не менее в декабре 1913 г. писатель подписал «Домашнее условие» на издание своих сочинений с социал-демократическим издательством В. Д. Бонч-Бруевича и «Товариществом А. Ф. Маркса». 7 сентября 1916 г. с последним был заключен договор на их выпуск в качестве приложений к «Ниве» на 1917 г.[9]

Столь же долгим и сложным оказались переговоры Маркса и его наследников с В. Г. Короленко.

12 июня 1902 г. Маркс обратился к писателю с просьбой уступить ему право издания его полного собрания сочинений. «Если Вы не прочь принять это предложение,— писал он,— то не откажите в любезности сообщить мне Ваши условия, т. е. за какую сумму Вы согласитесь передать право литературной собственности на Ваши сочинения». Он изъявлял готовность прислать в Геленджик, где в то лето жил писатель, своего представителя в случае, если возникнет необходимость в личной встрече[10]. Ответил ли Короленко издателю — неизвестно. Архив А. Ф. Маркса сохранился далеко не полностью, а написанное летом письмо могло было и не быть зарегистрировано в знаменитых копировальных книгах Короленко. Основание для такого рода предположения дает поздравление Маркса и Сементковского, посланное в следующем году писателю по случаю его пятидесятилетия, чрезвычайно любопытное для характеристики симпатий издателя в последние годы жизни:

«Многоуважаемый Владимир Галактионович!

Присылая Вам ко дню Вашего рождения нумер „Нивы", в котором отмечены Ваши заслуги перед родным словом, мы всей душой присоединяемся к многочисленным приветствиям и добрым пожеланиям, которые Вы получите и услышите в этот знаменательный для Вас день*. Добро плодит добро, и если проповедником его является талантливый писатель, то посеянные им семена дают особенно богатую жатву. Приветствуя в Вашем лице такого сеятеля добра, мы крепко жмем вашу руку»[11].

Но так как ответ и на это письмо не сохранился (если он был), судить об отношении писателя к изданию не представляется возможным.

Первоначальный проект договора между «Товариществом А. Ф. Маркса» и Короленко о выпуске его

*В журнале «Нива» (1903, № 46. С. 923—924) была опубликована биография Короленко и помещен его портрет. До этого, в 1901 г. (№ 14) в журнале был помещен портрет писателя.



Короленко В. Г. Полное собрание сочинений. Переплет

собрания сочинений датируется сентябрем 1912 г., договор —12 декабря того же года[12]. Издательство намеревалось назвать издание «Полным собранием сочинений»; сам писатель считал, что оно далеко не полное и правильнее было бы его считать просто «Собранием сочинений». Такого же мнения придерживался Н. К. Пиксанов, писавший, что «„полным“ издание 1914 года можно называть только условно». Однако это не помешало

критику его высоко оценить: «Мы имеем перед собою авторизованный текст, и воля писателя здесь несомненна. От этого издания должны отправляться все посмертные собрания сочинений»[13].

Долгие годы пиксановская оценка издания воспринималась как вполне закономерная и отвечающая истинному положению вещей, пока Я. Е. Донской не попытался поколебать эту точку зрения. По его словам, «издательство Маркса в первую очередь преследовавшее коммерческие цели, на эти вопросы (т. е. культуру издания, оформление и т. п.—*Е. Д.*) очень мало обращало внимания». Как утверждает Донской, писатель неоднократно просил Розинера уменьшить емкость листа, пригласить ответственного редактора, особо обратить внимание на встречающиеся опечатки, качество бумаги. Многие из погрешностей издания исследователь был склонен объяснять тем, что «Товарищество А. Ф. Маркса» «не располагало издательским аппаратом в том виде, как мы это привыкли понимать», отсюда и «много кустарщины» в его работе[14].

Все приведенные доводы имеют известные основания, но не учитывают существовавшую в те годы практику и специфику работы такого своеобразного предприятия, как «Товарищество А. Ф. Маркса».

Во-первых, вопреки утверждениям Я. Е. Донского, все приложения к «Ниве», в том числе и собрания сочинений, печатались под наблюдением ответственных сотрудников журнала, весьма малочисленных, но постоянных и достаточно подготовленных для роли редактора. Так, например, художественной стороной этих изданий ведал долгие годы художник М. М. Далькевич, оформитель «Мертвых душ» Гоголя и ряда других книг. Здравствующие писатели в соответствии с договорами сами выполняли функции редакторов. (Хороша или плоха такая постановка дела — вопрос иной.) В последнем случае все зависело от воли автора. Если он отказывался от этой роли, то приглашался опытный литератор, способный выполнить всю текстологическую работу. Он же часто являлся и автором предисловия.

Во-вторых, во всех дореволюционных издательствах, имевших свои типографии, была единая корректорская, причем, как правило, корректура держалась более чем тщательно. Разумную экономию нельзя характеризовать как «кустарщину».

В-третьих, вокруг крупных издательств, выпускающих иллюстрированные издания, подобные «Ниве», всегда группировался значительный круг художников, тесно сотрудничавших с фирмой, но получавших сдельную оплату. Они определяли художественное лицо издания в той же мере, как в наши дни штатные художники. Можно согласиться, что обложка собрания сочинений Короленко, выполненная художником М. И. Соломоновым, не отвечает духу творчества писателя, но нельзя не признать достаточно высокого профессионального уровня ее исполнения.

Полное собрание сочинений В. Г. Короленко было объявлено как приложение к «Ниве» на 1914 г. наряду с собраниями сочинений А. Н. Майкова и Э. Ростана, 12 книгами ежемесячного журнала «Литературные и популярно-научные приложения к „Ниве"», 12 номерами журнала мод и 12 листами схем, содержащих в общей сложности 600 чертежей вырезок, рисунков для выпиливания и т. п. Вышло оно в 27 книгах (9 томах), вопреки практике, без обычной в таких случаях биографии писателя. Сделано это было не по настоянию Короленко, ничего не имевшего против ее помещения в издании, а, скорее всего, из-за стечения обстоятельств, сопутствовавших выпуску собрания сочинений. Во всяком случае, одной юной читательнице, запросившей писателя о причинах случившегося, он отвечал так: «Моей биографии „Нива" действительно не приложила к моим сочинениям, и я не знаю, имеет ли она в виду ее приложить впоследствии. Это дело редакции»[15].

Стремясь наиболее полно представить творчество Короленко в своем издании, «Товарищество А. Ф. Маркса» решило значительно увеличить емкость листа комбинацией различных шрифтов. Розинер, например, предложил писателю набирать публицистические произведения так называемым узким корпусом, что увеличило бы объем публикуемого материала «приблизительно на 11 печатных листов в 35 000 букв, не выходя при этом из нормы (27 книг×9 л.), отчего, понятно, подписчик только выиграет», а некоторые библиографические заметки вообще печатать петитом[16].

Писатель, однако, с этим предложением не согласился. Отвечая Розинеру, он писал: «Что же это выйдет? Мне не хотелось бы слишком пренебрегать публицистическими статьями. Для меня это не второстепенный придаток, а половина моей работы и моей лите-

ратурной личности»[17]. Путем различных ухищрений издательство сумело довести объем издания до 270 печатных листов, в то время как объем всего написанного писателем составлял примерно 400—450 листов.

Еще бóльшие трудности возникли, когда пришлось решать вопрос о расположении материала. Издательство никак не рассчитывало, что Короленко повторит подвиг Чехова: сам подготовит свои сочинения к изданию и заново их пересмотрит. Поэтому оно предложило К. И. Чуковскому взять на себя труд по составлению и редактированию сочинений Короленко. Он и разработал первоначальный проект размещения материала. Писатель с ним не согласился. «Я разбиваю весь материал на сибирские рассказы, на рассказы из юго-западного края, чисто русские, аллегорические* и заграничные»,— писал он Розинеру 9 ноября 1913 г.[18]

Речь шла о желании Короленко сгруппировать рассказы по циклам, а внутри тома расположить их в хронологическом порядке. Тематически должны были группироваться и публицистические произведения. Он даже считал, что их следует отделить от беллетристики. Пожелание писателя о компактном размещении сибирских, украинских и волжских рассказов в основном удалось выдержать, чего нельзя сказать о публицистических произведениях, хотя частично и они были сгруппированы в подборки (см., например, тома IV, V, VI и VIII).

Находясь во Франции, отрезанный фронтами от России, Короленко не располагал необходимыми изданиями и материалами для сверки отдельных произведений с первопечатными текстами; присылаемые корректуры часто приходили с большим опозданием, из-за чего некоторые произведения пошли в набор, минуя его; технические трудности во многом усугубили сложность труда писателя, но в конечном счете не сказались на ходе работ по подготовке издания. В малом и большом писатель отстаивал свою точку зрения.

Чуковский же не соглашался с мнением автора. В недатированном письме к Розинеру он категорически отстаивал разумность предложенного им плана: «Пошлите Вл. Г. Короленко мои листки, не смущаясь их тоном. В. Г. меня знает. Я нарочно их

*Под «аллегорическими» подразумевались вошедшие в IV том произведения: «Сказание о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды», «Тени», «Мгновение», «Необходимость (Восточная сказка)» и др.

подписал. Теперь выходит, как у Грабаря в Третьяковской галерее*. Те же картины, а перевесит их дельный человек — и совсем другое: куда лучше»[19].

Грабарь, как известно, произвел перевеску картин после смерти Третьякова, а Чуковский попытался проделать нечто подобное при живом авторе, чем его чрезвычайно огорчил. Пришлось успокаивать писателя и отстаивать свою точку зрения уже не столь категорично:

Многоуважаемый Вл. Г.

Не успел написать в письме, дописываю теперь. Ради бога, не распределяйте материал географически: выйдет как у Тана или Серошевского**. Разве Вы этнограф, Вы — лирик, не описатель, а писатель; нужно, чтобы в каждом томе было лирическое единство, единство тона и «настроения», а не случайное единство той или иной местности. Умоляю, не делайте этого. Я было попробовал и увидел, что это поведет к умалению и «Сна Макара», и «Мороза» и т. д.

преданный Вам Чуковский

[29.XI.1913 г.][20].

Писателя Чуковский не убедил, и ему ничего не оставалось, как, отказавшись от взятого на себя труда, попросить Розинера перегруппировать материал в том плане, как это предлагал сделать Короленко: «Получаю уже 3-е письмо от Вл. Г.-ча. Право, мне страшно, что мы довели больного 60-летнего писателя до такого беспокойства. Вот его пожелание, которое нужно свято исполнять. ...Пошлите ему телеграмму. Успокойте. Ради бога»[21].

Предложенный автором план расположения материала был вызван определенными соображениями, одинаково исключающими как хронологическое, так и жанровое расположение: «Я желал ... не создавать неверного представления, будто я сначала писал одну беллетристику, а потом одну публицистику. Моя работа сразу же пошла двумя путями»,— аргументируя свою точку зрения, писал он Розинеру 23 ноября 1913 г.[22]

Фактически, отказавшись от услуг предложенного издательством редактора (не исключено, что по этой при-

---

*И. Э. Грабарь, став руководителем Третьяковской галереи, нарушил волю завещателя. Он изменил план развески картин, опираясь на строго научные основания, чем вызвал широкую дискуссию. Подробнее об этом см. письмо Чуковского Короленко от октября 1913 г. — Лит. газета, 1982, 31 марта.

**Тан Н. А. (псевд. Владимира Германовича Богораза. 1865—1936), советский этнограф, один из зачинателей изучения народов Севера. Серошевский Вацлав (1858—1945), польский этнограф-сибировед.

чине сочинениям так и не была предпослана биография писателя), Короленко, подобно Чехову, заново пересмотрел все свои произведения, подлежащие публикации в этом издании. Он не только вносил отдельные стилистические изменения и поправки в свои произведения, но многие из них заново переписал от начала до конца. «В некоторые повести и рассказы,— отмечал Донской,— писатель вводил новых героев, углублял характеристику действующих лиц, заострял их идейную направленность». По его мнению, Короленко рассматривал подготовку своего собрания сочинений как «своеобразное генеральное редактирование всего написанного им за многие годы. Он считал, что это должно быть выполнено основательно, прочно и теперь уже навсегда, опасаясь, что обстоятельства жизни не позволят ему в дальнейшем вернуться к этой работе»[23]. С этим утверждением нельзя не согласиться.

Многие трудности вызывались тем, что издательство анонсировало «Полное собрание сочинений» Короленко. Волей-неволей приходилось включать в него произведения, которые автор не намеревался переиздавать. «Обещание „полного издания" обязывает дать и такие вещи, которые иначе я бы не печатал. Таков и „Ненастоящий город". Я просто удивляюсь, как это плохо написано с внешней стороны. Пришлось пройти весь рассказ почти заново, сохраняя, конечно, те взгляды и общий характер. Таких вещей еще немало»,— объясняя сложность своего положения, писал Короленко. Добровольно возложенную на себя работу он считал в то же время исполнением своего долга»[24].

Больной писатель с трудом мог придерживаться заданного издательством темпа. «Для меня каждое отдельное издание — это большое дело,— писал он в июле 1914 г., объясняя важность начинания.— Все, что я писал на сроки, от фельетона к фельетону, под давлением редакции,— все это меня не удовлетворяло и лежало на моей совести... А теперь накопилось этого много, и нужно сделать все одним духом. То, что было уже издано отдельно, конечно, идет без перемен (нужно все-таки пересмотреть: от издания к изданию вкралось много ошибок). А над остальным работы много. До сих пор идет изрядно. Вероятно, благодаря тому, что я совершенно отошел от всего, думаю только об одной этой работе — она у меня и идет... Моя задача — появиться перед двухсоттысячной аудиторией без неряшливостей, во-пер-

вых, а, во-вторых, по возможности лучше и полнее досказать то, что должно быть сказано уже окончательно»[25].

Та же мысль подчеркивается и в других письмах к родственникам, подчас упрекавшим его за отказ от творческой деятельности ради завершения предпринятого издания. Некоторым из них решение писателя казалось неразумным, а издание сочинений делом второстепенным, которое следовало поручить посторонним лицам. «Сейчас мне ни за какую серьезную работу взяться нельзя.— писал Короленко.— И то удивляюсь на себя,— как дотянул издание и сделал все-таки прилично. Над многим пришлось посидеть очень сильно... Многое переделал сплошь. Мои очень настаивали, чтобы я это бросил и печатал так, как было. Но я этого не мог. Ведь не печатал же я в прежних изданиях. На это были причины. Их еще больше, когда приходится печатать окончательно и в 200 тысячах экземпляров*. Если прочтешь, например, „С двух сторон", то увидишь, что это почти новая вещь. А размер — $5^1/_2$ листов. И иначе я не мог: только закончив все так, как хотелось, я успокоился и теперь могу начать отдыхать»[26].

Примерно в тех же тонах он ответил и другой родственнице, указывая на громадный объем проделанной им работы: «Я многое радикально переделал... Многое очень увеличено („Самозванцы") и дополнено новейшими фактами, многое сильно сокращено и тоже дополнено („В пустынных песках"). Вообще, когда я теперь оглядываюсь на то, что сделано в эти полгода, да еще во время серьезной болезни, то я просто удивляюсь, что я мог это сделать. Вдобавок — приходилось много тратить времени на то, чтобы сообразить состав книжек,— ведь это не просто печатается подряд, как попало: нужно пригонять по отдельным книжкам»[27].

Наивно было бы полагать, что в столь сложной работе, как подготовка к изданию сочинений писателя, работавшего на протяжении многих лет в различных жанрах, произведения которого раскиданы по многочисленным, в том числе и провинциальным, газетам, не было срывов. Однако возникавшие время от времени конфликты не следует объяснять, как это делает Я. Е. Донской, коммерческой направленностью издательства. Дей-

---

*Собрание сочинений Короленко было издано тиражом в 179 тыс. экз. (ГБЛ, ф. 135, разд. II, к. 39, д. 51, л. 4).

ствительно, во время пересылок пропала часть корректуры VI тома, почему она и не была отредактирована автором. Более того, в этот том попали мелкие произведения, которые он не собирался включать в издание. В другой раз в присланной корректуре Короленко обнаружил, что в рассказе «Птицы небесные» нет окончания и никто этого не заметил. «Неужели возможно, что книга так бы и появилась с неоконченной статьей?» — с тревогой запрашивал писатель по этому поводу Розинера. Кстати, корректура последних томов содержала гораздо больше ошибок, чем первых, причем встречались и искажающие смысл. Все объяснялось тем, что заметно сменился состав наборщиков, так как многие опытные рабочие были мобилизованы в армию. Поэтому писатель, естественно, опасался, что корректура часто задерживается и его поправки, неровен час, «запоздают».

Но гораздо больше, чем ошибки в корректуре, волновали его другого рода огрехи. «Известие о цензурном вмешательстве в издание огорчило меня до глубины души: запрещены самые значительные мои публицистические работы»,— писал он в ноябре 1914 г. Розинеру. Реабилитируя себя в глазах читателей, издательство в последнем, девятом, томе собрания сочинений Короленко сообщало, что «по независящим от автора и редакции обстоятельствам, не включены в „Полное собрание сочинений“ следующие произведения: „Черты военного правосудия“, „Дело Глускера“, „Бытовое явление“, „О свободе печати“ и „Судебная речь В. Г. Короленко“». И все же, подытоживая проделанную работу, писатель с полным основанием заметил: «Ну, да слава богу, что и так удалось это дело довести до конца»[28].

Уже после свержения царизма, в сентябре 1917 г., издательство попыталось исполнить свой долг перед читателем. Розинер, который, по словам К. И. Чуковского, «благоговел» перед Короленко, предложил ему выпустить в качестве приложения к «Ниве» на 1918 г. две дополнительные книги, включив в них произведения, ранее не пропущенные цензурой и вновь написанные. Писатель охотно принял его предложение. Вдобавок к выплаченным ранее 75 тыс. рублей гонорара издательство уплатило автору за новые две книги еще 10 тыс. руб. Первый том был даже набран (сохранилась его корректура), но из-за прекращения выхода «Нивы» так и не увидел света[29].



Экслибрис А. Ф. Маркса

Полное собрание сочинений В.Г. Короленко шло в ряду сочинений писателей-демократов, начало которому положил еще покойный основатель фирмы. Продолжая намеченную линию, вдова Маркса в декабре 1904 г. выкупила у сына А. Н. Плещеева авторские права отца, в сентябре 1905 г. приобрела в полную собственность сочинения Омулевского (И. Ф. Федорова), которые и издала в следующем году, воспользовавшись цензурными послаблениями. В апреле 1909 г. у наследницы М. И. Михайлова были приобретены все его сочинения, увидевшие свет в 1915 г.[30] До этого были изданы собрания сочинений В. М. Гаршина (1910) и Н. Г. Помяловского (1912). В канун Октябрьской революции вышло очередное собрание сочинений С. Я. Надсона (1917). До этого была сделана попытка приобрести права на сочинения Н. А. Некрасова. В апреле 1913 г. в печати появились сообщения о переговорах нескольких издателей с его наследниками. «Вопрос о хорошем издании произведений Некрасова, так сказать, носится в воздухе»,— писал в эти дни Н. О. Лернер[31]. Чуковский советовал Розинеру немедля покупать права на сочинения поэта «за какие угодно деньги». Но не сразу пускать их приложениями к «Ниве», а издавать сначала «отдельными томами», чтобы компенсировать потери[32].

Венцом этой весьма примечательной библиотеки должно было стать собрание сочинений А. И. Герцена,

переговоры с наследниками которого были завершены 22 марта 1917 г., уже в то время, когда «Товарищество А. Ф. Маркса» перешло в руки И. Д. Сытина. Сочинения были куплены за весьма значительную сумму — 92,5 тыс. руб.— с оговоренным условием: редактировать издание должен был обязательно М. К. Лемке, получивший право распоряжаться эпистолярным наследием писателя[33]. Предполагалось, что собрание сочинений Герцена будет напечатано в 1918—1922 гг. Оно и вышло в эти годы, но уже под другой маркой.

А из изданных при Л. Ф. Маркс сочинений писателей-демократов наибольший успех выпал на долю вышедших в 1908 г. сочинений Глеба Ивановича Успенского, являвшихся, по сути дела, перепечаткой вышедшего в 1903—1904 гг. в Киеве первого посмертного издания сочинений писателя, осуществленного при ближайшем участии его сына Александра Глебовича. Приложенное к «Ниве» издание предваряла вступительная статья патриарха народничества Н. К. Михайловского, заимствованная из павленковского, еще прижизненного, издания сочинений писателя. Желая как-то осовременить издание, а может быть, и расширить корпус включаемых произведений, издательство пригласило принять участие в его подготовке Н. А. Рубакина, который охотно на это согласился. Об этом можно судить по ответу Л. Е. Розинера на одно из его писем: «... что же касается документов, характеризующих отношение покойного Глеба Ивановича к изданиям его сочинений, то у нас, собственно, имеются договоры, заключенные уже наследниками Г. И. Успенского, 〈...〉 Других же каких-либо данных о Г. И. мы, к сожалению, не имеем. Мы полагаем, что все необходимое вам будет сообщено Борисом Глебовичем»[34]. Неожиданно из-за болезни жены Рубакин был вынужден в начале декабря 1907 г. выехать за границу, успев к этому времени закончить лишь биографию писателя. Поскольку известно, что договор с наследниками Успенского был заключен 6 октября 1907 г., то в столь малый срок ни Рубакин, ни какой-либо другой литератор не мог сделать что-либо существенное по пересмотру и дополнению собрания сочинений Успенского, которое вышло уже в следующем году[35].

Во всей этой истории любопытен факт участия в делах «Товарищества А.Ф. Маркса» Н. А. Рубакина, известного популяризатора, человека, близкого в прошлом народническим кругам. Его кандидатура как участника

подготовки первого массового издания сочинений Г. И. Успенского обусловливалась установившимися связями с издательством. Незадолго перед тем, как взяться за написание биографии Успенского, Рубакин согласился вести «Общедоступную библиотеку» и составить серию «народных» изданий произведений Чехова (подобно дешевой библиотечке произведений Гоголя, выпущенной еще покойным основателем фирмы).

Произведения Чехова, по мнению Рубакина, следовало издавать в виде ряда небольших книжек, рассчитанных на самых неподготовленных читателей. Он внимательно прочел собрание сочинений писателя и отобрал рассказы, доступные для понимания народного читателя: «Их немного, но тем не менее все же имеются»,— писал он Л. Ф. Маркс. Рубакин считал, что и эти рассказы могут быть превратно истолкованы, если их не адаптировать и не придать каждой брошюрке словарик иностранных слов. Он одобрил формат и образцы бумаги, присланные фирмой, предлагал наиболее удобный для этой цели шрифт. Вместе с письмом он посылал список произведений Чехова, рекомендуемых им для включения в серию.

Уехав в Швейцарию, Рубакин не порывал связи с издательством. Сохранившиеся письма свидетельствуют, что он не оставил мысли продолжить работу по чеховской серии. «Половина материала у меня почти готова,— писал он Л. Ф. Маркс, покидая Россию.— Не откажите поскорее уведомить, в каких размерах Вы намерены печатать сборник рассказов Чехова». В 1910 г. в письме к Розинеру он все еще интересовался судьбой этого начинания[36].

Трудно с полной определенностью сказать, чем была вызвана тенденция к расширению круга авторов «нивских» собраний сочинений. По сути дела, еще при жизни Адольфа Федоровича, наряду с сочинениями классиков, в качестве приложений стали выходить собрания сочинений писателей, которых нельзя было при всем желании причислить к таковым. Преемникам Маркса ничего не оставалось, как, с одной стороны, восполнить пробелы прошлых лет и выпустить собрания писателей демократического лагеря, ранее не привлекавших внимания издательства, а, с другой, пустить в качестве приложений собрания сочинений наиболее популярных современников: Л. Н. Андреева, И. А. Бунина, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. В. Вересаева и некоторых других писателей.

В то время как Л. Е. Розинер вел переговоры с Горьким, хотя и не завершившиеся на первых порах заключением договора, его брат Александр действовал более успешно — ему удалось перекупить право на одно издание полного собрания сочинений Леонида Андреева, незадолго до того вышедшего из возглавляемого Горьким издательского товарищества «Знание».

Выйдя из «Знания», Андреев продал 28 декабря 1909 г. авторские права на все свои произведения, опубликованные до заключения договора, и все, что «будет вслед за сим опубликовано в количестве пятнадцати листов, включая и фельетоны и проч.», издательству «Просвещение». Характеризуя действия своего бывшего друга, Горький писал 16 февраля 1910 г. одному из сотрудников «Знания»: «А что касается до Леонида Андреева — это хорошо,— пусть его возьмет свои деньги и уходит. Вы знаете, как я был близок с ним, я хорошо изучил его характер и нисколько не удивлюсь, если он перепродаст... и Марксу»[37].

Предчувствия не обманули писателя: 28 сентября 1912 г. Андреев уступил «Товариществу А. Ф. Маркса» права на все свои произведения, как вышедшие после заключения договора с «Просвещением», так и на те, которые будут написаны вплоть до октября 1917 г., для издания их в качестве приложения к «Ниве» (без права их отдельной от журнала продажи). Весьма интересны условия, на которых был заключен договор: гонорар за лист произведений, написанных до ноября 1913 г., составлял 500 руб., до ноября 1914 г.—600 руб., до января 1916 г.—700 руб.

Получив согласие Андреева, «Товарищество А. Ф. Маркса» выкупило права на одно издание «Полного собрания сочинений» его у его юридического владельца — издательства «Просвещение» за 35 тыс. руб.[38], но не стало ждать 1917 г., а пустило их приложением на следующий же год.

В качестве составителя и редактора сочинений Андреева был приглашен Чуковский. Времени на подготовку издания не оставалось, к тому же автор не высказал никакого желания принять в ней участия, поэтому все делалось наспех. Тем не менее Андреев остался доволен работой редактора: «Распределение, сделанное К. И. Чуковским,— писал он 21 ноября 1912 г. А. Е. Розинеру,— мне очень понравилось. Нахожу разве одну только ошибку: портрет, пейзаж, фельетоны из-под первого тома,

и едва ли стоит распространять их, как сыпь, по разным книгам. Кажется, было бы целесообразнее оставить их в одной книжке». Заодно выяснилось, что пропущены три вещи: рассказ „Правила добра“ („Русское слово“, 1912, №№ 1—3), предисловие к американскому изданию „Семи повешенных“ и сказка „Храбрый волк“[39]».

Расчет издателей оказался верен: имя пользовавшегося в те годы особой популярностью писателя привлекло внимание читателей. Благодаря его сочинениям тираж журнала увеличился на 23,5 тыс. экз.

В отличие от своих предшественников, Иван Алексеевич Бунин, как давний автор «Нивы», сам предложил «Товариществу А. Ф. Маркса» издать собрание своих сочинений. «Условия мои, опять-таки по многим исключительным причинам, будут весьма скромные,— писал он Л. Ф. Маркс 14 апреля 1913 г.— У меня имеется 10 довольно *больших* томов, из которых легко, особенно благодаря добавлениям, кои я намереваюсь сделать для этого *первого* полного собрания моих сочинений,— составить 12 ⟨томов⟩. Если бы Вы ничего не имели против моего предложения принципиально, я мог бы приехать в Петербург для начала переговоров».

Последующие письма адресованы непосредственно А. Е. Розинеру и свидетельствуют о трудностях, возникших в непосредственной связи с начавшимися переговорами.

Многоуважаемый Александр Евсеевич,

сейчас удалось достать маленькое купе на 9.30, и я уезжаю, ибо надежды на то, что мы столкуемся, у меня весьма мало. Все же подумайте. Ведь мы расходимся только из-за года!

В Москве* пробуду всего 2—3 дня. Затем Большой Фонтан, Херсонской губ., дача Ковалевского, мне. Но, конечно, из-под Одессы трудно столковаться. Если что, подумайте,— т. е. сдадитесь — поспешите черкнуть, задержите меня в Москве.

Ваш Ив. Бунин.

И «всесильный управитель» сдался. «Упустить» Бунина он не мог не только потому, что в период между выпуском собраний сочинений Короленко и Горького образовался явный вакуум, грозивший сбить темп подписки, но, скорее, из-за самой возможности выпустить первым собрание сочинений почетного академика.

В ответ на поднятый белый флаг из Москвы последовала срочная телеграмма: «Понедельник буду в Петербурге. Установите точно детали условия. Бунин»[40].

---

*Столовый пер. (Близ Поварской), д. 11 (Н. А. Муромцевой).

7 мая 1913 г. между Буниным и «Товариществом А. Ф. Маркса» был подписан договор, согласно которому писатель предоставил Товариществу «исключительное право издания» своих произведений «для выдачи бесплатным приложением к журналу «Нива» в течение одного года в период времени между первым января 1914 и 31 декабря 1916 г. включительно»*. Уступил Розинер и в другом пункте, согласившись на требование Бунина поместить в Полном собрании сочинений только те произведения, которые были ранее опубликованы в его сборниках, а из публикаций, появившихся в периодической печати, отобрать те, которые автор сам «найдет нужным включать».

И еще одно условие поставил требовательный автор, но оно устраивало издательство: «Все мои произведения собираются и редактируются мною, Буниным, с тем, что я вправе включать в них необходимые с моей точки зрения поправки и изменения».

Издательство не возражало против параллельного издания сборников новых и переиздания старых произведений Бунина, но, со своей стороны, обязывало писателя в течение пяти лет предоставлять «Товариществу А. Ф. Маркса» «преимущественное право приобретения своих новых сочинений».

Что же касается гонорара, то Бунин выставил действительно скромные условия. При подписании договора ему были выплачены 20 тыс. руб. и установлена ставка за новые произведения — 300 руб. за лист с тем, чтобы сумма доплаты не превышала 5 тыс. руб.[41]

Подписав договор, Бунин уехал в Одессу, где получил в самом начале мая следующего года письмо от Розинера, в котором тот просил прислать план собрания сочинений, а если возможно, то и «материалы для набора в готовом виде». Издательство явно не посягало на какое-либо нарушение авторской воли, вполне полагаясь на автоpедактуру и желая только несколько увеличить объем издания, с тем чтобы окончить его выпуск в следующем году и таким образом гарантировать подписку еще на один срок. 15 марта 1914 г. автор послал Розинеру план издания, по которому тома собрания сочинений строились не по хронологическому или жанровому принципу, а по вышедшим ранее сборникам, причем Бунин начисто исключал

---

*Вероятно, Бунина не устраивал растянутый срок публикации сочинений, но он с ним согласился, поставив непременным условием включать только произведения, «появившиеся в печати до 1 ноября 1913 г.»

возможность публикации целого ряда своих ранних произведений. Обращаясь к Розинеру, он писал:

«Я несколько раз перечитал то небольшое количество прозы, которое или совсем еще ни разу не входило в отдельные издания моих сочинений, или входило в книжки, издававшиеся для детей, для подростков, и которые я хотел бы включить в Ваше издание, — и пришел к заключению, что делать этого совсем не стоит: эти рассказы, эти юношеские наброски необыкновенно слабы, мне весьма стыдно, что я когда-то тискал их. Мало и стихов хочу добавить я: какой смысл напоминать публике, что когда-то я очень плохо писал стихи. Надеюсь, что Вы ничего не будете иметь против моего решения, что Вы напишите мне, что согласны со мной, и удовлетворитесь тем, что перечислено у нас в условии, и тем, что написано и напечатано мною после него — книгой „Иоанн Рыдалец“ и стихами и рассказами 1913—1914 гг. (еще не бывшими в отдельном издании). 〈...〉

Очень прошу Вас высказаться, одобряете ли Вы этот план, и сообщите, когда именно доставлен должен быть Вам весь материал. Думаю, что недели через 2—3 смогу выслать Вам все (Ведь не поздно, конечно?). Еще раз все перечитываю и немного правлю. 〈...〉 Хорош ли портрет, посл〈анный〉 мною для воспроизведения? Кому заказываете статью обо мне?»[42]

Свое мнение писатель высказывал не без иронии, но категорично, и адресату ничего не оставалось, как согласиться с ним. Волю автора в определении корпуса первого собрания сочинений в то же время можно рассматривать и как самооценку всего им сделанного. Ведь и Чехов исключил из своего собрания сочинений многие произведения, которые не только издателю, но и читателям представлялись и представляются совершенными!

В отличие от Андреева, Бунин просмотрел все произведения, отобранные им для включения в собрание сочинений, отдельные из них заново отредактировал и даже переработал. С глубокой заинтересованностью отнесся он к подготовке своего собрания сочинений. В последующих письмах к Розинеру то и дело встречаются фразы, свидетельствующие о переживаниях автора за судьбу своего детища. После ряда сокращений текста, потребовавшего переверстки одной из книг, он просил Розинера: «Для успокоения моего (не для новых правок, а только для успокоения) прикажите прислать мне — после всех исправлений — весь том прозы» (23 января 1915 г.). Подпи-

сав листы корректуры очередного тома к печати, Бунин считает нужным обратить внимание Розинера на возможные ошибки: «Ужасно боюсь, не напутали бы в них, уж очень я их измарал». Те же опасения возникают после просмотра корректуры следующего тома: «В них много поправок, — пишет он Розинеру, — боюсь, что напутают, и посему очень прошу прислать мне еще раз их». Бунин придавал серьезное значение любой частности, касавшейся оформления книги, особенно если речь шла о форме подачи текста: «В „Деревне" всего три главы (вернее, части). Они все еще велики. Я бы очень хотел, чтобы каждая из них начиналась с новой страницы», — высказывает он свое пожелание Розинеру и подчеркивает последнюю фразу*.

Особенно огорчало писателя то обстоятельство, что он не послушал в свое время Розинера и настоял на своем плане издания, исключив из него многие ранние произведения: «Книжки мои выходят так страшно жидки, что, может быть, нужно добавить материалу? Пожалуйста, сообщите, — спрашивает он своего адресата, — нужно ли? Я думаю, что смогу дать Вам в сентябре или даже раньше несколько листов новой беллетристики»[43].

По ходу дела кое-что удалось исправить; например, первый том; содержавший поэтические произведения, открывался ранними стихотворениями. Последний, шестой, включал рассказы 1913—1915 гг., статьи и заметки, часть которых ранее не намечалась к публикации в этом издании. Да и структурно оно претерпело некоторые изменения сравнительно с первоначальным планом. Заключали последний том «Автобиографические заметки», что исключало необходимость помещения в издании специальной биографической статьи.

В конечном счете Бунин высоко оценил содружество с «Товариществом А. Ф. Маркса», особенно отметив благожелательность и помощь управляющего фирмой. «Так как дело наше с Вами приходит к концу, — писал он ему в одном из последних писем, — то позвольте просить Вас принять от меня искреннюю благодарность за все то внимание, которое Вы неизменно проявляли ко мне»[44].

Издание собраний сочинений крупнейших (точнее, самых известных) писателей начала века еще не свидетельствует о том, что фирме удалось реализовать все свои намерения. Такого еще не удавалось ни одному изда-

---

*Эта просьба писателя не была выполнена.

телю, даже Сытину, наиболее близко стоявшему к заветной цели. Так, например, «Товарищество А. Ф. Маркса» не сумело приобрести права на издание собрания сочинений одного из крупнейших русских публицистов — А. В. Амфитеатрова. Розинер даже подключил к своим переговорам жену писателя, но и она не смогла уговорить мужа согласиться с гонораром, предложенным издательством[45].

«Товарищество» предполагало вторично издать в 1915 г. полное собрание сочинений Достоевского, с тем чтобы пустить в продажу за очень скромную цену сверх комплекта бесплатных приложений. Но этому, видимо, «помешало» собрание сочинений Бунина, гарантировавшее подписку на второй год войны, а может быть, не удалось в конечном счете договориться с «Книгоиздательским Товариществом „Просвещение"», владевшим правами на сочинения писателя[46].

В том же 1915 г. «Товарищество А. Ф. Маркса» через А. А. Измайлова предложило К. Д. Бальмонту уступить авторские права на «Собрание» его стихов, которые были изданы перед тем С. А. Поляковым и издательством «Скорпион», но переговоры не увенчались успехом[47].

Бальмонт был первым из русских модернистов, сочинения которого «Товарищество А. Ф. Маркса» вознамерилось издать. Что определило неудачу этой попытки: несговорчивость автора или иные причины — сказать трудно, так как никаких следов, кроме ответного письма самого Бальмонта, не сохранилось. Тем не менее факт этот сам по себе весьма знаменателен, так как свидетельствует о желании редакции «Нивы», оставаясь верной реалистическому искусству, расширить круг авторов за счет писателей, придерживающихся иных эстетических позиций. В одном из рекламных проспектов на 1910 г. редакция, соглашаясь с тем, что «духовные запросы современного общества разрастаются с каждым годом», обещала объективно отражать эти тенденции на страницах «Нивы» и иных своих изданий, особенно «в отделе изящной словесности, с ее новыми словами и веяниями, и в очерках нашего политического и общественного самосознания»[48].

Сказанное реализовывалось в первую очередь в «нивской» библиотеке собраний сочинений крупнейших русских писателей. Именно русских, поскольку подбор издававшихся одновременно с ними в одном и том же годовом комплекте приложений сочинений зарубежных писателей носил случайный характер, хотя речь всегда шла о широко известных авторах. Отвечая поэту

Н. М. Минскому, предложившему подготовить для издательства собрание сочинений Метерлинка, Лидия Филипповна писала, что «вопрос о приложении иностранного автора у нас решается только в самую последнюю минуту — накануне самого открытия подписки, зависимо от того, каких русских авторов, в каком объеме и проч. даем»[49].

Время обесценило многие из выпущенных Марксом и его наследниками сочинений; вышедшие в наши дни издания значительно полнее, несопоставимо выше уровень их текстологической подготовки. Однако некоторые из «нивских» изданий никогда не потеряют своего значения, поскольку подготовлены самими авторами и выражают их последнюю волю (Чехов, Короленко), другие и по сей день служат основой для советских изданий (Бунин и Фет). Нельзя забывать, что некоторая часть включенных в издания Маркса произведений не вошла в современные собрания сочинений (Лесков, Полонский). Немалое число выпущенных фирмой собраний сочинений писателей так называемого второго ряда вообще не издавалось за годы Советской власти.

Но главную заслугу издателя следует видеть прежде всего в том, что выпущенные им книги послужили развитию отечественной культуры в те годы, когда дело просвещения народа в значительной мере было предоставлено частной инициативе.

И уж никто, понятно, не мог предположить, что с переиздания «марксовских» собраний сочинений русских классиков начнет свою деятельность Литературно-издательский отдел Народного комиссариата просвещения, гордо заявив пропечатанными на их титуле строками, что настало наконец время,

когда мужик не Блюхера
И не Милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет.

Адольф Федорович Маркс в немалой степени содействовал осуществлению этой мечты поэта.

Примечания

Время и место

1. Мордовцев Д. Л. Десятилетие русского земства, 1864—1875. Спб., 1877. С. 17.
2. Куфаев М. Н. История русской книги в XIX веке. Л., 1927. С. 160.
3. Мордовцев Д. Л. Указ. соч. С. 73.
4. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913) М., 1956. С. 289, 295, 297.
5. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15 т. М., 1950. Т. 5. С. 696.
6. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 212—213.
7. Н. Ч. На книжных рынках//Дело. 1871. № 5. С. 181.
8. Книжное дело в России//Неделя. 1869. № 23. С. 749—750.
9. Теплинский М. В. «Отечественные записки»/1868—1884/. История журнала. Лит. критика. Южно-Сахалинск, 1966. С. 304.
10. Достоевский Ф. М. Книжность и грамотность//Время. 1861. Т. 4. № 7. С. 35—36; 46—47; № 8. С. 125.
11. Фингал (И. Н. Потапенко). Общественная польза//Русь. 1904. 31 окт./13 нояб./.
12. Аббадона (А. В. Амфитеатров). Из зарубежных откликов//С. Петербургские ведомости. 1904. 19 нояб. (2 дек.).
13. Адольф Федорович Маркс: (некролог)//Ист. вестн. 1904. № 12. С. 1089—1090.
14. Кузьмин Н. Художник и книга. М., 1985. С. 15.

Выбор пути

1. А. Ф. Маркс//Нива, 1894, № 53. С. 17—18. В другом варианте биографии, сохранившейся в архиве П. В. Быкова, эта фраза написана более точно и правильно по-русски: «вода замерзала в кувшине». Как известно, немцы умывальниками в те времена не пользовались./ИРЛИ, ф. 273, оп. 2, д. 101/.
2. Д-р О. Файл считает, что вторым хозяином Маркса был владелец берлинской книжной фирмы Адольф Энслин. В то же время он сомневается в справедливости указаний немецкого биографа Маркса Вильгельма Хенкеля, считавшего, что Маркса Гинсторфу рекомендовал в 1854 г. писатель Фриц Ройтер. — Feyl O. ... und einer der Kühnsten Verlag in vorrevolutionären Rußland.— Börsenblatt fur den Deutschen Buchhandel, 1983, № 2, S. 29—30, № 3, S. 50—51.
3. ИРЛИ, ф. 273, оп. 2, д. 101, л. 1—8.
4. Либрович С. Ф. На книжном посту. Воспоминания, записки, документы. Пг. М., 1915. С. 284.
5. Там же. С. 388.

6. М-тин И. Сведения о книгах, вышедших в 1864 г.— Кн. Вестн. 1865. № 24. С. 489—491.
7. Куфаев М. Н. Указ. соч. С. 182.

«Нива»

1. Файл О. Указ. соч.
2. Либрович С. Ф. Указ. соч. С. 386. В биографии Маркса, опубликованной в «Ниве» при жизни ее издателя, сообщалось, что, «заручившись капиталом, который был доверен ему одним из его друзей, он ... решился приняться за издательство и издал две-три книги»/Нива, 1894, № 53. С. 17/.Возможно, одно не противоречит другому. В первом случае имелось в виду издание журнала, во втором — упомянутые книги.
3. Андерсон В. Л. Семейство Плюшар — типографы//Рус. библиофил, 1911. № 1. С. 26—43.
4. «Нива» (1870—1889)//Нива, 1894, № 53. С. 23.
5. Теплинский М. В. Указ. соч. С. 43.
6. ЦГИА, ф. 776, оп. 11, д. 154, ч. 1, с. 203 об.
7. Там же, оп. 4, д. 329, л. 129—130, 172—173.
8. ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 1, д. 1, л. 1.
9. ЦГИА, ф. 776, оп. 4, д. 329, л. 5, 7, 10, 12; ф. 777, оп. 2, д. 51, л, 30; ЦГАОР, ф. 109, 1869, д. 14, ч. 1, л. 117, 118, 119, 132.
10. ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 1, д. 2, л. 1.
11. Там же, л. 2, 3.
12. Искра, 1870, № 3, с. 128. (То же см.: Минаев Д. Д. Соб. стихотворений. Л., 1947. С. 206.)
13. ЦГИА, ф. 776, оп. 2, д. 8, л. 572—575; ф. 777, оп. 2, д. 51, л. 17; ф. 776, оп. 4, д. 329, л. 40, 41, 41 а, 43, 44 об.
14. Там же, оп. 2, д. 10, л. 521—524 об.
15. Там же, ф. 777, оп. 2, д. 51, л. 67.
16. Там же, л. 95, 81.
17. ЦГАЛИ, ф. 446, оп. 1, д. 313, л. 1; ЦГИА, ф. 777, оп. 2, д. 51, л. 234.
18. ЦГИА, ф. 776, оп. 2, д. 51, л. 122.
19. Розенберг В. и Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905. С. 134.
20. Ямпольский И. Дмитрий Минаев//Минаев Д. Д. Указ. соч. С. XIX.
21. ЦГИА; ф. 777, оп. 2, д. 51, л. 34, 39.
22. Там же, ф. 776, оп. 4, д. 329, л. 79, 80.
23. Там же, ф. 777, оп. 2, д. 51, л. 101, 127.
24. Там же, ф. 776, оп. 4, д. 329, л. 100, 106.
25. Там же, л. 112, 116.
26. Там же, л. 141, 145.
27. Там же, ф. 777, оп. 2, д. 51, л. 164, 169; ф. 776, оп. 4, д. 329, л. 174.
28. Там же, ф. 777, оп. 2, д. 51, л. 190, 206; ф. 776, оп. 4, д. 329, л. 185.
29. Кугель А. Р. Листья с дерев. Л., 1926. С. 24.
30. ЦГИА, ф. 777, оп. 2, д. 51, л. 213; ф. 776, оп. 4, д. 329, л. 189, 244, 252; Глинский Б. Б. Р. И. Сементковский//Ист. вестн., 1916. № 9. С. 752.
31. ЦГИА, ф. 776, оп. 4, д. 329, л. 65, 66, 69.
32. Русские ведомости, 1888, 1 янв.
33. ЦГИА, ф. 777, оп. 2, д. 51, л. 146, 151; ф. 776, оп. 4, д. 329, л. 150, 151; д. 51, л. 151, 230.

34. Там же, ф. 777, оп. 2, д. 51, л. 204; ф. 776, оп. 4, д. 329, л. 168, 180.
35. Либрович С. Ф. Указ. соч. С. 389.
36. Гнедич П. П. Книга жизни. Воспоминания, 1885—1918. Л., 1929. С. 111.
37. Боханов Н. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1984. С. 89.
38. Авсеенко В. Кружок беллетристов «Нивы» в 70-х годах//Нива. 1904. № 50. С. 1006.
39. Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного просвещения. М., 1890. С. 95, 97, 99—101.
40. Пругавин А. С. Указ. соч. С. 536—537.
41. Павлов И. Н. Жизнь русского гравера. М., 1963. С. 48.
42. Кибрик Е. А. Всегда открытие//Новый мир, 1980, № 1. С. 129—193.
43. Литвинов В. В. Встреча в снегу. М., 1983. С. 46.
44. Петров-Водкин К. Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. Л., 1970. С. 335.
45. Бобров С. Мальчик. М., 1975. С. 362.
46. Мандельштам О. Э. Шум времени. Л., 1925. С. 4—5.
47. Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России на рубеже XIX—XX веков. М., 1970. С. 26.
48. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. В 20 т. М., 1977. Т. 19. Кн. 2. С. 27.
49. Либрович С. Ф. Указ. соч. С. 387.
50. Новое время. 1904, 23 окт. (некролог А. Ф. Маркса).
51. Аббадона. Из зарубежных откликов//С.-Петербургские ведомости. 1904. 19 нояб. (2 дек.).
52. Фингал. Общественная польза//Русь. 1904. 31 окт. (13 нояб.).
53. ГРМ, ф. 14, д. 21, л. 1.
54. ИМЛИ, 10368, XIV. С. 158.
55. Салтыков-Щедрин М. Е. Письма, 1885—1889. Л., 1924. С. 250.
56. Лесков А. Жизнь Николая Лескова. М., 1954. С. 655.
57. Лесков Н. С. Заказная литература//Ист. вестн., 1881. № 10. С. 272—292; Литературный разновес для народа//Новое время. 1881. 30 сент.
58. Празднование 25-летия журнала «Нива»//Нива. 1895. № 1. С. 19—20.
59. Арх. Горького КГ—П. 50—11—1, л. 1.
60. Лихачев Д. С. Гомосфера — термин наших дней//Огонек. 1984. № 36. С. 19.
61. Грабарь И. Письма, 1917—1941. М., 1977. С. 258.
62. Чуковский К. И. О современной русской поэзии. Литературные наброски//Ежемесяч. лит. прилож. к «Ниве», 1907, № 1.
63. Чуковский К. Из воспоминаний. М., 1959. С. 441.
64. Нива, 1964, № 1. С. 9.

Звездный час

1. Письма русских писателей к А. С. Суворину. Л., 1927. С. 48.
2. История создания и публикации романа подробно исследована в трудах советских ученых. См.: Гудзий Н. К. История писания и печатания «Воскресения»//Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Юбилейное изд. Т. 33. М.; Л. 1935. С. 329—422. (Далее все ссылки на это издание даются в тексте в скобках, первая цифра указы-

вает том, а последующие — страницы); Зайденшнур Э. Коневская повесть Л. Н. Толстого//В мире книг. 1975. № 7. С. 68—70.
3. Толстая С. А. Дневники. В 2 т. Т. 2. 1901—1910. М., 1978. С. 77.
4. ГМТ. Отдел рукописей.
5. Грюнберг Ю. О. Мои воспоминания о «Ясной Поляне» (Публ. А. П. Толстякова//Книга: Исслед. и материалы. 1978. Сб. 37. С. 100—108.
6. ГМТ. Отдел рукописей.
7. Там же.
8. Зайденшнур Э. Указ. соч. С. 69.
9. ГМТ. Т. С. 90.6. № 73.
10. ГМТ. 85/11, № 185.
11. ГМТ. Отдел рукописей.
12. Пастернак Л. О. Письма к Р. И. Сементковскому. Публ. Л. Н. Кузьминой//Рус. лит. 1975. № 3. С. 186—191.
13. Бонч-Бруевич В. По поводу русского издания «Воскресения»// Минувшие годы. 1908. № 11. С. 316—317.
14. Гудзий Н. К. Указ. соч. С. 400, 399; по просьбе Т. Л. Толстой издатель возвратил все черновики романа, корректуры и оригинал «Воскресения» (ИРЛИ, 10.379, XIV. С. 160).
15. Сементковский Р. И. Встречи и воспоминания//Рус. старина, 1912. № 1. С. 108.
16. ГМТ. Отдел рукописей. Зайденшнур пишет, что поправки были внесены только во второе издание/см.: Зайденшнур Э. Указ. соч. С. 70/.
17. «Я довольствуюсь Вашим любезным обещанием отдать эти произведения в мой журнал тогда, когда они будут готовы к печати», — отвечая ему, писал Маркс/ГМТ/.
18. Суворин А. С. Дневник. М.; Пг.; 1923. С. 210—211.
19. ЦГАЛИ, ф. 2160, оп. 1, д. 7, л. 71—72.

«Фабрикант» читателей

1. Тверская публичная библиотека//Кн. вестн., 1865, № 6. С. 117.
2. Книжное дело и кредит. — Петербург. листок, 1893, 2 авг. Как позволяют судить документы, ссуду от казны Смирдин в конечном счете получил. Об этом свидетельствует его прошение в Особую канцелярию по кредитной части от 21 марта 1852 о предоставлении ему льгот в выплате долга по ссуде, полученной в залог всех его изданий (ЦГИА, ф. 583, оп. 4, д. 247, л. 12—14).
3. Кн. вестн., 1886, № 17. С. 801.
4. Поршнев Г. И. История книжной торговли в России//Книжная торговля. М., 1925. С. 114—115.
5. Авсеенко В. Указ. соч. С. 1006.
6. Голос, 1878, № 336. 5 дек.
7. Шульговская А. Воспоминания об Адольфе Федоровиче Марксе// Нива. 1904. № 50. С. 997.
8. ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 2557, л. 4.
9. Ист. вестник, 1895, т. 75, вып. 2, с. 693—695.
10. ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 1, д. 27, л. 1; ф. 282, оп. 1, д. 100, л. 2.
11. Гнедич П. Художественные издания А. Ф. Маркса//Нива, 1904, № 50. С. 1008.
12. Только за право воспроизведения картин А. Ф. Маркс уплатил художнику 3800 руб./ГПБ, ф. Шишкина, оп. 1, д. 167, л. 1/.

13. Гнедич П. П. Книга жизни. Воспоминания. 1885—1918. Л., 1927. С. 112.
14. Михеев В. А. Ф. Маркс о хорошем в «старине» и о настоящем у художников//Нива. 1904. № 50. С. 1005.
15. Рассудовская И. М. Издатель Ф. Ф. Павленков. (1839—1900). М., 1960. С. 40.
16. ГБЛ, ф. 360, карт. 1, д. 19, л. 1.
17. Вольтке Г. Заслуги А. Ф. Маркса в популяризации естествознания в России//Нива. 1904. № 50. С. 1017.
18. ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 29, д. 14, л. 49 и 60/сообщ. Ю. А. Горшковым/; ГИАЛО, ф. 260, оп. 1, д. 104, л. 321.
19. Труд и капитал, затраченный на каждый № «Нивы»...//Нива. 1873. № 17. С. 266—272.
20. ЛГИА, ф. 260, оп. 1, д. 128, л. 52; ЦГИА, ф. 776, оп. 29, д. 16, 1886, л. 33—34, 47—48.
21. Как возникает нумер «Нивы»//Нива, 1887, № 49. С. 1243.
22. Открытие художественно-литографического заведения для печатания олеографий и акварелей большого размера//Нива, 1889. № 13. С. 349.
23. ЦГИА, ф. 776, оп. 26, д. 19, 1890, л. 53—54, 69—70; д. 22, 1896, л. 35; ЛГИА, ф. 260, оп. 2, д. 60, л. 74.
24. Распределение наград//Обзор Первой Всерос. выставки печатного дела. 1885. № 29. С. 6—7; Посещение выставки его императорским величеством государем императором//Там же. № 15. С. 1—3.
25. Орлов Б. П. Полиграфическая промышленность Москвы: Очерк развития до 1917 г. М. 1953. С. 265—266.

Собрания сочинений

1. Астафьев П. Деревенский читатель. (Письмо из Череповецкого уезда)//Жизнь. 1898. № 35. С. 260.
2. Светлов В. Зерна истины//Нива. 1904. № 50. С. 1014.
3. Кузьмин Н. В. Круг царя Соломона. 2-е изд., доп. М., 1966. С. 195—196.
4. Лидин В. Г. Всем друзьям книги//Работница. 1975. № 1. С. 29.
5. Розанов И. Н. Книга и люди в XIX веке//Книга в России. 1925. ч. 2. С. 467.
6. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13 т. М. 1956. Т. 10. С. 54.
7. Лонгинов М. Н. Соч. Т. I. М., 1915. С. 324.
8. Либрович С. Ф. Указ. соч. С. 417.
9. Штейнгель В. И. Записки//Общественное движение в России в первую половину XIX века. Спб., 1905. Т. 1. С. 410.
10. Русаков В. (Либрович С. Ф.). Литературные гонорары русских писателей//Новости, 1904, 13 авг.
11. Полевой П. Как были проданы сочинения Пушкина Исаеву//Ист. вестн. 1887. № 3. С. 679.
12. Пушкин А. С. Собр. соч. М., 1976. Т. 7. С. 317.
13. Штейн В. Кое-что о книгах, их творцах и собирателях//Печатное искусство. 1902. № 6. С. 177—179.
14. Полевой К. А. Записки//Ист. вестн. 1887. № 5. С. 295.
15. Русаков В. Литературные гонорары русских беллетристов (документы из истории литературного заработка в России)//Новости, 1904, 12/25/ июля.

16. Рыскин Е. И. Основные издания сочинений русских писателей XIX века. М., 1948. С. 9.
17. Кубасов И. А. Декабрист А. И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения. Пг., 1922. С. 1.
18. Введенский А. Из воспоминаний//Нива. 1904. № 50. С. 1003.
19. Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1985. С. 276.
20. ЦГАЛИ, ф. 139, оп. 2, д. 19, л. 10.
21. Русская театральная пародия, XIX — начало XX века. М., 1976. С. 803.
22. Грабарь И. Э. Моя жизнь: Автомонография. М.; Л., 1937. С. 91.
23. Книга: Исслед. и материалы. 1976. Сб. 32. С. 148—149.
24. Миронов А. Г. И. С. Тургенев и книгоиздательство братьев Салаевых в Москве.— Книга: Исслед. и материалы. М., 1961. С. 5. С. 323.

Н. В. Гоголь

25. ЦГАЛИ, ф. 139, оп. 2, д. 17, л. 1—2; д. 19, л. 8.
26. Гнедич П. П. Художественные издания А. Ф. Маркса//Нива, 1904, № 50. С. 1008.
27. Штейн В. Юбилейное издание гоголевских «Мертвых душ» А. Ф. Маркса//Печатное искусство, 1902. № 6. С. 195.
28. ЦГАЛИ, ф. 139, оп. 2, д. 21, л. 8.
29. Маркс А. Ф. От издателя//Гоголь Н. В. Похождения Чичикова или мертвые души. Спб., 1900. С. VI.
30. Штейн В. Указ. соч. Судя по «Обязательствам» П. П. Гнедича и договору Маркса с М. М. Далькевичем на приобретение у него прав на рисунки к «Мертвым душам», только иллюстрирование книги обошлось издателю минимум в 7 тыс. руб. (ЦГАЛИ, ф. 139, оп. 2, д. 21, л. 8; д. 20, л. 1).
31. ЦГАЛИ, ф. 130, оп. 2, д. 19, л. 1.
32. Чернышевский Н. Г. Указ. соч. С. 696.
33. С.-Петербургские ведомости. 1876. 4 янв.
34. Гудзий Н. К. Николай Саввич Тихонравов. М., 1956. С. 53.
35. ЦГАЛИ, ф. 509, оп. 3, д. 11, л. 1.
36. ЛГИА, ф. 1376, оп. 1, д. 502, л. 2.
37. ЦГАЛИ, ф. 139, оп. 2, д. 19, л. 1; д. 21, л. 1.
38. ГБЛ, ф. 298, к. 5, д. 45, л. 44—45 об., 16 об—17, 20, 21 об., 23 об. — 24, 30 об., 44—45 об., 33—40, 13—17 об.
39. Там же, л. 11—12 об.
40. Там же, к. 1, д. 9, л. 1—3 об.
41. Там же, к. 5, д. 45, л. 1—10.
42. Шенрок В. И. Н. С. Тихонравов, как издатель сочинений Н. В. Гоголя//Памяти Николая Саввича Тихонравова. М., 1894. С. 92.
43. ЦГАЛИ, ф. 139, оп. 2, д. 21, л. 9, 13, 19; ГБЛ, ф. 360, к. 1, д. 72, л. 1; д. 71, л. 1.
44. ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 1, д. 11, л. 1, 2, 4.
45. ГБЛ, ф. 419, к. 1, д. 25, лл. 1—4.
46. Гнедич П. П. Указ. соч.
47. Лагов Н. Книжный мир Петербурга//Изв. кн. магазинов М. О. Вольфа, 1903, № 8/9. С. 84.
48. Рус. мысль, 1896, № 11, С. 503—504.
49. Наблюдатель. 1896. № 11. С. 19.
50. Сев. вестник, 1896. № 7. С. 323.

51. Литературное наследство, 1973. Т. 90. Кн. 3. С. 347—348.
52. Рус. обозрение, 1896, № 8. С. 859—860; № 9. С. 471—473.

Ф. М. Достоевский

53. ГБЛ, ф. 360, к. 1, д. 81, л. 1—3.
54. ИРЛИ, 10.348, л. 1.
55. Достоевская А. Г. Продажа прав «Ниве» (Из воспоминаний). — Публ. С. В. Белова//Книга: Исслед. и материалы, 1976. Сб. 32. С. 148, 152, 154.
56. ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, д. 726, л. 94.
57. ГБЛ, ф. 93, к. 6, д. 60, л. 2.

И. С. Тургенев

58. Цит. по: Коничев К. Русский самородок: Повесть о Сытине. Л., 1966. С. 102.
59. Ленин В. И. Письма к родным. 1894—1919. М., 1931. С. 102.
60. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Л. 1968. Т. 13. Кн. 1. С. 217.
61. Нива. 1882. № 43. С. 1029.
62. Тургенев И. С. Указ. соч. С. 161.
63. Красн. архив, 1940, № 3. С. 210.
64. Маркс А. Ф. Об И. С. Тургеневе (от издателя)//Нива. 1883. № 34. С. 821.
65. Там же.
66. Тургенев И. С. Указ. соч. Кн. 2. С. 258. Первый комментатор этого письма Г. П. Миролюбов писал, что «П. Виардо ревниво оберегала свои права наследницы имущества И. С. Тургенева и не желала разглашения тайны оставшихся рукописей» (Звенья, 1950. Вып. 8. С. 250). Ему же принадлежит наиболее подробное освещение возникшего на этой почве конфликта (Там же. С. 251—255).
67. См., напр.: Дневник Е. А. Штакеншнейдер//Голос минувшего, 1919. № 14. С. 190—196.
68. Полонский Я. П. И. С. Тургенев у себя в последний приезд//Нива. 1884. № 1—8.
69. ЦГАЛИ, ф. 509, оп. 3, д. 11, л. 1.
70. ЦГАЛИ, ф. 509, оп. 3, д. 10, л. 1.
71. Об этой девочке см. в кн.: Тургенев и Савина. Пг., 1918. С. 17.
72. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч. М.: Л., 1960. Т. 1. С. 507.
73. ЦГАЛИ, ф. 509, оп. 3, д. 10, л. 3, 5, 6.
74. ГБЛ, ф. 360, карт. 1, д. 65, л. 1.

И. А. Гончаров

75. ЛГИА, ф. 1376, оп. 1, д. 424, л. 2.
76. ЦГАЛИ, ф. 135, оп. 1, д. 42, л. 1.
77. ГПБ, ф. 171, оп. 1, д. 1.
78. Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. М., 1934. С. 529.
79. См.: Гончаров И. А. Собр. соч. М., 1954. Т. 7. С. 530—531.

80. Ясинский И. Роман моей жизни: Кн. воспоминаний. М.; Л., 1926. С. 145—146.
81. И. А. Гончаров и И. С. Тургенев. Пг., 1923. С. 102—104.

М. Е. Салтыков-Щедрин

82. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 5. Спб., 1913. С. 55.
83. ЦГАЛИ, ф. 445, д. 174, л. 1.
84. ЛГИА, ф. 1376, оп. 1, д. 870а, л. 2. Как можно заключить по издательским документам, в связи с событиями в 1906 г. тираж «Нивы» резко сократился и сочинения Салтыкова-Щедрина допечатывались тиражом в 150 тыс. экз. (Там же, д. 993, л. 2).

Н. С. Лесков

85. Багрий А. В. Литературный семинарий. Баку, 1927. Вып. 2. С. 29; Невский альманах. Пг., 1917. Вып. 2. Из прошлого. С. 139.
86. ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 3, д. 9, л. 2, 3, 4.
87. В мире Лескова. М., 1983. С. 357; Багрий А. В. Указ. соч.
88. ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 3, д. 9, л. 6, 7, 8 (копии). Подлинники: ИРЛИ. 10.358, л. 3—8, 11—15.
89. В мире Лескова. С. 357.
90. ГБЛ, ф. 360, к. 1, д. 39, л. 1—2.
91. Измайлов А. Вместо предисловия (на основании переписки Н. С. Лескова с Елиз. М. Бем). «Оскорбленная Нетэта». Историческая повесть Н. С. Лескова//Невский альманах. 1917. Вып. 2. Из прошлого. С. 139, 144.
92. В мире Лескова. С. 361, 363.
93. ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 3, д. 5, л. 3, 4, 13.
94. Там же, ф. 275, оп. 1, д. 342, л. 1.
95. Там же, ф. 335, оп. 3, д. 6, л. 1.
96. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 8, л. 5—6.

А. А. Фет

97. Благой Д. Д. Мир как красота//Фет А. А. Вечерние огни. М., 1971. С. 226; Последний сборник своих стихов А. А. Фет выпустил тиражом в 600 экз.
98. Писарев Д. И. Полн. собр. соч.: В 6 т. Спб., 1904. Т. 3. Стб. 241.
99. ЦГАЛИ, ф. 1317, оп. 1, д. 21, л. 1.
100. Там же, ф. 515, оп. 2, д. 7, л. 1.
101. Там же, л. 3.
102. См.: Черногубова Н. Н. К хронологии стихов Фета//Сев. цветы на 1902 г. М., 1902. С. 215— 224.
103. Рыскин Е. И. Указ. соч. С. 136.
104. Цит. по: Бухштаб Б. Я. Судьба литературного наследства А. А. Фета//Лит. наследство. 1935. Т. 22—24. С. 584.
105. ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 1, д. 7, л. 21.
106. Там же, л. 21—22.
107. От издателя//Фет А. А. Полн. собр. стихотворений, Спб., 1901. Т. 1. С. 111.

108. Бухштаб Б. Я. А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974. С. 133.
109. ГБЛ, ф. 315, к. 9, д. 7, л. 1; а также: к. 4, д. 3, л. 1; к. 9, д. 8, л. 1.

Я. П. Полонский

110. Штакеншнейдер Е. А. Из дневника//Голос минувшего. 1919. № 1/4. С. 191.
111. ИРЛИ, 10368—10369, XIV с.
112. Там же, ф. Полонского, № 12902, л. 13 (пер. с фр.).
113. Там же, № 12902, л. 16 (на рус. яз.).
114. Там же, л. 14, 18—19, 20 (на фр. яз.).
115. ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 3, д. 13, л. 1—2 об.
116. ИРЛИ, ф. Полонского, № 12902, л. 21—24.
117. Там же, № 10.368.
118. Там же, ф. Полонского, № 12902, л. 28.
119. ГБЛ, ф. 331, к. 56, д. 36 г: л. н. н.

Вокруг Чехова

1. Потапенко И. Н. Несколько лет с А. П. Чеховым//Чехов в воспоминаниях современников. 2-е изд., доп. М., 1959. С. 276
2. Все ссылки даются по изданию: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1974—1983. Т. 5. С. 226. Первая цифра (в тексте в скобках) обозначает том, последующие — страницы.
3. ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 2, д. 83, л. 41.
4. Сергеенко А. А. О Чехове//Ежемесячные лит. и популярно-науч. прилож. к журн. «Нива». 1904. № 10. С. 250.
5. Красный архив. 1929. № 6. С. 201, 202.
6. Там же. С. 199. Узнав о содержании телеграммы Суворина, Сергеенко пророчески писал, что она «мало привлечет к нему симпатий со стороны потомства» (Там же. С. 207).
7. Видуэцкая И. П. А. П. Чехов и его издатель А. Ф. Маркс. М., 1977. С. 37.
8. Там же. С. 21.
9. ГБЛ, ф. 331. к. 56, д. 36 а, л. 6—7 об.
10. Красный архив, 1929, № 6. С. 208—209.
11. Там же. С. 205.
12. Потапенко И. Н. Указ. соч. С. 276.
13. ГБЛ, ф. 331, к. 43, д. 113, л. 1.
14. Сергеенко А. А. Указ. соч. С. 239.
15. Архив А. М. Горького. М., 1954. Т. 4. С. 27.
16. Гитович Н. И. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., 1955. С. 732—734.
17. ГБЛ, ф. 331, к. 52, д. 10 в, л. 1—2.
18. Телешов Н. Д. А. П. Чехов//Чехов в воспоминаниях современников. С. 448.
19. Там же. С. 449—450.
20. Оригинал письма хранится в фонде А. Ф. Маркса в Центральном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 1, д. 42, л. 1—4).
21. Видуэцкая И. П. Указ. соч. С. 151.

22. ГБЛ, ф. 331, к. 41, д. 15 б, л. 12 об.; Видуэцкая И. П. Указ. соч. С. 58.
23. Видуэцкая И. П. Указ. соч. С. 103.
24. Там же. С. 111—112.
25. Любошиц С. Б. В сутолоке жизни//Новости дня. 1904. 11 июля.
26. Архив А. М. Горького. Т. 4. 1954. С. 143.
27. ГБЛ, ф. 331, к. 56, д. 48а.
28. ГБЛ, ф. 331, к. 51, д. 37 а.
29. Измайлов А. Чехов, 1860—1904. Жизнь. — Личность. — Творчество. М., 1916. С. 487, 488; Соболев Ю. Чехов. М., 1934. С. 242, 243; Дерман А. Чехов. М., 1939. С. 176.
30. Новое время. 1900. 13(26) окт.
31. А. П. Чехов: Сб. док. и материалов. М., 1947. С. 5; Лит. Россия, 1968, 5 янв.
32. Видуэцкая И. П. Указ. соч. С. 75—76.
33. ГБЛ, ф. 331, к. 58, д. 48 б; Красный архив, 1929, № 6. С. 207.
34. Красный архив. 1929. № 6. С. 203, 207.
35. Незадолго до заключения договора (11 авг. 1898 г.) управляющий изданиями (конторой) «Нового времени» К. С. Тычинкин, которого Чехов весьма высоко ставил, писал о Сергеенко: «Вот неискренний-то господин! Я видел его не более двух часов, но, во-первых, узнал всю подноготную про Льва Толстого, разумеется, озаренную ореолом света и 〈...〉 в волнах фимиама, а во-вторых, почти поругался с ним из-за Сократа. Что мне сергеенковский Сократ, но как-то даже приятно было хоть повздорить с ним. Такой нужный человек и такая у него непогрешимость»/ГБЛ, ф. 331, к. 60, д. 645/. «Нудным и неискренним» человеком называл Сергеенко и сам Чехов.
36. ГБЛ, ф. 331, к. 58. д. 48 б.
37. ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, д. 307, л. 1—2.
38. ГБЛ, ф. 331, к. 51, д. 37 а.
39. Дорошевич В. «Новое время» и Чехов//Рус. слово. 1904. 8 июля.
40. «Когда знакомые спросили А. Ф. Маркса, зачем он изменил надпись на венке, он ответил таким образом: «Затем, что похороны Чехова — большое общественное дело. Если общественное мнение находит возможным в такую минуту отнять у меня звание ,,друга" Чехова — я должен повиноваться; какое право имею я удерживать его за собой, вопреки голосу общества? Будущее меня оправдает, а теперь я повинуюсь, отхожу в сторону и буду плакать о Чехове наедине с собою в своем углу...» (Аббадона. Из зарубежных откликов//С.-Петербург. ведомости, 1904, 19 нояб.).
41. Мщение г. Маркса//Рус. слово. 1904. 14 июля.
42. В дальнейшем этот факт использовал И. Василевский/Не—буква/интерпретировав его по-своему, как акт «возмездия» за якобы непочтительные слова Чехова о Марксе (С.-Петербург. ведомости, 1904. 24 июля).
43. Дорошевич В. А. П. Чехов//Рус. слово. 1904. 3 июля. Этот раздел статьи Дорошевича перепечатала газета сына Суворина — А. А. Суворина (Русь, 1904, 5 июля).
44. Статья написана 6 июля 1904 г. — Цит. по: Амфитеатров А. В. Курганы. 2-е изд., доп. Спб., 1909. С. 22.
45. Суворин о Чехове//Рус. слово. 1904. 5 июля.
46. Новое время. 1904. 4 июля.
47. Там же. 8 июля.
48. Там же. 10 июля.
49. С.-Петербург. ведомости. 1904. 10 июля.

50. Аббадона. Из зарубежных откликов//С.-Петербургские ведомости. 1904. 19 нояб.
51. С.-Петербург. ведомости. 1904. 10 июля.
52. Кн. вестн., 1904. № 28. С. 835—837.
53. Минин П. Чехов и его издатель//Моск. ведомости. 1904. 13 июля.
54. Мещерский В. Дневники. Суббота. 10 июля//Гражданин. 1904. 11 июля.
55. Аз. В. Дешево стоит//Новости. 1904. 12 июля.
56. Суворин писал: «Как раз в это время составлялся проект о выкупе сочинений Чехова у г. Маркса, а с „приложением“ их к „Ниве“ они явились обесцененными на книжном рынке, насытив массу читателей, и разговоры о выкупе прекратились тотчас же» (Новое время, 1904, 10 июля). У читателя невольно могло создаться впечатление, что он был одним из инициаторов этого акта.
57. ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 2, д. 106, л. 12.
58. ГБЛ, ф. 331, к. 60, д. 645, Письмо от 5 января 1899 г. и др.
59. ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 2, д. 106, л. 9—10.
60. Там же, д. 83, л. 41—42; Свои публицистические статьи А. С. Суворин публиковал под единым заглавием «Маленькие письма», как правило, на второй полосе «Нового времени», с последовательной нумерацией.
61. Там же. С. 34—40.
62. Из общественной хроники//Вестн. Европы. 1904. № 8. С. 889—891.
63. Красный архив. 1929. № 6. С. 200.

Жизненный долг

1. Цит. по: Светлов В. Зерна истины//Нива, 1904. № 50. С. 1015.
2. Коненков С. Т. Выступление на торжественном заседании, посвященном столетию издательской деятельности И. Д. Сытина. 19 декабря 1966 г.//ВКП. Фонд персоналий, к. 37.
3. Аббадона (Амфитеатров А. В.). Указ. соч.
4. Луговой А. Из серии силуэтов. А. Ф. Маркс (рукопись)//ИРЛИ, 10401, л. 4, 9, 37.
5. Гнедич П. Художественные издания А. Ф. Маркса//Нива. 1904. № 50. С. 1008.
6. Павлов И. Н. Жизнь русского гравера. С. 118.
7. Грабарь И. Э. Моя жизнь. Автомонография. С. 92.
8. Фингал (Потапенко И. Н.). Указ. соч.
9. Аббадона (Амфитеатров А. В.). Указ. соч.
10. Цит. по: Русаков В. Литературные гонорары русских беллетристов...//Новости, 1904, 12 (25) июля.
11. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. В 12 т. М., 1948. Т. 2. С. 487—488.
12. ГПБ, ф. 171, оп. 1, д. 1, л. н. н. Еще незаконченную повесть предложил издателю «Нивы» 20 сент. 1882 г. (ИРЛИ, 10.395, л. 3—4).
13. Аббадона/Амфитеатров А. В./. Указ. соч.
14. Гнедич П. П. Книга жизни. Л., 1927. С. 108.
15. Труд и капитал, затрачиваемый на каждый № «Нивы«//Нива. 1873. № 17. С. 267; ИРЛИ, ф. 268, оп. 1, д. 128, л. 1—2.
16. ГПБ, ф., Шишкина, д. 167, л. 1.
17. Арх. Г., П-ка «Зн.» 18—10—4; 18—10—2; ЦГАЛИ, ф. 59, оп. 1, д. 87, л. 6; ИРЛИ, ф. 220, оп. 1, д. 103, л. 1; ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 4316, л. 9.

18. ЦГАЛИ, ф. 122, оп. 2, д. 51, л. 330—331, 341, 342, 345, 346—348, 355, 364—381; д. 53, л. 46, 44; ф. 552, оп. 1, д. 2740, л. 1, 5, 6, 9; ф. 122, оп. 1, д. 1435, л. 15—16, 21—22.
19. Луговой А. Указ. соч. Л. 27.
20. Арх. Г., Кг. П., 50—11—2.
21. Так, например, в 1897 г. писатель П. Д. Боборыкин продал А. Ф. Марксу свою книгу «Столицы мира». Однако она вышла в другом издательстве в 1912 г., как писал автор, «не по моей вине». (Боборыкин П. Д. Воспоминания, М., 1965. Т. 1. С. 405).
22. ЦГАЛИ, ф. 1317, оп. 1, д. 21, л. 1.
23. ИРЛИ, 10.365, л. 1.
24. Луговой А. Указ. соч. Л. 12.
25. Белов С. В. Мировоззрение русских писателей и их печатная продукция (К постановке вопроса)//Русская демократическая книга: Кн. дело Петербурга—Петрограда—Ленинграда. Л., 1983. С. 19.
26. ИРЛИ, 347, л. н.н.
27. Там же, ф. 242, оп. 1, д. 166, л. 1—2.
28. Там же, 10.368—10, 369.
29. Там же, 10.383. XIV с. 160, л. 1.
30. ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 1, д. 28, л. 1.
31. Там же, л. 4.
32. Там же, ф. 19, оп. 2, д. 1, л. 7, 12.
33. См. напр.: Медведский К. П. Один из наших Вальтер Скоттов// Наблюдатель. 1894. № 2.
34. Адонц Гайк. Предисловие//Гнедич П. П. Книга жизни. С. 19.
35. ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 1, д. 3, л. 13—14, 25.
36. Там же, л. 29, 30.
37. Там же, л. 77—78.
38. ЦГАЛИ, ф. 409, оп. 1, д. 3, л. 7, 11.
39. Сементковский Р. И. Встречи и столкновения//Рус. старина, 1911. № 12. с. 522.
40. ГБЛ, ф. 360, к. 1, д. 52, л.н.н.
41. ГБЛ, ф. 331, к. 56, д. 36 г., л.н.н.
42. ЦГАЛИ, ф. 409, оп. 1, д. 2, л. 8; д. 10, л. 2, 3.
43. Аббадона (Амфитеатров А. В.) Указ. соч.
44. ГБЛ, ф. 360, к. 1, д. 47, л. 1—2; ЦГАЛИ, ф. 814, оп. 1, д. 23, л. 12.
45. ГБЛ, ф. 360, д. 18, л. 1; к. 3, д. 25, л. 1—3.
46. Квидам/Кугель А. Р./Петербург//Новости дня. 1904. 25 окт.
47. А. Ф. Кони о А. Ф. Марксе//Нива, 1904, № 50. С. 1001.
48. Вельтке Г. Указ. соч.
49. Луговой А. Указ. соч.; Кардовский Д. Н. Об искусстве: Воспоминания, статьи, письма. М. 1960. С. 88—89; Грабарь И. Э. Указ. соч. С. 90.
50. ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 1, д. 14, л. 1, 3.
51. Гнедич П. Художественные издания А. Ф. Маркса//Нива. 1904. № 50. С. 1008.
52. ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 1, д. 7, л. 19.
53. Там же, д. 5, л. 32.
54. ИРЛИ, ф. 446, оп. 1, д. 85, л. 1.
55. Павлов И. Н. Указ. соч. С. 12.
56. Там же. С. 124.
57. ГБЛ, ф. 331; к. 58 Б, (Письмо от 9 февраля 1889) 48 д.

58. Старожил. Петербургские силуэты//Солнце России, 1913, № 3. С. 14.
59. ИРЛИ, ф. 10.374. XIV с. 159, л. 1.
60. Там же, 10.346. XIV с. 155. л. 7.
61. ЦГИА, ф. 776, оп. 4, д. 329, л. 68.
62. Там же, ф. 1411, оп. 2, д. 601, л.н.н. /Герб А. Ф. Маркса см. по алфавиту фамилий/.
63. Кн. вестн. 1884, № 1. С. 12—13; 1886, № 4, С. 5—6; 1889, № 1, ст. 2; № 10. С. 166.
64. Сергеенко П. Последний привет//Нива, 1904. № 50. С. 1000.
65. ЦГИА, ф. 1343, оп. 36, д. 15352, л. 1—14.
66. Файл О. Указ. соч.; ЦГАОР, ф. 102, оп. 272, д. 700, 702.

Судьба издательства

1. Светлов В. Зерна истины. С. 1015.
2. ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 1, д. 34, л. 2.
3. Луговой А. У гроба А. Ф. Маркса//Нива. 1904. № 45. С. 904.
4. Гнедич П. П. Художественные издания А. Ф. Маркса. С. 1008.
5. Лященко П. П. История народного хозяйства СССР. М., 1948. Т. 2. С. 342.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 385.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 641; Т. 22. С. 234.
8. См., напр.: Цыперович Г. В. Синдикаты и тресты в России. 3-е изд. Пг., 1920.
9. Павлов И. Н. Указ. соч. С. 126.
10. См. соотв.: ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 1, д. 7, л. 1—2; д. 24, л. 2, 3—5, 7.
11. Андреев Л. Знаменательный юбилей//Рус. воля. 1917. 19 февр.
12. ИРЛИ, ф. 433, оп. 1, д. 9.
13. ИРЛИ, 10—344.
14. Грабарь И. Э. Указ. соч. С. 185.
15. ЦГИА, ф. 776, оп. 4, д. 329, л. 261.
16. Дейч А. Первое знакомство//Воспоминания о Корнее Ивановиче Чуковском. 2-е изд. М., 1983. С. 56; Донской Я. Е. В. Г. Короленко и издательство А. Ф. Маркса//Книга: Исслед. и материалы. 1973. Сб. 27. С. 128.
17. Павлов И. Н. Указ. соч. С. 119; Грабарь И. Э. Указ. соч. С. 89.
18. Полн. собр. русских законов. 3-е изд. 1906. Т. 26. с. № 27538; ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 1310, л. 41—52.
19. Там же, л. 30.
20. ЦГАЛИ, ф. 409, оп. 1, д. 9, л. 1—2; ИРЛИ, ф. 433, оп. 1, д. 3, л. 1—2; Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. Спб., 1911. С. 86—89; ЛГИА, ф. 1376, оп. 1, д. 1705, л. 1—2; ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 1310, л. 30, 37; Там же, ф. 1284, оп. 187, д. 17, л. 94—95.
21. ЛГИА, ф. 1376, оп. 1, д. 1574а, л. 1—2; д. 1848, л. 1.
22. ИРЛИ, ф. 433, оп. 1, д. 3, л. 3—4.
23. Тулупов Н. В. Моя работа в издательстве Сытина (рукопись)// ГБЛ, ф. 218, к. 375, д. 1, л. 12 об.
24. Там же, ф. 360, к. 3, д. 39, л. 1.
25. ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 1310, л. 30.
26. Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л. 1973. С. 14.

Все остается людям

1. Толстая С. А. Дневники. В 2 т. Т. 2. М., 1978. С. 499.
2. Известия книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф. 1904, № 2. С. 25; 1901. № 9—10. С. 97—100; 1903. № 7. С. 102.
3. Храбровицкий А. В. Горький и Имре Мадач//Новый мир, 1958. № 6. С. 275.
4. ГБЛ, ф. 331, к. 5, д. 37 «в», л. 16, 17, 19, 46.
5. Арх. Г. Кг—П. 50—11—2.
6. ГБЛ, ф. 360, к. 3, д. 8, л. 1.
7. ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 1, д. 63, л. 1; Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М., 1958. Вып. 2. С. 282.
8. Арх. Г. Пг—рл, 22—1—120.
9. Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин. М. 1983. С. 168—170; Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 2. С. 571.
10. ГБЛ, ф. 135, разд. 11, к. 39, д. 59, л. 1—2.
11. Там же, к. 42, д. 18, л. 11.
12. ЦГАЛИ, ф. 234, оп. 1, д. 177, л. 21—24; Короленко В. Г. Полн. собр. соч., Посмертное изд. Харьков. 1929, Т. 5. С. 241.
13. Пиксанов Н. К. Обзор литературы о В. Г. Короленко//Печать и революция, 1922. № 2. С. 184—185.
14. Донской Я. Е. В. Г. Короленко. Очерк полтавского периода жизни и деятельности писателя. 1900—1921. Харьков. 1963. С. 171; Он же. В. Г. Короленко и издательство А. Ф. Маркса//Книга: Исслед. и материалы. М., 1973. Сб. 27. С. 119—131.
15. ГБЛ, ф. 135, разд. 11, к. 2, д. 34, л. 1.
16. Там же, разд. 1, к. 43, д. 19, л. 1—7.
17. Короленко В. Г. Избр. письма. М. 1932. Т. 2. С. 7.
18. ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 3, д. 10, л. 1. Сообщено А. В. Храбровицким.
19. ГЛМ оф 5911/9 л. 1.
20. Сообщено А. В. Храбровицким.
21. ГЛМ. оф 5821/5.
22. Короленко В. Г. Избр. письма. Т. 2. С. 6.
23. Донской Я. Е. Указ. соч. С. 122, 123.
24. Храбровицкий А. В. Нарушение авторской воли//Рус. лит. 1962. № 1. С. 239.
25. Короленко В. Г. О литературе. М.; 1957. С. 597.
26. ГБЛ, ф. 135, разд. II, к. 7, д. 19. (Сообщено А. В. Храбровицким).
27. Короленко В. Г. Указ. соч. С. 598.
28. ГБЛ, ф. 135, разд. II, к. 7, д. 19; Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1956. Т. 10. С. 506.
29. ГБЛ, ф. 135, разд. II, к. 39, д. 51, л. 4—9; д. 24, к. 43.
30. ЦГАЛИ, ф. 378, оп. 1, д. 40; ф. 371, оп. 2, д. 2; ф. 1111, оп. 3, д. 5.
31. Речь, 1913, 10(23) апр.
32. Лит. обозрение. 1982. № 4. С. 101.
33. ЦГАЛИ, ф. 129, оп. 2, д. 27.
34. ГБЛ, ф. 358, к. 267, д. 77, л. 1.
35. ЦГАЛИ, ф. 513, оп. 2, д. 9, л. 3—6; ГБЛ, ф. 360, к. 3, д. 17, л. 6.
36. Там же, л. 1—2, 6; ф. 358, к. 183, д. 18, л. 3.
37. Арх. Г. ПГ—РЛ. 21—2—120, л. 1.
38. ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 1, д. 58, л. 1, 2.
39. ГБЛ, ф. 360, к. 1, д. 3, л. 1; д. 4, л. 1.
40. ГБЛ, ф. 360, к. 1, д. 15, л. 1—2, 3; д. 16, л. 1, 2.
41. Там же, д. 75, л. 1—7.
42. Вопр. литературы, 1969. № 7. С. 187.

43. Там же, л. 10, 11, 12; Вопр. лит. 1969. № 7. С. 188.
44. Там же, л. 13.
45. ЦГАЛИ, ф. 335, оп. 1, д. 24, л. 14.
46. ГБЛ, ф. 360, к. 1, д. 82, л. 1—2.
47. Там же, д. 7, л. 1—2.
48. Архив автора.
49. ИРЛИ, 33—275, л. 2.

Принятые сокращения

АРХ. Г. — Архив А. М. Горького Института мировой литературы им. А. М. Горького (Москва).
ВКП — Архив Всесоюзной книжной палаты (Москва)
ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва)
ГЛМ — Отдел рукописей Государственного литературного музея (Москва)
ГМТ — Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва)
ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
ГРМ — Отдел рукописей Государственного Русского музея (Ленинград)
ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом. Ленинград)
ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва)
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (Москва)
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград)

Ефим Абрамович Динерштейн

«ФАБРИКАНТ» ЧИТАТЕЛЕЙ: А. Ф. Маркс.

Зав. редакцией Е. В. Иванова
Редактор И. А. Бахметьева
Художественный редактор Т. В. Руденко
Технический редактор А. З. Коган
Корректор Т. Я. Воронкова

ИБ 1420

Сдано в набор 25.03.86. Подписано к печати 23.09.86. А11518. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бум.кн журн имп.Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 14,60. Тираж 14 000 экз. Изд. № 4089. Заказ 1505. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Книга» 125047, Москва, ул. Горького, 50.
Московская типография № 4 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 129041, Москва, Б. Переяславская, 46